

ЗАПИСКИ

1814 и 1815 годовъ.

А. Михайловскаго-Данилевскаго,
бывшаго Флигель-Адъютанта Государя Императора
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Qu'il fut grand, lorsqu'il leva l'étendart de
la liberté européenne aux mêmes lieux où
l'Europe alloit consommer notre ruine!

Au milieu de Sa cour ou à la tête de Ses
armées, harangant aux portes de Paris les dé-
putés de la ville, ou seul dans Son jardin de
Tzarskoé-Sélo, c'étoit le maître du monde.

OUWAROFF.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ЗАПИСКИ

1814 и 1815 годовъ.

А. Михайловскаго-Данилевскаго,
бывшаго Флигель-Адъютанта Государя Императора
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Qu'il fut grand, lorsqu'il leva l'étendart de
la liberté européenne aux mêmes lieux où
l'Europe alloit consommer notre ruine!

Au milieu de Sa cour ou à la tête de Ses
armées, harangant aux portes de Paris les dé-
putés de la ville, ou seul dans Son jardin de
Tzarskoé-Sélo, c'étoit le maître du monde.

OUWAROFF.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ законченное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 31 Іюля, 1841 года.

Цензоръ А. Фрейманъ.

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Парижа.—Геттингенъ.—Морское путешествіе.—Возвращеніе Государя въ Петербургъ.—Праздникъ въ Павловскѣ.—
Отъездъ на конгрессъ въ Вѣну.

Послѣ выступленія нашихъ войскъ изъ Парижа и отъезда отсюда Императора Александра Павловича въ Лондонъ, я былъ властенъ располагать своимъ временемъ. Долго колебался я въ выборѣ пути возвращенія моего въ Петербургъ. Сперва хотѣлъ я ѣхать въ Англію, но отложилъ мое намѣреніе. Тамъ, думалъ я, ожидаетъ меня непрерывная дѣятельность: надобно будетъ обозрѣвать множество любопытныхъ предметовъ, проводить ночи на праздникахъ и обѣдахъ, готовимыхъ восторженными Англичанами Александру, а я послѣ трехъ походовъ чувствовалъ необходимость отдыха. Какъ теперь помню мою радость, когда, оставшись въ Парижѣ

одинъ и безъ занятій по службѣ, я съѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣтвистаго дерева, наслаждаясь увѣренностью, что никто не нарушитъ моего спокойствія. То было неизъяснимое, особеннаго рода наслажденіе послѣ исполинской, выдержанной нами войны, въ продолженіе которой не было ни минуты свободной. Отказавшись отъ путешествія въ Англію, я думалъ отправиться полуденною Франціею въ Италію, посѣтить грознаго узника на островъ Эльбъ и поклониться гробу Виргилія. Изъ Италіи я хотѣлъ плыть мимо живописнаго Архипелага, взглянуть на Аѣины, Спарту и Константинополь, и возвратиться въ Россію черезъ Балкапы, не предполагая, что по прошествіи пятнадцати лѣтъ потомъ, судьба приведетъ меня по хребту сихъ горъ въ древнюю Фракію, ко вратамъ Византіи, и что увижу Русскія знамена, водруженныя въ Адрианоуполь, второй столицѣ Оттоманской Имперіи. Нѣсколько дней занимала меня оболѣстительная мысль путешествія по южной Европѣ, но опасаясь противныхъ вѣтровъ и остановки въ карантинахъ, я избралъ другой путь, менѣе тѣшившій воображеніе, но болѣе удовлетворявшій потребности сердца. Я намѣрился ѣхать въ незабвенный для меня Геттингенъ, а потомъ моремъ изъ Любека въ Кронштадтъ.

Въ исходъ Мая, я простился съ Парижемъ. Путь сокращали разговоры съ двумя товарищами о необыкновенныхъ событіяхъ, совершившихся передъ нашими глазами отъ Москвы до Сены, о разныхъ заключеніяхъ въ походахъ, дивныхъ оборотахъ войны безпримѣрной, роскошномъ Парижѣ и торжествѣ Россіи. Встрѣчавшіеся намъ на дорогѣ Французскіе военные смотрѣли на насъ окомъ ненавистнымъ. Иначе быть не могло. Съ возстановленіемъ Бурбонновъ исчезли мечты Французскихъ военныхъ о пріобрѣтеніи почестей, богатствъ и славы, чѣмъ недавній вождь ихъ обольщалъ свои легіоны и подстрекалъ къ подвигамъ дивнымъ. Офицеры и солдаты Наполеоновой арміи, порожденіе многолѣтнихъ войнъ, возросшіе въ праздности биваковъ, не знавшіе другаго отечества, кромѣ своего полковаго штаба, другихъ утѣхъ, кромѣ завоеваній, побѣдъ и злоупотребленія правъ сильнаго, жаждали, для наполненія пустоты существованія ихъ, снова возжечь пламень всемірной войны. Но переѣхавъ Рейнъ, были мы свидѣтелями совсѣмъ иныхъ явленій, среди мирной, торжествующей свое избавленіе Германіи; здѣсь всѣ сословія единодушно признавали Александра виновникомъ своего благополучія; насъ, Русскихъ, принимали они съ радушіемъ неподдѣльнымъ. Название

Русскаго офицера было тогда лестнѣе всякаго громкаго титула.

Изъ Франкфурта на Майнъ отправились мы далѣе. Прїѣхавъ въ Геттингенъ поздно вечеромъ, я почти побѣжалъ по городу, гдѣ я провелъ три счастливейшіе года въ возрастѣ, составляющемъ цвѣтъ нашего бытія. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило мнѣ языкомъ знакомымъ, привѣтнымъ. Случалось мнѣ встрѣчать почную звѣзду на берегахъ Лемана, въ развалинахъ Помпей и на Капитолійскомъ холмѣ; велико было наслажденіе посреди классической Италіи и Женевскаго озера, но оно уступало удовольствію, ощущенному мною ночью, когда увидѣлъ я себя опять посреди уединеннаго Геттингена. Въ слѣдующіе дни я посѣтилъ Венде, Плессу, Маріеншпрингъ. Тамъ все сохраняло прежній цвѣтущій видъ свой, но я грустѣлъ, находя, что измѣнился одинъ я, что прошло время независимости, посвященной исключительно наукамъ и природѣ, и не было уже вокругъ меня друзей юности, съ кѣмъ, беззаботные, мы пивали чашу невинныхъ радостей, не вѣдая превратностей жизни, скрытыхъ тогда отъ насъ непроницаемою завѣсою будущности. Сильно заблуждаются порицатели Германскихъ университетовъ, представляющіе сіи святилища Музъ

вѣртепами разврата! Они основываютъ свои сужденія на словахъ путешественниковъ, выдающихъ на улицахъ, мимоѣздомъ, студентовъ, въ страшныхъ одеждахъ, съ усами и звонкими шпорами, но, встрѣчая повѣсь, путешественники не могутъ видѣть несравненно большаго числа тѣхъ молодыхъ людей, которые отъ раняго утра до поздней ночи трудятся въ своихъ скромныхъ кабинетахъ. Конечно, изъ Нѣмецкихъ университетовъ выходятъ юноши безпавственныя, какъ и изъ другихъ учебныхъ заведеній, но число ихъ ничтожно въ соразмѣрности съ тѣми, которые, кончивъ основательно ученіе, съ непоколебимою вѣрностію служатъ своимъ Государямъ и съ посвященнымъ умомъ дѣйствуютъ къ пользѣ общей, въ кругу, для нихъ судьбою назначенномъ.

Проведя нѣсколько дней въ Геттингенъ, отправились мы въ Травеминде, черезъ ГанOVERъ и Любекъ. Вездѣ принимали насъ какъ братьевъ. Многіе изъ жителей хвалились знаніемъ Русскаго языка и произносили Русскія реченія, другіе вспоминали о нашихъ соотечественникахъ, недавно здѣсь подвизавшихся. Всѣ напутствовали насъ благословеніями. Неблагопріятный вѣтеръ задержалъ насъ нѣсколько времени въ Травеминдѣ, гдѣ единственная отрада моя состояла въ прогулкахъ вдоль песчанаго берега

моря. Неизмѣримое пространство водъ, и глухой ревъ валовъ, дробившихся среди совершеннаго запустынія, располагали меня еще болѣе къ мечтамъ о минувшихъ военныхъ тревогахъ, шумномъ Парижѣ, золотыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Геттингенъ, и свѣтлыхъ надеждахъ, представлявшихся тогда для будущности Россіи. Наконецъ распустили паруса, и для черезъ два мы увидѣли Борнгольмъ, котораго имя, со времени Карамзина, сдѣлалось достояніемъ Русской словесности. Финскій заливъ былъ усянъ кораблями: оживленіе торговли свидѣтельствовало о возстановленіи общаго мира.

Вскорѣ Императоръ Александръ, проведя въ Лондонъ съ 26-го Мая по 10-е Юня, возвратился въ Россію черезъ Голландію, Кобленцъ, Карлсруге, Лейпцигъ и Франкфуртъ на Одеръ, путешествуя, для избѣжанія нарядныхъ встрѣчъ и приемовъ, подъ именемъ Генерала Романова. Онъ прибылъ въ Петербургъ 6-го Юля, послѣ полуторогодичнаго отсутствія, и черезъ нѣсколько дней, окруженный генералами, сопутствовавшими Ему на войнѣ, ѣхалъ верхомъ въ Казанскій Соборъ, слушать благодарственный молебенъ. Безчисленное множество подданныхъ толпилось вокругъ обожаемаго Монарха, вознесшаго Россію на высшую степень могущества и славы;

а когда Опъ во храмъ преклонилъ колѣна, казалось, добрая, ангельская душа Его парила къ себесамъ. Въ половинѣ Юля пришла гвардія, и начались праздники. Самый примѣчательный изъ нихъ былъ данъ въ Павловскѣ Императрицею Марією Феодоровною, удостоившею пригласить всѣхъ офицеровъ гвардіи. На цвѣтистомъ лугу актеры представляли различныя дѣйствія, относившіяся до минувшей войны, участники коей составляли большую часть зрителей. Послѣ театра былъ балъ, а потомъ ужинъ въ палаткѣ, украшенной ярко освѣщенной надписью: «Побѣдителямъ.» Во время стола пѣли сочиненную Лобановымъ пѣсню, начинающуюся такъ:

Ѣздилъ Русскій, Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко,
Злобу поражать.

Пѣсня была принята военными съ восторгомъ; при громѣ рукоплесканій требовали ея повторенія.

31-го Августа я получилъ приказаніе отправиться въ Вѣну, гдѣ назначался Конгрессъ для общаго примиренія Европы, и на другой день выѣхалъ изъ Петербурга въ коляскѣ Князя Петра Михайловича Волконскаго, а онъ черезъ нѣсколько часовъ потомъ отправился въ путь съ Императоромъ. Въ Петербургской

и Псковской губерніяхъ не было никакихъ приготовленій для пріема Государя, но далѣе я встречалъ на каждой почтѣ дворянскихъ предводителей и гражданскихъ чиновниковъ, и находилъ обѣды и завтраки. Временные хозяева предлагали закуски самымъ учтивымъ образомъ. Казалось, будто въ пріѣзствіяхъ ихъ слышны были слова: «Забудьте прошедшее!» Въ Витебскѣ собралися вокругъ меня люди разнаго званія; на вопросъ мой: «Много ли жителей вышло изъ города при нашествіи непріятеля?» молодой купецъ, взглянувъ гордо вокругъ себя, отвѣчалъ съ жаромъ: «Ни одинъ Русскій въ то время «въ городъ не оставался!» Отъ Витебска до Березины рѣдкій городъ и рѣдкая рѣка не ознаменованы какимъ либо происшествіемъ Отечественной войны. Вездѣ еще были видны свѣжіе слѣды разоренія и грабежей Наполеоновою армію, но болѣе всего являлось опустошенія близъ Березины. Часто, въ Тарутинскомъ лагерѣ, смотрѣли мы на карту Россіи и вперя въ Березину, не сомнѣвались, что на берегахъ ея долженствовалъ совершиться уготованный Александромъ приговоръ надъ Наполеономъ. Отъ Березины до Нѣмана опустошенія видно менѣе, но край, въ отношеніи къ происходившему въ немъ театру войны, чрезвычайно любопытенъ. Преданіе

о Двѣнадцатомъ годѣ, какъ драгоценное наследство, должно переходить изъ рода въ родъ, и если когда нибудь облака помрачатъ горизонтъ Россіи, пусть потомки, освѣжа въ своей памяти событія роковаго года, воскресятъ славу нашего отечества!

Легко вообразить пышныя, сдѣланныя намъ встрѣчи въ Варшавскомъ Герцогствѣ, отъ великодушія Государя ожидавшемъ своего политическаго возрожденія. Побѣжденные, Поляки не имѣли никакихъ другихъ основаній надѣяться на возстановленіе своей родины, какъ возсылая мольбы къ Тому, Чьимъ оружіемъ были они покорены. Повсемѣстно жаловались въ Варшавскомъ Герцогствѣ на прежнее Французское управленіе. Мы перѣехали Австрійскую границу близъ Кракова. Кроткое правленіе Императора Франца благодѣтельствовало странамъ, ему подвластнымъ, и вездѣ видны были слѣды мудрыхъ законовъ, ограждаемыхъ въ своей неприкосновенности коллегіальными обрядами. 12-го Сентября я пріѣхалъ въ Вѣну. Мнѣ отвели комнаты въ Императорскомъ дворцѣ. Въ то время уже находились въ Вѣнѣ болѣе семидесяти особъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ Домамъ; нѣкоторые изъ нихъ жили во дворцѣ. Въ его длинныхъ корридорахъ и огромныхъ залахъ встрѣчались лица всѣхъ

Европейскихъ странъ, следовательно говорящія на
всѣхъ языкахъ и во всѣхъ возможныхъ мундирахъ.
Въ первые дни, смѣшеніе лицъ, нарѣчій и одеждъ
казалось настоящимъ маскарадомъ: только не доста-
вало Папы и Султана.

ЗАМЪКЪ

1814 и 1815 годовъ.

ГЛАВА II.

Приезд Государя въ Вѣну. — Великия Княгини. — Принцъ де Ливъ. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Императрица Елисавета Алексѣевна. — Различныя требованія на Конгрессѣ. — Представленіе Принцевъ. — Взглядъ на Конгрессѣ. — Александръ въ дѣлахъ Конгресса. — Слова Государя о границахъ Россіи. — Чиновники при Государѣ.

Сентября 13-го громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе Государя. Назначенныя для Его Величества комнаты были наполнены вельможами Австрійскаго Двора и иностранцами, жаждавшими увидѣть миротворца Европы. По знатности фамиліи вельможъ и пріемамъ ихъ, легко было можно заключить, что они принадлежатъ къ древнѣйшему Двору Европы. Въ Австріи, менѣе, нежели въ какомъ либо другомъ Государствѣ, дѣйствуетъ духъ нововведеній; тамъ старинныя дворянскія фамиліи, «умъ и душа народа,» пользуются особеннымъ уваженіемъ, справедливо

стяжаннымъ ими на поприщѣ военномъ и гражданскомъ, и истино барскимъ образомъ жизни въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ онѣ проводятъ большую часть года, живя въ Вѣнѣ только зимою. Во дворцѣ находились также Великія Княгини Марія Павловна и Екатерина Павловна. Принцъ де Лишь сказалъ: «Великая Княгиня Марія привязываетъ къ себѣ сердце, а Екатерина беретъ ихъ приступомъ.» При Ихъ Высочествахъ были посланники наши, Графъ Головкинъ и Ханьковъ. Первый извѣстенъ посольствомъ въ Китай, а второй сочинялъ прекрасныя стихи на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Такъ въ Римѣ, въ царствованіе Августа, вельможи владѣли съ такою же легкостію Греческимъ языкомъ, какъ и своимъ природнымъ.

Генераль Жомини представилъ меня Принцу де Лишь, болѣе полувѣка удивлявшему Европу любезностію и умомъ. Но я видѣлъ въ немъ, такъ сказать, остатки необыкновеннаго человѣка, бывшаго душею общества Екатерины и Фридриха, Маріи-Антуанеты и Юсифа, и для Русскихъ незабвеннаго тѣмъ, что, постигнувъ геніи Великой Законодательницы Россіи, онѣ изобразилъ его съ благоговѣніемъ подданнаго и безпристрастіемъ иностранца. Принцу де Лишь было тогда около восьмидесяти лѣтъ;

онъ былъ роста высокаго, имѣлъ уста краспорѣчи-
выя, глаза быстрые. Говоря съ нимъ о пребываніи
его въ Россіи, я мысленно переносился во дни пла-
ванія Екатерины по Днѣпру, и воображалъ Ее сре-
ди высокихъ горъ Тавриды, въ странахъ, воспѣ-
тыхъ Овидіемъ и увѣковѣченныхъ именемъ Ифиге-
нии. Я сдѣлалъ Принцу привѣтствіе по Французски,
и очень нескладное: страшно было объясняться съ
нимъ на томъ языкѣ, на которомъ онъ бесѣдовалъ
съ Жанъ-Жакомъ и Вольтеромъ. Онъ ободрилъ ме-
ня своею привѣтливостью, и коснувшись нашей сло-
весности, сказалъ: «Россія непостижима! Ломоно-
совъ и Державинъ соединяють съ Европейскимъ
«образованіемъ понятія восточныхъ народовъ, а со-
«чиненія Шувалова, Головкина и Уварова стоятъ на
«ряду съ произведеніями лучшихъ Французскихъ пи-
«сателей.» Отъ стихотворцевъ рѣчь перешла къ про-
заикамъ, и Принцъ де Линь, узнавъ отъ Генерала
Жомини о намѣреніи моемъ писать исторію прошед-
шей войны, просилъ, съ свойственною ему вѣжливо-
стію, позволенія перевести ее на Французскій языкъ.
«Имя переводчика,» отвѣчалъ я, «будетъ лучшимъ
«средствомъ прославить мое сочиненіе.»

Вскорѣ объявили о прибытіи Государя во дво-
рецъ. Принцъ де Линь былъ Капитаномъ гвардіи,

и посвящилъ на свое мѣсто во фронтъ. Сперва шли Императоры Александръ и Францъ, потомъ Король Прусскій вель обѣихъ Великихъ Княгинь, а позади ихъ слѣдовали прочіе Короли и Принцы, въ томъ числѣ и Эрцгерцогъ Карлъ. Нѣкогда защитникъ Германіи, онъ посвятилъ потомъ свои досуги описанію походовъ, поставившихъ его въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, на ряду съ первыми полководцами. Онъ худощавъ и невысокъ ростомъ; какая-то задумчивость видна въ глазахъ его. Когда Монархи вошли во внутреннія комнаты, насъ пригласили къ роскошному столу Гофмаршала.

Въ теченіе всего Сентября мѣсяца, безпрестанно прѣзжали на Конгрессъ Владѣтельные особы, Послы и Миистры Державъ, Депутаты Вольныхъ городовъ и Республикъ, и лица съ полномочіями разнаго рода. Явилось также большое число банкировъ, художниковъ, литераторовъ, прожектеровъ и путешественниковъ. Однихъ привлекали въ средоточіе тогдашняго политическаго міра дѣла, другихъ честолюбіе и корысть, или просто любопытство. Всѣ между собою знакомились, дѣлали другъ другу взаимныя посѣщенія, заводили связи. Слабѣйшіе старались частнымъ образомъ и побочными путями склонять заблаговременно голоса въ свою пользу, между тѣмъ какъ

Державы, имѣвшія стотысячныя арміи въ подкрѣпленіе своихъ требованій, спокойно ожидали открытія засѣданій. Желанія, надежды и требованія Кабинетовъ и частныхъ лицъ были такъ же различны, какъ и самыя выгоды каждаго изъ нихъ. Всѣ теперь думали найдти благопріятный случай для вознагражденія своихъ потерь, тѣмъ болѣе, что при началѣ Конгресса, и даже довольно долго въ продолженіе его, многіе не имѣли опредѣлительныхъ понятій объ его сущности и назначеніи, и ошибочно полагали, что Конгрессъ былъ верховнымъ судищемъ во всѣхъ дѣлахъ Европы вообще. Однимъ было нужно расширеніе границъ, другіе просили только о возвращеніи прежнихъ правъ своихъ и вѣковаго своего достоянія. Земли, въ послѣдніе годы утратившія самостоятельное существованіе, и Монархи, лишившіеся престоловъ, или почитавшіе права владѣнія своего не довольно твердыми, присылали, судя по возможности, явныхъ или тайныхъ представителей. Въ то время, когда Россія предъявляла требованія на Варшавское Герцогство, Пруссія на Саксонію, а Австрія на верхнюю Италію, Женевская Республика домогалась отъ сосѣдняго ей Швейцарскаго Кантона нѣсколько десятинъ виноградниковъ. « Въ чемъ заключаются притязанія

«Ганзеатического Союза?» спросил я у Сенатора Шмита, уполномоченного отъ трехъ вольныхъ торговыхъ городовъ Бремена, Гамбурга и Любека. Онъ отвѣчалъ: «Кольбертъ, предлагая Французскимъ купцамъ «покровительство, желалъ знать, чѣмъ онъ можетъ «быть имъ полезенъ? Они сказали ему: не мѣшайтесь въ наши дѣла.»

Талеѳранъ, который за нѣсколько лѣтъ, бывъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ торжествовавшаго надъ Австріею Наполеона, предписывалъ здѣсь законы, явился на Конгрессъ одинъ изъ послѣднихъ. На лицѣ его, всегда спокойномъ, изображалось, что онъ состарѣлся въ чрезвычайныхъ переворотахъ, научившихъ его ничему не удивляться. Въ Октябрѣ прибыла въ Вѣну Императрица Елисавета Алексѣевна, украшавшая Престолъ совершенствомъ женскихъ добродѣтелей. День Ея прїѣзда былъ праздникомъ для Вѣнскихъ жителей; мы, Русскіе, выдавшіе Ее въблизи, врядъ ли будемъ въ состояніи выразить благоговѣйныя наши къ Ней чувства. Коронованныхъ Главъ и Полномочныхъ Пословъ Государь принималъ поодиначкѣ въ Своемъ кабинетѣ, а для всѣхъ прочихъ Принцевъ крови назначили день общаго представленія. Число ихъ было такъ значительно, что они едва помѣстились въ обширной прїемной залѣ Государя. Смотря

Въ томъ состояли важнѣйшія занятія Конгресса. Онъ былъ менѣе продолжителенъ, нежели Мюнстерскій и Утрехтскій, и утвердилъ за Россією Царство Польское, возстановилъ Монархіи: Австрійскую, Прусскую, Неаполитанскую и Сардинскую, основалъ Нидерландское Королевство, опредѣлялъ точныя границы различнымъ владѣтелямъ Нѣмецкой земли и Италіи, составилъ Союзный актъ на развалинахъ Германской конституціи, даровалъ таковой же Швейцаріи, и, наконецъ, не упоминяя о многихъ второстепенныхъ мѣроположеніяхъ, сдѣлалъ первый шагъ къ уничтоженію постыднаго торговаго Африканскими невольниками.

Легко вообразить, что представителями различныхъ Государствъ на Конгрессъ явились лица съ самыми отличными способностями, или почитавшіяся за умнѣйшихъ. Русскіе Полномочные были не что иное, какъ исполнители предначертаній Александра, вообще Своею славою обязаннаго только одному Себѣ. По природнымъ дарованіямъ, образованію и проникательности, Александръ стоялъ на несравненно высшей степени, нежели всѣ, Его окружавшіе. Нравственное Его превосходство было признаваемо ими безусловно. Перемена, происшедшая въ Его характеръ со времени Отечественной войны, была

также очевидна. Отбросивъ прежнюю къ Себѣ недовѣрчивость, Онъ сдѣлался твердъ и предприимчивъ. Въ отношеніи къ чужестраннымъ Державамъ, Его положеніе было безпримѣрно: силою восторжествовавъ надъ геніемъ войны, почитавшимся неодолимымъ, Онъ обратилъ могущество свое на водвореніе общаго мира. За безкорыстіе Его ручались самыя выгоды безпредѣльной Имперіи Его, не нуждавшейся въ излишнемъ распространеніи. «Симъ «счастливымъ положеніемъ границъ нашихъ,» сказалъ мнѣ однажды Государь, «обязаны мы Промыслу Божію. Онъ поставилъ Россію въ такое состояніе, что ей не надобно новыхъ приобрѣтеній. Поэтому она имѣетъ безпристрастній голосъ въ политическихъ дѣлахъ Европы, подобно какъ въ частномъ быту тотъ, кому не остается ничего желать, всегда бываетъ откровеннѣе и призывается другими въ посредники. Это дало намъ большой перевѣсъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ и въ Парижѣ, какъ во время перваго, такъ и втораго нашего тамъ пребыванія.» Слова сіи сказаны были въ весьма любопытномъ разговорѣ, въ тотъ же день мною записанномъ, точно въ томъ видѣ, какъ онъ происходилъ, на возвратномъ пути изъ Варшавы, въ 1816-мъ году, когда Государь остановился для обѣда

на станціи Клейнъ-Пунгернъ, не далеко отъ Дерпта. За столомъ насъ было трое: Его Величество, Князь Петръ Михайловичъ Волконскій и я. Императоръ спросилъ меня, поправился ли мнѣ видъ Чудскаго озера, мимо котораго мы только что проѣхали? Я отвѣчалъ, что оно привело мнѣ на память древніе предѣлы Россіи.—«Признайся,» возразилъ Государь, «что съ тѣхъ поръ границы наши поразширились. «Не знаю,» продолжалъ Онъ, «Государства, которое «бы имѣло столь выгодныя границы. Возьмемъ отъ «самаго Сѣвера. Ботническій заливъ есть непреодо- «лимая стѣна, и въ окрестностяхъ Торнео нападеній «боятся намъ не должно: тамъ ходятъ одни олени «и Лапландцы. Петръ Первый хотѣлъ имѣть грани- «цею Ботническій заливъ, но ему не удалось приве- «сти мысли сей въ исполненіе. Обстоятельства заста- «вили насъ вести войну со Шведами, и завоеваніе «Финляндіи имѣло уже для Россіи величайшую поль- «зу. Безъ него, въ 1812-мъ году, не могли бъ мы, мо- «жетъ быть, одержать успѣха, потому что Наполе- «онъ имѣлъ въ Наслѣдномъ Шведскомъ Принцѣ сво- «его подручника, который, находясь въ пяти мар- «шахъ отъ нашей столицы, неминуемо былъ бы «принужденъ соединить свои силы съ Наполеоновы- «ми. Наслѣдній Принцъ нѣсколько разъ мнѣ это

Андреевскую ленту, имѣлъ домъ въ Прагѣ, а помѣстья въ Пассаускомъ Герцогствѣ. Самыя важныя дипломатическія бумаги Государь писалъ собственноручно. Онъ былъ такъ же красноречивъ на бумагѣ, какъ и на словахъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ, когда полномочные Россіи встрѣчали на Конгрессѣ сильныя противорѣчія, Государь лично велъ переговоры не только съ Монархами, но и съ чужестранными Министрами, проводя съ ними наединѣ въ кабинетъ по нѣскольку часовъ, въ жаркихъ спорахъ. Многъ случилось неоднократно приглашать къ Его Величеству Герцога Веллингтона, Лорда Кастельре, Князей Талейрана, Гарденберга, Меттерниха, и другихъ знаменитыхъ дипломатовъ, и слышать изъ ближней комнаты продолжительныя, громкія ихъ пренія, послѣ чего саповники выходили изъ кабинета Государева съ пламенными лицами. Въ Европейскомъ Ареопагѣ, гдѣ надлежало разсѣчь новыи Гордіевъ узелъ, устроить жребіи нашего полушарія, Императоръ Александръ состязался съ искуснѣйшими Государственными мужами Своего вѣка, и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она была здѣсь неумѣстна, но убѣжденіемъ и превесходствомъ Своихъ умственныхъ способностей.

«сказывалъ, и присовокупилъ, что онъ имѣлъ отъ
«Наполеона предписаніе объявить Россіи войну. Од-
«накожь Принцъ зналъ, что хотя мы и могли имѣть
«въ войнѣ неудачу, но черезъ нѣсколько лѣтъ мы
«опять бы возстали, или по смерти Наполеона, или
«при перемѣнѣ обстоятельствъ, и, укрьпясь собствен-
«ными силами своими, отомстили бы Шведамъ. Что
«касается до Турціи, то, по многимъ соображеніямъ,
«особенно по ея теперешнему безсилію, она для
«насъ самыи безопасныи, и потому наилучшій со-
«сѣдъ. Взглянемъ на нашу Европейскую или запад-
«ную границу....»

Уполномоченные на Конгрессъ съ нашей стороны
были Князь Разумовскій, Графъ Стакельбергъ и Графъ
Нессельроде. При Государѣ находились Генераль-
Адъютанты Уваровъ, Князь Волконскій, Чернышевъ,
Жомини, Графъ Ожаровскій, Князь Трубецкой и
Кутузовъ, Флигель-Адъютанты Брозинъ, Панкратъ-
евъ и Киселевъ; для гражданскихъ дѣлъ, Статсъ-
Секретарь Марченко. Кромъ трехъ уполномо-
ченныхъ, Императоръ употреблялъ также въ дѣлахъ
Конгресса, Генерала Поццо - ди - Борго, Барона
Анштета, Графа Каподистрїа и Барона Штейна,
не находившагося тогда въ службѣ ни одной Дер-
жавы; онъ носилъ Прусскій мундиръ, нашу

ГЛАВА III.

Праздникъ въ Аугартенѣ.—Аспернъ и Ваграмъ.—Шеперунъ.—Рим-Король.—Праздникъ въ Пратерѣ.—Обѣдъ въ домѣ Графа Разумовскаго.

Сентября 23-го давали въ Аугартенѣ праздникъ инвалидамъ. Множество каретъ и пѣшеходовъ покрывало улицы, ведущія къ цветущему Аугартену, гдѣ на воротахъ, по повелѣнію Іосифа II-го, помѣщена слѣдующая надпись: «Мѣсто посвященное народу почитателемъ его.» Монархи, Принцы и весь Дворъ находились въ нарочно приготовленной для нихъ бесѣдкѣ. Инвалиды, имѣющіе въ Австріи особенный мундиръ, открыли праздникъ. Они проходили мимо царской бесѣдки по два въ рядъ и сѣли въ концѣ аллеи за длинныя столы, поставленные вокругъ трофеевъ, на верху которыхъ играли музыканты.

Потомъ бѣгуны и вольтижеры показывали искусство свое въ теченіе часа, а когда смерклось, Дворъ отправился смотрѣть обѣдъ престарѣлыхъ воиновъ, привѣтствовавшихъ появленіе Монарховъ громкими восклицаніями. Послѣ фейерверка насъ повели сквозъ ворота, построенныя по рисунку Бранденбургскихъ въ Берлипѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли мы колонну, сооруженную на подобіе той, какую предполагали воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій. Пушки были поставлены одна на другую; внизу находилось грудное изображеніе Государя, вѣнчаннаго побѣдою. Не знаю, какими глазами иностранцы смотрѣли на колонну, потому что всѣ Европейскія Державы способствовали къ доставленію матеріаловъ для нея. Императрица Елисавета Алексѣевна и Великія Княгини были глубоко тронуты; къ сожалѣнію, темнота вечера не позволяла мнѣ видѣть въ ту минуту лице Александра.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ праздника въ Аугартенѣ, Эрцгерцогъ Карлъ предложилъ Государю обозрѣть поля сраженій при Аспернѣ и Ваграмѣ. Въ свитѣ Государя находились Генералы Чернышевъ и Графъ Виттъ, бывшіе въ 1809 году при Наполеонѣ. Они рассказывали о дѣйствіяхъ Французской арміи, а Эрцгерцогъ говорилъ о движеніяхъ Австрійцевъ:

такимъ образомъ раскрывалось передъ нами происшедшее съ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Сперва мы поѣхали въ Аспернъ, гдѣ едва Французская армія не погибла. Какъ въ военной исторіи не была известна причина, почему Эрцгерцогъ, послѣ уничтоженія мостовъ на Дунай, не довершилъ пораженія своихъ непріятелей, то я чрезвычайно былъ любопытенъ знать, какимъ образомъ онъ объяснить это обстоятельство. Государь, какъ будто невзначай, спросилъ его зачѣмъ онъ не воспользовался побѣдою? Эрцгерцогъ отвѣчалъ: «У меня былъ недостатокъ въ снарядахъ.» Отвѣтъ не всѣмъ показался удовлетворительнымъ, и многіе остались при томъ мнѣніи, что Эрцгерцогъ прекратилъ бой и остановилъ дальнѣйшія нападенія, не воображая, до какой степени Французская армія была разстроена. Бѣжавшій подлѣ меня Генералъ Жоини сказалъ мнѣ, что Наполеонъ, разговаривая съ нимъ послѣ Эслингенскаго сраженія, произнесъ слѣдующія слова: «Каждому кадету известна невозможность переходить черезъ Дунай безъ большой потери въ виду ста двадцати-тысячной непріятельской арміи, но я зналъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ моего противника, и потому отважился на подвигъ.» Французы обязаны спасеніемъ своимъ какъ заблужденію

Эригерцога, почитавшаго непріятельскую армію еще сильною, такъ равно и отчаянной храбрости Массены. Со шпагою въ рукахъ, то на лошади, то пѣшкомъ, ободрялъ онъ солдатъ и бранилъ непріятелей, увѣряя, что Австрійцы не осмѣлятся преслѣдовать. Намъ показывали также мѣсто, гдѣ Наполеонъ увидѣлъ раненаго Маршала Ланна и утѣшалъ стариннаго своего сподвижника. Въ уста Ланна Французскіе писатели влагаютъ краснорѣчивыя слова, но онъ просто отвѣчалъ Наполеону: «Оставьте меня въ покоѣ и помышляйте только о средствахъ извлечь армию изъ того ужаснаго положенія, въ какое вы ее «ввергнули.» Когда мы подъѣхали къ берегу Дуная, гдѣ Наполеонъ сѣлъ въ лодку и переправлялся на островъ Лобау, произошло внезапно общее между нами молчаніе. Невольно предаешься размышленію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исполнилась или могла рѣшиться судьба великихъ происшествій. Государь прервалъ молчаніе, сказавъ: «Станный человѣкъ! Онъ «поручаетъ погибающую армію Массенъ, а самъ «ѣдетъ отдыхать и проводитъ ночь въ крѣпкомъ снѣ!»

Осмотрѣвъ поле сраженія при Аспернѣ, мы поѣхали обѣдать въ Энцерсдорфъ. Передъ столомъ, мы, Русскіе, разговаривали между собою. Замѣтя насъ стоявшихъ поодаль всѣхъ, Государь подошелъ къ

намъ и сказалъ: «Обращайтесь какъ можно въжливѣе съ иностранцами; надобно имъ показать, что мы не «медвѣди.» За обѣдомъ Государь пилъ за здоровье Эрцгерцога Карла; потомъ мы поѣхали въ Ваграмъ, гдѣ во всемъ блескѣ явились необыкновенныя способности Наполеона. Эрцгерцогъ говорилъ объ немъ безъ всякаго лицетрїятїя, какъ мужъ, цѣнящїй высокое достоинство своего соперника, и вообще плѣнялъ скромностїю, составляющею отличительное свойство характера его. Въ пять часовъ мы прїѣхали въ Дейчъ-Ваграмъ, гдѣ нашли ожидавшїя насъ придворныя коляски, и возвратилсъ въ Вѣну прекраснѣйшимъ осеннимъ вечеромъ.

3-го Октября насъ пригласили въ Шёнбрунъ, загородный дворецъ, въ трехъ верстахъ отъ Вѣны. Въ саду, на горѣ, построены храмъ славы, нѣкогда любимое мѣсто Марїи-Терезїи, откуда она обозрѣвала свою столицу и ея окрестности. Подлѣ меня стоялъ какой-то въжливый Камергеръ, и называлъ по именамъ присутствовавшихъ тутъ гостей, которыхъ я не зналъ: «Вотъ Принцъ Альбани,» сказалъ онъ.— «Неужели,» спросилъ я, «другъ Винкельмана?»— «Онъ самый,» отвѣчалъ Камергеръ; «прекрасная «Вилла Альбани принадлежитъ ему.» Я подошелъ къ Принцу. Онъ говорилъ мнѣ о Винкельманѣ, жившемъ

въ его домъ и рассказывалъ много подробностей, касающихся до великаго писателя; бесѣдуя объ изящныхъ искусствахъ и Римъ, мы забывали, что находились посреди самаго блестящаго общества въ свѣтъ.

Шенбрунскій дворецъ являлъ картину непостоянства и превратности счастья. Въ немъ жила въ Парижѣ Наполеонъ, послѣ двукратнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписалъ онъ въ 1809 году миръ, вынудившій Австрію уступить ему пространныя области, населенныя болѣе нежели тремя милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили, во время Конгресса, сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть ребенка, съ колыбели игралище судьбы, вспоминая то недавнее время, когда его рожденіе, воспѣтое и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалось залогомъ прочности новой политической системы. Меня повели въ комнату, небогато убранную. Посреди ея стояли три женщины въ черныхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ, госпожа Монтескью, держала за руку малютку, имѣвшаго тогда четыре года отъ рода. Густыя бѣлыя волосы, падавшіе локонами на плеча, освѣняли прекрасные голубые глаза его и миловидное лице; бѣлизна лица увеличивалась отъ черной гусарской куртки. На Принцъ была звѣзда почетнаго легиона и три ордена, учрежденные Наполеономъ. Онъ

любилъ посѣщенія военныхъ и внимательно осматривалъ мой мундиръ и шпагу. «Часто,» сказала мнѣ госпожа Монтескью, «твердитъ онъ о Фонтенебло и «Рамбулье, и каждый день спрашиваетъ о своемъ папѣ.» Его окружали исключительно Французы; Нѣмцевъ при немъ не было. Минутъ черезъ десять вошло нѣсколько Англичанъ; они начали предлагать нескромные вопросы, и я откланился Прищу.

Въ воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія, 6-го Октября, Императоръ Францъ угощалъ въ Пратеръ объединеннымъ столомъ тридцать тысячъ войскъ. Сперва проходили они церемоніальнымъ маршемъ. Государь, по приближеніи гренадерскаго имени Его полка, сталъ впереди перваго взвода, обнажилъ шпагу и отдалъ честь Императору Францу. Неожиданная почестъ, возданная Монарху ихъ, привела Вѣнскихъ жителей въ восторгъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ продолженіе парада не отлучался отъ своего кирасирскаго полка, командовалъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ и также салютовалъ Австрійскаго Императора. По окончаніи угощенія, народъ разсыялся по Пратеру, единственному, не имѣющему себѣ подобнаго въ Европѣ гулянью. Почти каждый день гремитъ тамъ музыка, развѣзжаютъ щегольскіе экипажи, молодые люди рисуются на статныхъ лошадяхъ,

красавицы пеголяютъ нарядами, миловидныя дѣвушки подносятъ букеты цвѣтовъ и безчисленное множество добродушныхъ Нѣмцевъ, не волнуемыхъ страстями, сидятъ за круглыми столиками, или гуляютъ пѣшкомъ по темнымъ каштановымъ аллеямъ. Не смотря на великое число посѣтителей, бывающихъ въ Пратеръ, особенно по Четвергамъ и въ Воскресные дни, тамъ не видно ни одного полицейскаго чиновника. Тишина и спокойствіе никогда не нарушаются: никто не перебиваетъ другъ у друга дороги, каждый знаетъ свое мѣсто. Эрцгерцоги и военные являются во фракахъ и безъ орденовъ, раздаваемыхъ въ Австріи не щедро. Жадность къ достиженію знаковъ отличія, составляющая истинную болѣзнь нашего вѣка, въ Австріи еще неизвѣстна.

На слѣдующій день, Государь пригласилъ болѣе трехъ сотъ особъ къ объѣденному столу въ великолѣпномъ домѣ Графа Разумовскаго, поселившася въ Вѣпѣ. Кроме двухъ Императоровъ съ Ихъ супругами, четырехъ Королей и тридцати особъ, принадлежавшихъ къ владѣтельнымъ Домамъ, тутъ находились только военные, участвовавшіе въ Лейпцигскомъ сраженіи. Столовая зала, перестроенная для праздника изъ мапежа, была убрана знаменами всѣхъ Союзныхъ Державъ. На столахъ возвышались

воинскіе трофеи. Они состояли изъ трехъ-цветныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ Наполеоновыми орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ побѣдъ, одержанныхъ Союзниками въ 1813 и 1814 годахъ. Каждый присутствовавшій видѣлъ передъ собою дни собственныхъ своихъ подвиговъ или славы своихъ единоплеменниковъ, а для военного воспоминанія есть сокровище, ничѣмъ оцѣнимое. Скромность не позволила начертать побѣдъ, одержанныхъ въ Отечественную войну, потому тутъ не было именъ Бородина, Тарутина, Краснаго, Клястицы, Вязьмы и другихъ битвъ, драгоцѣннаго достоянія Россіи. Праздникъ былъ данъ въ тотъ самый день, когда ровно за два года передъ тѣмъ, непріатели побѣжали изъ Москвы и занялась заря свободы нашего Отечества и Европы. За обѣдомъ Государь преимущественно обращалъ рѣчь къ Эрцгерцогу Карлу и два раза обнялъ Фельдмаршала Князя Шварценберга. Великая Княгиня Екатерина Павловна, выходя изъ-за стола, подала Фельдмаршалу руку; такимъ образомъ предводитель Союзныхъ армій подъ Лейпцигомъ, при каждомъ случаѣ особенно отмечаемый Императоромъ Александромъ, шелъ впереди большей части Принцевъ царской крови.

ГЛАВА IV.

Поездка въ Венгрію. — Славяне. — Премъ. — Национальный Музеумъ. —
Офенъ и Пестъ. — Представле Венгерцевъ. — Разговоръ о На-
полеонѣ. — Венгерскія женщины. — Гулянье Маргаритиномъ
острову. — Балъ у Графа Шандора. — Отъездъ въ Пресбургъ. —
Стихотворенія.

Пріятны минуты, когда готовимся ѣхать въ Го-
сударство, гдѣ мы еще не бывали! Воображеніе
волнуется отъ ожиданія видѣть новую землю, дру-
гихъ людей, слышать сужденія ихъ, распространить
кругъ своихъ понятій. Такъ радовался я при извѣ-
стіи о предстоявшей мнѣ поездкѣ въ Венгрію, куда
Государь отправлялся на пять дней, вмѣстѣ съ
Императоромъ Австрійскимъ, Королемъ Прусскимъ,
братомъ его Принцемъ Вильгельмомъ и Эрцгерцогомъ
Папатиномъ.

12-го Октября вечеромъ мы поехали изъ Гѣны

прямо въ Офенъ, намѣреваясь на возвратномъ пути посѣтить Пресбургъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня, я находился уже въ предѣлахъ Венгріи, среди разбросанныхъ селеній и необработанныхъ полей; бѣдные, длинноволосые крестьяне, съ небритыми усами, окутаны въ овчицы; станціонные смотрители и чиновники, выходившіе къ намъ на встрѣчу, были въ гусарскихъ платьяхъ—общей одеждѣ дворянства, даже ученыхъ и профессоровъ. Дорога шла большею частью вдоль Дуная; на немъ являлось мало движенія и жизни; кое-гдѣ мелькали рыбацкія лодки; берега покрыты пролѣскомъ; стоявшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ рѣкою утесистыя скалы придавали еще болѣе унынія природѣ дикой, невоздѣланной, находящейся въ рѣзкой противоположности съ цвѣтущими, плодоносными пажитями Австріи. Среди толпившихся во всѣхъ селеніяхъ вокругъ коляски Государевой жителей, пріѣхали мы ночью въ Офенъ.

14-го Октября, рано поутру, когда во дворцѣ все еще покоилось сномъ, нетерпѣливо желая ознакомиться съ столицею Венгріи, пошелъ я гулять по Офену и Песту. Появленіе Русскаго офицера возбудило общее любопытство. Со всѣхъ сторонъ окружалъ меня народъ, а особенно Сербы и Славяне. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ сказалъ мнѣ: «Мы пріѣхали въ Офенъ

«издалека, стремясь увидѣть Монарха Славянскаго по-
«колѣнія. Всѣ поступки и дѣйствія Его являютъ въ
«Немъ печать Царей.» Выраженіе поэтическое, пока-
зывающее чувства, исполнявшія къ Александру со-
племенниковъ нашихъ и единовѣрцевъ. Они рассказы-
вали мнѣ о своемъ восхищеніи, когда узнали объ истребленіи непріятелей въ 1812 году. «Мы радовались,»
говорили они, «преимущественно тому, что Бонапарту
«нашелъ преграду завоеваніямъ посреди Славянскаго
«племени.» Одинъ Славянскій ученый, желавшій под-
нести Государю книгу своего сочиненія, писалъ ко
мнѣ письмо, и между прочимъ говоритъ: «Я хотѣлъ
«воспользоваться прїездомъ Императора Алек-
«сандра въ Венгрію, чтобы повергнуть книгу мою
«къ стопамъ всеми обожаемаго Монарха Славянъ, въ
«доказательство, что и мы, Славяне, въ нашемъ уда-
«ленномъ отъ васъ уголкѣ земли, стараемся пребыть
«Славянами, трудимся надъ нашимъ языкомъ, лю-
«бимъ науки, и взираемъ съ привязанностію и благо-
«говѣніемъ на Россію, какъ на великое отечество
«Славянъ.»

Возвратясь во дворецъ, я встрѣтилъ Іеромонаха,
живущаго четыре года при могилѣ прекраснѣйшей
изъ внуковъ Екатерины, Великой Княгини Алексан-
дры Павловны, погребенной въ мѣстечкѣ Иреть,

семь верстъ отъ Офена, въ сторонѣ отъ большой дороги. Богомольцы собираются туда во множествѣ въ извѣстные праздники и благословляютъ память усопшей, списавшей общую любовь въ теченіе кратковременнаго своего пребыванія въ Венгріи. Монахъ сказывалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ Иремъ, только одна особа Австрійскаго Дома, Императрица Марія-Луиза, супруга Наполеона, посетила уединенную могилу Русской Царевны.

Въ десять часовъ утра, Дворъ отправился осматривать достойныя вниманія заведенія въ Офенѣ и Пестѣ. Примѣчательнѣе другихъ національній Музеумъ, учрежденный для помѣщенія всѣхъ естественныхъ произведеній, добываемыхъ въ Венгріи. Въ немъ также находятся ея древности, старинное оружіе, утвари, монеты, искусственные предметы, дѣлаемые туземцами, сочиненія и карты, касающіяся до Венгріи. Основателемъ Музеума былъ Графъ Сечевій, въ 1802-мъ году завѣщавшій Венгріи свою библіотеку, состоящую изъ отечественныхъ книгъ. Его примѣръ нашель много подражателей, и по прошествіи трехъ лѣтъ библіотека до того умножилась, что надобно было перенести ее въ обширнѣйшій противъ прежняго домъ. Тогда родилась счастливая мысль, присовокупить къ книгохранилищу древности и всякаго

рода любопытные отечественные предметы. Предложение было одобрено на Сеймъ, и въ скоромъ времени денежными и другими пожертвованіями, между которыми важнѣйшее есть ботаническій садъ, подаренный Княземъ Грассалковичемъ, Музеумъ доведенъ до степени, соотвѣтствующей цѣли его учрежденія. Въ немъ заключается десять тысячъ книгъ, касающихся до Венгріи, 20,000 рукописей и большое количество монетъ. Денежный капиталъ, принадлежащій Музеуму, приноситъ 800 Голландскихъ червонцевъ дохода. Жаль, что въ столь прекрасномъ заведеніи нѣтъ портретовъ Венгерцевъ, отличившихся на службѣ, въ наукахъ и художествахъ, подобно тому, какъ въ Митавскомъ Музеумъ, гдѣ находятся изображенія всѣхъ Курляндцевъ, на разныхъ поприщахъ снискавшихъ себѣ извѣстность.

Мы объѣхали почти весь Пестъ и Офенъ. Они не красивы. Дома большею частію въ одно и два жилья; лавки и магазины бѣдны; товары выставлены въ нихъ безъ разбора; широкія улицы наполнены старинными колясками, везомыми дурными лошадьми; не было ни одного экипажа, сдѣланнаго со вкусомъ. Жители стояли въ два ряда по улицамъ, гдѣ мы проѣзжали, и встречали Монарховъ радостными восклицаніями. Они болѣе похожи на Малороссіяцъ,

нежели на Нѣмцовъ, имѣя одинаковыя съ нашими Украинцами военный видъ и гордую осанку.

Во дворецъ ожидали Государя духовенство, военные, дворяне, чиновники и дамы. Императоръ явился тутъ въ первый разъ въ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, къ чрезвычайному удовольствію Венгерцевъ, принявшихъ сіе знакомъ уваженія къ народному ихъ одѣянію. Между военными находился Графъ Радецкій, одинъ изъ отличныхъ Австрійскихъ Генераловъ, бывшій начальникомъ штаба арміи Князя Шварценберга въ послѣднихъ двухъ походахъ. Обнявъ меня, онъ сказалъ: «Никогда не забуду «того времени, когда я служилъ съ Русскими!» Послѣ военныхъ представлялось обоего пола дворянство, одно изъ блистательнѣйшихъ въ Европѣ, по древности фамилій, богатству и особенно по непоколебимой привязанности къ правамъ и обычаямъ своего края. Въ поступи мужчинъ видна твердость характера; женщины, прекрасныя собою, были одѣты въ черныя платья, имѣя на головѣ діадимы и черное или бѣлое покрывало. Послѣ общей аудіенціи, Государь принималъ въ кабинетѣ Греческаго исповѣданія Епископа Діонисія, ожидавшаго съ особеннымъ благоговѣніемъ той минуты, когда его позовутъ къ Императору. Едицовѣрцы наши, подъ какою бы

они Державою ни находились, не перестаютъ признавать Россійскаго Монарха главою Церкви. Подарки, состоящіе въ книгахъ Священнаго Писанія и разныхъ утваряхъ, посылаемые изъ Петербурга по временамъ въ Греческіе храмы, въ отечества нашего находящіеся, согрѣваютъ въ нашихъ единовѣрцахъ мысль, что Россія есть общая ихъ мать.

Въ два часа пригласили насъ къ объденному столу. Я сидѣлъ подлѣ Генерала Коллера. Въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцъ сопровождалъ онъ Наполеона изъ Фонтенебло до острова Эльбы, и жилъ тамъ съ нимъ нѣсколько недель. Онъ мнѣ сообщилъ разныя подробности о Наполеонѣ. «Упрямство и твердость» сказалъ ему бывшій Императоръ, «возвели меня на престолъ. Я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало измѣнять моимъ правиламъ, и хотѣлъ вполнѣ сохранить славу мою, хотя угадывалъ, что непреклонность моя могла стоять мнѣ престола, чѣмъ я впрочемъ не дорожилъ. Я пошелъ на Сень-Дизье,» продолжалъ онъ, «зная изъ двадцати-лѣтнихъ опытовъ, что вы приходили въ величайшее замѣшательство, лишь только я отряжалъ нѣсколько гусаровъ на ваши общевія, но теперь я сталъ въ тылу вашемъ со всею арміею, и вы обо мнѣ мало заботились.» «C'est que vous aviez le diable au corps!» присовокупилъ онъ.

Подъ Эльбы находится небольшой островъ, никому не принадлежащій. Наполеонъ присвоилъ его себѣ и сказалъ Коллеру: «Когда объ этомъ узнаютъ въ Европѣ, конечно закричатъ, что Наполеонъ, пожираемый страстію къ завоеваніямъ, занялъ чужую область! «Постарайтесь меня оправдать.» Онъ имѣлъ слабость увѣрять въ привязанности къ нему жителей Эльбы за его отеческое управленіе. «Если Франція не хотѣла имѣть меня своимъ Монархомъ,» говоритъ онъ, «то я докажу здѣсь, что умѣю царствовать.»

Послѣ обѣда мы отправились на высокую гору, называемую Блокбергъ, откуда на большое пространство видно теченіе Дуная. На горѣ обсерваторія. Начальникъ ея, извѣстный Баварскій художникъ Рейхенбахъ, показывалъ намъ астрономическіе инструменты. Прекрасный видъ съ Блокберга занималъ меня болѣе, нежели разговоры профессора; мнѣ казалось, что весь Дворъ былъ моего мнѣнія. По возвращеніи въ замокъ, насъ пригласили на придворный балъ; особы обоого пола осыпали насъ привѣтствіями и въжливостями. Балъ былъ единственный въ своемъ родѣ: на большей части присутствовавшихъ были Венгерскія одѣянія. Женщины превзошли мое ожиданіе отличнымъ своимъ воспитаніемъ; онѣ говорятъ чистымъ Французскимъ языкомъ. Едва

можно повѣрить, что онѣ достигнули такой степени образованія въ странѣ, почитающейя въ числѣ не самыхъ просвѣщенныхъ. Онѣ были въ восхищеніи отъ Государя; нѣсколько разъ Императоръ танцевалъ съ молодою, прекрасною Графинею Орчи. Послѣ ужина мы ѣздили по городу; улицы были освѣщены разноцвѣтными огнями.

15-го Октября мы провели утро на ученѣхъ коннаго полка, а оттуда приглашены были къ пышному придворному обѣду. Въ три часа по полудни, при рукоплесканіяхъ народа, мы поѣхали во фракахъ на Маргаритинъ островъ, лежащій на Дунаѣ, верстахъ въ трехъ отъ Офена. Долго гуляли мы по Англійскому саду на острову, и хотѣли возвращаться въ городъ, но насъ просили обождать собранія винограда. Вдругъ явились паръ пятьдесятъ молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, прекрасно одѣтыхъ въ платья народовъ, населяющихъ Венгрію. Они разсыялись между виноградныхъ лозъ, пѣли національныя пѣсни, и срѣзываемые ими грозды дѣвушки подносили намъ. Осмотрѣвъ, какимъ образомъ приготовляютъ вино, мы вошли въ домъ, устроенный нарочно для принатія Монарховъ, и увидѣли съ балкона возвращеніе мнимыхъ крестьянъ, собиравшихъ виноградъ. Начались народныя пляски; послѣ, дѣвушки, почти все

прекрасныя собою и въ цвѣтъ лѣтъ, приесли къ намъ на верхъ большую корзину винограда, украшенную гирляндю; одна изъ красавицъ привѣтствовала Государя. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ аллей, противъ балкона, на которомъ мы стояли, вышли двадцать паръ маленькихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ по гусарски; выступая съ важностію, они открыли Венгерскій танецъ и представляли балетъ. По окончаніи, собиратели винограда, взявшись за руки, стали по двумъ сторонамъ дороги, по которой намъ надлежало возвращаться, и подавались впередъ по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, гдѣ назначенныя для перевоза суда украшены были флагами Союзныхъ Державъ. Прелестная осенняя погода благоприятствовала прогулкѣ. Ни при одномъ Дворѣ не умѣютъ такъ хорошо устроить разнаго рода увеселенія, какъ при Австрійскомъ. Напримѣръ, на Маргаритиномъ островѣ было насъ не болѣе пятнадцати особъ, и въ томъ числѣ три могущественные Монарха и два брата ихъ. Не взирая на то, царствовала совершенная непринужденность; въжливость Австрійскихъ придворныхъ простиралась до такой степени, что каждый изъ посѣтителей могъ думать, что нарочно для него приготовили прогулку.

Въ шесть часовъ мы поѣхали на балъ къ Графу

Шандору. Въ его домъ, убранномъ съ изящнымъ вкусомъ, находилось самое отборное общество, безпрестанно изъявляя желаніе, чтобы Государь продлил Свое пребываніе въ Венгріи. Мнѣ весьма хотѣлось видѣть желаніе ихъ удовлетвореннымъ, потому что истинно дружеское обращеніе съ нами Венгерцевъ и непритворное расположеніе ихъ къ Русскимъ болѣе и болѣе меня къ нимъ привязывали. Поздно вечеромъ гости отправились отъ Графа Шандора въ редутъ. Тутъ находились лица всѣхъ сословій; общее вниманіе слѣдило только за нашимъ Императоромъ. На слѣдующее утро мы выѣхали изъ Офена. Къ крайнему сожалѣнію моему, не могъ я поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны въ Иремъ, гдѣ Государь слушалъ обѣдню. Мнѣ приказано было для нѣкоторыхъ дѣлъ спѣшить въ Пресбургъ. Ночью пріѣхалъ туда Государь. На другой день рано поутру я осматривалъ дворецъ, гдѣ мы остановились. Эрцгерцогъ Палатинъ, какъ хозяинъ, вставшій ранѣе всѣхъ, встрѣтилъ меня во дворцѣ и самъ водилъ по огромнымъ заламъ, не заключающимъ въ себѣ ничего любопытнаго. Позолота, штофныя обои, обитая бархатомъ мебель, утомляютъ глаза. Одно великолѣпіе, не украшенное произведеніями изящныхъ художествъ, не оставляетъ памятныхъ,

даже пріятныхъ впечатлѣній въ душѣ. Государь провелъ въ Пресбургѣ нѣсколько часовъ и отправился оттуда въ Вѣну. Тѣмъ кончилось наше послѣднее, пяти-дневное путешествіе по Венгріи. Память объ немъ сохранится въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, изданныхъ тогда въ Офенѣ и Пресбургѣ. Похвалы стихотворцевъ уже давно признаются вымыслами лжи и игрою воображенія; поэзія лишилась правъ на достоинство исторіи, принадлежавшее ей въ древности, но творенія Венгерскихъ пѣвцевъ были истинными отголосками общаго мнѣнія Европы объ Александрѣ. Почти въ каждомъ изъ нихъ упоминается о Московскомъ пожарѣ. Сожженіе нашей столицы—жертва примиренія народовъ—поразившее величіемъ своимъ современниковъ, конечно возбудить не меньшее удивленіе въ потомствѣ. Приведемъ нѣсколько стиховъ, написанныхъ тогда Венгерскими поэтами:

Was flammt im Norden himmelleuchtend auf?

Welch junger Morgen leuchtet so schrecklich schön?

Die ewige Sonne lernte sie neuen Lauf? —

So sannen Völker, lauschten, staunten

Kunde vernehmend vom Opferbrande

Der hohen Moskwa.

Erkämpft, erkämpft ist, was die Verzweiflung fast

Verloren preisgab, ruhiges Bürgerglück;
 Erhoben sind gestürzte Thronen,
 Tempel des Friedens in allen Landen. (*)

Europas Befreyung

Legte die herrliche Stadt an der Moskwa
 Nennt mir, ihr Töchter des Lieds, o nennt ein Volk mir,
 ihr Musen,
 Reicher an Muth und Vaterlandsliebe!
 Nennt mir eine That, die auch von der spätesten Nachwelt
 Lauter verkündet zu werden verdiente!
 Hört, ihr Griechen, nun auf Macedoniens Helden zu preisen,
 Grösser als er ist Russlands Beherrscher.
 Jener hat Länder zertrört und Völker in Fesseln geschlagen,
 Dieser Europa die Freiheit gegeben. (**)

(*) Ode von Köffinger, Ofen, 1814.

(**) Ode von Dankowsky, Presburg, 1814.

ГЛАВА V.

Увеселенія. — Катаніе въ саняхъ. — Карусель. — Театръ. — Императоръ Францъ. — Письмо къ нему Государя. — Кабинетъ его. — Австрійская Императрица. — Угощеніе Вѣйскаго Двора. — Обѣды у Государя. — Камеръ-базы. — Лагарнъ. — Умовеніе ногъ.

Октября 17-го Государь возвратился изъ Венгріи въ Вѣну, и хотѣлъ отправиться на короткое время въ Грець и Триестъ, но по множеству и запутанности встрѣтившихся на Конгрессъ дѣлъ, путешествіе не состоялось. Между тѣмъ, почти каждый вечеръ бывали балы и собранія при Дворѣ, у пословъ и Австрійскихъ вельможъ, а также въ публичныхъ мѣстахъ. Удостоенныя присутствіемъ Коронованныхъ Главъ, членовъ владѣтельныхъ Домовъ и множества знаменитыхъ людей, собранія являли прелесть необыкновенную и были оживляемы величайшею,

непринужденностью. Певинныя увеселенія нашли однакожь порицателей, утверждавшихъ, что забавы несвоевременны и препятствуютъ заниматься дѣлами съ надлежащимъ вниманіемъ. «Каково идетъ Конгрессъ?» спросили у Принца де-Линь. «Онъ нейдетъ,» отвѣчалъ Принцъ, «а пляшетъ.»—Отвѣтъ болѣе остроумный, нежели справедливый. Неслыханныя въ Исторіи волненія потрясли Европу двадцать пять лѣтъ. Освященные вѣками начала, служившія основаніемъ незыблемости Престоловъ, и взаимныя отношенія Державъ были ниспровергнуты. Прошло не болѣе полугода, какъ миновались бури, грозившія поглотить самостоятельность государствъ. Чѣмъ огромнѣе была опасность, тѣмъ сильнѣе чувствовали радость избавленія, и тѣмъ охотнѣе лица, соединенныя въ Вѣнь, предавались разнаго рода удовольствіямъ, отнюдь не мѣшавшимъ ходу дѣлъ и занятіямъ Конгресса. Онъ совершилъ въ восемь мѣсяцовъ исполинскій подвигъ, важнѣйшій нежели постановленія Вестфальскаго мира, продолжавшагося семь лѣтъ. Сверхъ того, собранія были необходимы для сближенія разныхъ лицъ, не имѣвшихъ безъ того случая видаться часто и непринужденно. Кому извѣстенъ высшій кругъ дѣйствованій государственныхъ, тотъ знаетъ необходимость такого рода сближеній, при чемъ не

рѣдко начинаются и созрѣваютъ дѣла величайшей важности.

Вѣнскій Дворъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи увеселеній и праздниковъ. По многочисленности своей, балы становились слишкомъ однообразны; поэтому прибѣгли къ другому рода забавамъ. Выпалъ снѣгъ, и начали готовить катаніе въ великолѣпныхъ саняхъ, блестящихъ позолотою и сдѣланныхъ на подобіе колесницъ. Но снѣгъ скоро сошелъ, и принуждены были отрядить множество людей собирать его по полямъ, въ корзинахъ, и усыпать имъ дорогу, назначенную для катанія. Впереди ѣхалъ Оберъ-Шталмейстеръ, Графъ Траутмансдорфъ; за нимъ слѣдовалъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, потомъ Государь съ Княгинею Габріелюю Ауерсбергъ, послѣ Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною, и такъ далѣе. Всѣхъ саней было до пятидесяти. Въ нихъ сидѣли почти исключительно владѣтельные особы. Послѣ гулянья былъ карусель въ манежѣ, самомъ огромномъ и красивомъ въ Европѣ. Сражавшіеся рыцари, въ картишной одеждѣ среднихъ вѣковъ, съ шлемами, осѣненными разноцвѣтными перьями, принадлежали къ фамиліямъ, древностию своею теряющимся во мракъ вѣковъ.

Конскіе уборы соответствовали одѣянію всадниковъ. По старинному обычаю, для раздачи наградъ побѣдителямъ, сидѣли въ особливой ложѣ дамы мыслей и сердець рыцарей. Въ полномъ смыслѣ слова, были онѣ облиты драгоцѣнными камнями, и въ такомъ множествѣ, какого нѣтъ ни при одномъ Дворѣ. Зрители каруселя состояли почти изъ всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ современниковъ.

Въ Декабрѣ мѣсяцъ устроили при Дворѣ театръ, и представляли на немъ живыя картины: Олимпъ, Даріево семейство Лебрюна и другія, и играли Французскія комедіи. Актерами были придворные и военные, между прочимъ нѣсколько Русскихъ. Изъ разныхъ драматическихъ представленій, имѣли наиболѣе успѣха «Пѣсни трубадуровъ 1148 года.» Зять Короля Пруссаго, Князь Антошій Радзивилъ, въ роли престарѣлаго Блонделя, съ гитарою въ рукахъ, открылъ первое дѣйствіе пѣснею, прославляя красоту, любовь и славу. Онъ не сходилъ со сцены, и по мѣрѣ появленія другихъ дѣйствовавшихъ лицъ, называлъ каждое изъ нихъ въ куплетахъ, принаровленныхъ къ ихъ ролямъ. Актеры обоего пола пѣли относящіяся до Крестовыхъ походовъ романсы. Графъ Варжемонъ собралъ потомъ романсы вмѣстѣ съ погами, въ особой книгѣ, и поднесъ Императрицѣ

Елисаветъ Алексѣевнѣ. Въ представленіяхъ красавицы имѣли возможность блеснуть своими прелестями и щегольскими нарядами, въ старинномъ вкусѣ, и обнаружить дарованія свои въ музыкѣ, но болѣе нежели онъ, торжествовалъ тутъ Французскій языкъ. Хотя главныя занятія Конгресса состояли въ сооруженіи новаго политическаго зданія на развалинахъ Французской Имперіи, однакожь не только всѣ сношенія его, но даже увеселенія, были на языкъ, упроченномъ писателями вѣка Людовика XIV въ общее употребленіе просвѣщеннымъ народамъ.

Всѣ особы владѣтельныхъ Домовъ посѣщали собранія и балы у Пословъ и другихъ именитыхъ частныхъ людей, кромѣ Австрійскаго Императора. Онъ бывалъ только на придворныхъ балахъ, велъ себя, какъ старшій братъ царственной Европейской семьи, и не измѣнялъ своему обыкновенному образу жизни: вставалъ въ семь часовъ, обѣдалъ въ два, по вечерамъ занимался музыкою. Когда онъ обѣдывалъ у Государя, для него готовили особенныя, любимыя имъ блюда. Ежедневно можно было встрѣчать его въ окрестностяхъ Вѣны, пѣшкомъ или въ коляскѣ, одного или съ его супругою, одѣтаго во фракъ, или коричневомъ сюртукѣ. Каждому изъ своихъ подданныхъ онъ давалъ аудиенціи и говорилъ съ нимъ привѣтливо.

Когда его Министры дѣлали на Конгрессѣ какія либо особенныя требованія, или объявляли свое несогласіе на предложенія другихъ Державъ, Императоръ Францъ сказывался больнымъ и по нѣсколькимъ дней не выходилъ изъ комнаты. Его братья и родственники подражали скромной его жизни.

По желанію Императора Франца, Государь принималъ въ Вѣнѣ званіе Шефа Гиллерова гренадерскаго полка, послѣ чего писалъ слѣдующее письмо Австрійскому Императору: «Милостивый Государь и
«Братъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю
«предложеніе Вашего Величества. Вы найдете Меня
«всегда готовымъ пользоваться каждымъ случаемъ,
«могущимъ болѣе и болѣе укрѣпить узы, къ счастью
«между нами существующія. Въ увѣренности, что
«Ваше Величество раздѣляете Мой образъ мыслей,
«предлагаю Вамъ позволить одному изъ храбрѣй-
«шихъ полковъ Моей арміи, Кексгольмскому грена-
«дерскому, носить Ваше имя. Согласіе Ваше на Мое
«желаніе будетъ для Меня пріятнѣйшимъ изъявленіемъ
«Вашихъ чувствованій, а для Русской арміи са-
«мымъ лестнымъ доказательствомъ Вашего къ ней
«уваженія.» (*)

(*) Monsieur mon frère! J'accepte avec autant d'empressement que de plaisir l'offre que Votre Majesté vient d

Черезъ нѣсколько дней потомъ, пришелъ ко мнѣ единственный Генераль-Адъютантъ Австрійскаго Императора, Графъ Кучера, и пригласилъ меня отъ имени Монарха къ Его Величеству. Когда я вошелъ въ кабинетъ Императора Франца, онъ просилъ меня посмотреть, такъ ли онъ надѣлъ въ первый разъ Русскій мундиръ и соблюдены ли имъ всѣ строгія требованія нашего военного наряда. Кабинетъ его не великъ, мебели въ немъ простыя и древнія, камердинеры люди пожилые и обходятся съ Монархомъ вольно. Вообще при Вѣнскомъ Дворѣ видно, что находишься у старинныхъ Царей; благоговѣя къ памяти предковъ, не дѣлаютъ никакихъ переменъ въ существующемъ порядкѣ. Возвращаясь, я смѣялся въ душѣ надъ игрою моею судьбы. На то

m'adresser. Elle me trouvera constamment prêt à saisir tout moyen qui puisse constater toujours davantage l'intimité des relations qui subsistent si heureusement entre nous. C'est dans la conviction combien Votre Majesté partage ce sentiment, que je lui propose également de permettre, que le régiment des grenadiers de Kexholm, l'un des plus braves de mon armée, porte son nom. Elle ne saurait me donner un témoignage qui me fut plus agréable, ni à l'armée russe une preuve plus flatteuse de son estime.

ли, подумалъ я, посвящена мною молодость наукамъ, чтобъ быть признану на совѣщаніе — о туалетѣ?

Тогдашняя супруга Императора Франца была самая обходительная особа изъ всеі царствующей Австрійской фамилии, и особенно уважаема Государемъ. Когда Его Величество принялъ званіе Шефа Гиллерова полка, даны были полку новыя знамена. Государь, въ Австрійскомъ мундирѣ, пошелъ со всеми офицерами къ Императрицѣ и просилъ ее прикрѣпить знамена къ древкамъ. Грѣмкимъ и твердымъ голосомъ говорила она офицерамъ о великой для нихъ чести, имѣть Самодержца Всероссійскаго Шефомъ своимъ, и изъявляла увѣренность, что они потщатся содѣлаться того достойными. Привязавъ знамена, Императрица вновь сказала прекрасное привѣтствіе.

Угощеніе Австрійскаго Двора Монархамъ и даже чиновникамъ, находившимся при нихъ, стоило огромныхъ издержекъ. Не щадили ничего, стараясь сдѣлать пребываніе въ Вѣнѣ пріятнымъ каждому. Такимъ образомъ, ежедневно поутру являлся ко мнѣ придворный служитель за приказаніями на счетъ объѣда и на сколько приборовъ накрывать столъ. Потомъ приходилъ берейторъ, спрашивать, какой экипажъ мнѣ нужно приготовить и сколько верховыхъ лошадей,

въ случаѣ, ежели я вздумаю прогуливаться съ пріятелями. Неизмѣнной и постоянной въжливости всѣхъ чиновъ Двора, начиная съ самыхъ почтенныхъ особъ, каковы были Князь Траушмансдорфъ и Графъ Врбиа, описать не возможно.

У Государя бывали для особъ царствующихъ Домовъ обѣденные столы. Къ нимъ приглашали только трехъ изъ подданныхъ, Фельдмаршаловъ Герцога Веллингтона, Князя Шварценберга и Князя Вреде. Даже послы и наши полные генералы, въ числѣ которыхъ находился защитникъ Смоленска и Малоярославца, Дохтуровъ, были исключены изъ Царскаго общества. Оно обыкновенно состояло изъ слѣдующихъ лицъ:

1. Императоръ Александръ,
2. Императрица Елисавета Алексѣевна,
3. Австрійскій Императоръ,
4. Супруга его,
5. Король Прусскій,
6. ——— Датскій,
7. ——— Виртембергскій,
8. ——— Баварскій,
9. Великая Княгиня Марія Павловна,
10. ——— ——— Екатерина Павловна,
11. Наслѣдный Австрійскій Принцъ,

12. Эрцгерцогъ Карлъ,
13. ————— Палатицъ,
14. ————— Антоюъ,
15. ————— Райнеръ,
16. ————— Лудвигъ,
17. ————— Рудольфъ,
18. ————— Иоанъ,
19. ————— Фердинандъ,
20. Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ,
21. Эрцгерцогиня Леопольдина,
22. ————— Клементина,
23. ————— Беатриксъ,
24. Герцогъ Албертъ Саксенъ-Тешенскій,
25. Прусскій Принцъ Вильгельмъ,
26. ——— ——— Августъ,
27. Курфирстъ Гессенъ-Кассельскій,
28. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій,
29. Баварскій Наслѣдный Принцъ,
30. ————— Принцъ Карлъ,
31. Виртембергскій Наслѣдный Принцъ,
32. ————— Принцъ Фердинандъ,
33. Великій Герцогъ Баденскій,
34. ——— ——— Веймарскій,
35. Дармштадскій Наслѣдный Принцъ,
36. Герцогъ Кобургскій,

37. Принцесса Турнъ и Таксисъ,
38. Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій,
39. Кобургскій Принцъ Леопольдъ,
40. ————— Фердинандъ,
41. Бывшій Вице-Король Италійскій Евгенийъ,
42. Гессенъ-Гомбургскій Наслѣдный Принцъ,
43. ————— Принцъ Филиппъ,
44. ————— Лудвигъ,
45. Нассаускій Герцогъ,
46. « Наслѣдный Принцъ,
47. Принцъ Гессенъ-Филипстальскій, и
Три Фельдмаршала.

Когда у Государя бывали большіе обѣды, каждый изъ Флигель-Адъютантовъ Его Величества долженъ былъ приглашать къ столу двухъ или трехъ особъ. Съ подобнымъ порученіемъ досталось мнѣ однажды ѣхать къ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгению и одному Нѣмецкому Принцу. Какъ скоро доложили обо мнѣ Вице-Королю, онъ вышелъ на встрѣчу за нѣсколько комнатъ, просилъ къ себѣ въ гостинную, благодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ: «Поверните меня къ стопамъ Его Величества;» потомъ вступилъ онъ со мною въ продолжительный разговоръ. Полный воспоминаніями бесѣды съ тѣмъ, кто еще недавно начальствовалъ противъ

нась въ Малоярославць, и стоялъ на ряду первыхъ полководцевъ нашего вѣка, я прѣхалъ къ другому Принцу, и былъ принятъ имъ съ самыми пышными обрядами. Когда его извѣстили о моемъ прѣздѣ, вдругъ отперли обѣ половины дверей многихъ горницъ. У каждаго двери были лакеи, пажи и камергеры въ золотѣ, и я увидѣлъ Принца въ пятой комнатѣ, гдѣ онъ меня ожидалъ, стоя неподвижно, и не дѣлая ни шагу ко мнѣ впередъ.

Самыя примѣчательныя собранія, продолжавшіяся почти всю зиму при Дворѣ, были такъ называемые камеръ-балы, куда приглашали только Монарховъ, Владѣтельныхъ Князей и чиновниковъ, непосредственно принадлежавшихъ къ особамъ ихъ. Невозможно было смотрѣть безъ крайняго любопытства на соединенныхъ въ одной комнатѣ Повелителей почти всѣхъ народовъ Европы, супругъ ихъ и семействъ. Такимъ собраніямъ не бывало до сихъ поръ примѣровъ. Здѣсь-то надлежало видѣть глубокое благоговѣніе, питаемое къ Государю всеми, и Монархами и сановниками, и какъ Онъ, нисходя съ необозримой высоты могущества и славы, куда былъ вознесенъ Провидѣніемъ, заставлялъ непринужденнымъ и снисходительнымъ обращеніемъ Своимъ забывать разстояніе, находившееся между Нимъ и

Его современниками. Являлось почти непостижимымъ, какъ можно быть столь очаровательною Тому, Котораго необыкновеннымъ свойствамъ вселенная платила достойную дань удивленія. Общее вниманіе устремлялось преимущественно на Государя, а Онъ, по врожденной Ему скромности, всячески старался уступать другимъ Монархамъ первенствующее мѣсто. Когда, при открытіи Конгресса, дошло до Его свѣдѣнія, что разсуждаемо было объ учрежденіи этикета въ собраніи Коронованныхъ Главъ, Государь, лѣтами моложе всѣхъ ихъ, предложилъ, для избѣжанія могущихъ возникнуть недоразумѣній, чему въ прежнія времена случались примѣры, чтобы Монархи занимали мѣста по лѣтамъ своимъ, и садился выше другихъ тотъ, кто былъ старѣе. Руководствуясь этими правилами, Онъ также желалъ, чтобъ и мы, Русскіе, находившіеся при Немъ, подражали въ подобныхъ случаяхъ Его примѣру. Однажды Онъ изъявилъ Свое благоволеніе Посланнику нашему при Вѣнскомъ Дворѣ Графу Стакельбергу за то, что на нарядномъ обѣдѣ, Графъ Стакельбергъ не принялъ предложеннаго ему почетнаго мѣста, и сѣлъ на ряду съ гостями, не столько какъ онъ возвышенными въ чинѣ. Такой образъ мыслей Императора Александра служить новымъ доказательствомъ, сколь мало истинное

величіе дорожить заимствованными и наружными почестями.

Въ придворныхъ собраніяхъ встрѣчалъ я между прочимъ челоуька, который не былъ ни посломъ, ни вельможею, ни полководцемъ, но привлекалъ на себя общее вниманіе и пользовался особеннымъ уваженіемъ Коронованныхъ Главъ. Говорю о Лагарпъ. Онъ былъ такъ скромнъ въ обхожденіи, какъ будто бы не выходилъ изъ среды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ Исторіи. Во дворцъ становился онъ обыкновенно поодаль другихъ, и обращался одинаково и непринужденно съ подданными и съ Повелителями народовъ. Я смотрѣлъ всегда на Лагарпа, какъ на одного изъ счастливыхъ, успѣвшаго выполнить увѣковѣчивающій имя его подвигъ—воспитаніе Алектсандра. Совершивъ великое дѣло, оставалось ему удалиться въ его прекрасное отечество, въ тишинъ кабинета слѣдовать мысленно за Державнымъ Питомцемъ, и пользуясь правомъ дружеской переписки съ Нимъ, излагать Ему по временамъ мнѣніе свое о важнѣйшихъ событіяхъ. Тогда Европа признала бы въ немъ мудреца, но онъ принялъ участіе въ переворотахъ Швейцаріи и навлекъ на себя негодованіе соотечественниковъ своихъ, упрекавшихъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ. По вступленіи во

Францію Союзныхъ войскъ, онъ былъ въ нашей главной квартирѣ. Съ покореніемъ Парижа настало для него истинное торжество: признательность къ нему Государя не имѣла предѣловъ. «Безъ Лагарпа,» сказалъ Императоръ, «не было бы и Александра.» На Конгрессѣ, Лагарпъ явился въ качествѣ уполномоченнаго отъ своего кантона, и опираясь на все-сильное заступленіе Государя, успешно опровергалъ излишнія требованія Бернского Сената. Почти каждую недѣлю обѣдалъ онъ вдвоемъ съ Государемъ, и являлся къ своему Питомцу безъ всякаго этикета, во фракѣ и сапогахъ. Часто писывалъ онъ къ Государю записки, и иногда на маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Разговаривая съ Лагарпомъ, склонялъ я всегда рѣчь на то время, когда онъ воспитывалъ Императора. «Ни для одного смертнаго,» сказалъ онъ мнѣ однажды, «природа не была столь щедра, какъ для Александра. Я находился при Немъ, съ седьмага года Его возраста и оставилъ Его спустя годъ послѣ Его бракосочетанія. Въ теченіе года я еще преподавалъ уроки Ему и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Съ самаго младенчества, понятія Его были очень ясны и точны. Я старался вселить въ Него убѣжденіе въ томъ, что Онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ.—И

«такъ, вы полагаете, господинъ Лагарпъ, сказала
«мнѣ Императрица Екатерина, вошедшая въ
«комнату, когда я преподавалъ эти правила Велико-
«му Князю, что мы лишены пріятностей и наслаж-
«деній дружбы?—Не смѣю утверждать, отвѣчалъ я
«Императрицѣ, чтобы многіе Монархи не были
«достойны имѣть друзей, но положеніе Ваше таково,
«что всѣ, къ Вамъ близкія лица, имѣютъ слишкомъ
«великую необходимость въ Васъ, почему говорятъ
«Вамъ большею частию то, чего не чувствуютъ.—
«Таковыми правилами,» продолжалъ Лагарпъ, «довелъ я
«Государя до того, что Онъ полагается на Себя,
«а не на окружающихъ Его, и хотя въ сердце Его
«есть склонность къ дружбѣ, однакожь Онъ не увле-
«кается ею.»—«Никто болѣе Лагарпа,» сказалъ од-
«нажды Государь, «не имѣлъ вліянія на Мой об-
«разъ мыслей, выключая Религій: на ея счетъ мы
«не согласовались.»

Описывая происходившее при Вѣнскомъ Дворѣ, нельзя не упомянуть о совершавшемся въ Великій Четвертокъ умовеніи ногъ. По обѣимъ сторонамъ огромной залы были поставлены два стола. За однимъ сидѣли двѣнадцать стариковъ, которымъ вмѣстѣ было девятьсотъ восемьдесятъ лѣтъ, а за другимъ двѣнадцать женщинъ, имѣвшихъ девятьсотъ восемьдесятъ

1815^{-ЫЙ}

Г О Д Ъ.

шесть лѣтъ. На нихъ были черныя платья, подобныя тѣмъ, какія носили въ царствованіе Императора Рудольфа втораго. Обѣденнымъ столомъ угощали, первыхъ Императоръ Францъ, а вторыхъ Австрійская Императрица. Послѣ обѣда Ихъ Величества, въ сопровожденіи Эрцгерцоговъ, омывали престарѣлымъ гостямъ своимъ ноги, и въ заключеніе раздали имъ выбитыя на сей случай серебряныя медали.

ГЛАВА VI.

Побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы. — Первое военное совѣщаніе. — Манифестъ Конгресса. — Военный совѣтъ. — Образование трехъ армій. — Русскія войска. — Коммиссія о продовольствіи.

При открытіи Конгресса въ Сентябрь 1814-го года, полагали кончить дѣла въ три мѣсяца. Потомъ, отлагая день за день, назначили окончаніе въ Февраль 1815-го, и изготовлялись къ отъезду. На возвратномъ пути въ Россію, Государь намѣревался посѣтить нѣкоторые Германскіе Дворы, соединенные съ Нимъ узами родства, и быть въ Варшавѣ. Предположенія не состоялись. Внезапно, 24-го Февраля вечеромъ, разнесся слухъ о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы. Съ самой минуты полученія извѣстія о покушеніи Наполеона, сдѣлалось оно главнымъ предметомъ совѣщаній Государственныхъ людей и разговоровъ

Вѣнскихъ жителей. На гуляньяхъ, въ собраніяхъ и частныхъ домахъ, только и слышны были толки объ отважномъ предпріятіи. Всѣ спрашивали, встречая другъ друга: подтверждается ли извѣстіе, и нѣтъ ли дальнѣйшихъ объ немъ подробностей? Въ Вѣнѣ произошло настоящее оцѣпенье умовъ, и явилось новое торжество для Александра: на Него устремились взоры всѣхъ, съ трепетнымъ ожиданіемъ рѣшенія Его при столь внезапномъ событіи.

Два дня прошли въ догадкахъ о мѣстѣ высадки Наполеона. Одни полагали, что онъ отправится въ Америку, другіе, что онъ пристанетъ въ Неаполь, но большая часть, основываясь на смутахъ, бушевавшихъ Парижъ, думали, что онъ выйдетъ на берегъ во Франціи. Неограниченно было любопытство узнать настоящіе замыслы Наполеона. Бумажныя деньги и государственныя облигаціи, барометръ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, повсюду измѣнялись въ своемъ достоинствѣ. Австрійскія ассигнаціи по нѣскольку разъ въ день падали и поднимались въ цѣнѣ; Голландскіи червонецъ въ двѣ недѣли возвысился отъ одиннадцати гульденовъ до двадцати одного. Наконецъ, 26-го Февраля, узнали, что Наполеонъ присталъ въ Автубъ, и Александръ немедленно произнесъ надъ нимъ приговоръ, объявивъ въ тотъ же день, что

Оцъ почитаеъ войну неизбежною, если не хотять вновь подвергнуть Европу порабощенію и намърены предварить опасности, подобныя тѣмъ, какими нарушалъ Наполеонъ всемірное спокойствіе. Къ счастью, арміи не были еще распущены, и положено пачать, не теряя времени, приготовленія къ походу. Многіе сомнѣвались въ успѣхъ войны, потому что узы, соединявшія въ прошедшемъ году Державы, отчасти ослабли на Конгрессъ, гдѣ требованія и желанія многихъ остались неудовлетворенными. Не было сомнѣнія, что находившіеся въ Вѣнѣ лазутчики Наполеона переувеличили въ своихъ донесеніяхъ неудовольствія, возникшія отъ разногласія Державъ, и Наполеонъ, довѣря ложнымъ показаніямъ, а также основывая суетныя надежды на тайномъ оборонительномъ договорѣ, заключенномъ въ Январѣ мѣсяцъ между Австріею, Англіею и Франціею, мечталъ найди себѣ союзниковъ на твердой землѣ. Расчетъ его оказался ошибочнымъ: именное появленіе его, предвѣстникъ новыхъ потрясеній и напастей, подвигло Дворы забыть возродившіяся между ними распри и вновь укрѣпило ихъ дружество.

Здѣсь представляется вопросъ: почему не приняли мѣръ для воспрепятствованія плѣннику бѣжать съ острова Эльбы? Рѣшеніе вопроса находится въ исторіи

всѣхъ заговоровъ, увѣнчанпыхъ успѣхомъ. Съ одной стороны, хитрость сообщниковъ и непроицаемая тайна, ими соблюдаемая, а съ другой, увѣренность въ невозможности удачи. На Конгрессѣ, за долго до отважнаго побѣга Наполеонова, многіе изъявляли опасеніе свое касательно близости къ твердой землѣ мѣстопробыванія его, и утверждали, что Союзныя Монархи поступили слишкомъ великодушно съ тѣмъ, чье существованіе было угрозою для Европы. Генералъ Коллеръ, жившій съ нимъ на островѣ Эльбѣ, еще въ прошломъ году говорилъ мнѣ, что «Наполеонъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ къ побѣгу; но надобно,» присовокупилъ онъ, «чтобы ему представился обширный кругъ дѣйствій; чиновники же, окружающіе его, особенно Бертрацъ, скупающія однообразною жизнію и бездѣйствіемъ въ Порто-Ферраіо, только и помышляютъ о войнѣ, страстно желая играть какую нибудь роль.» Передъ новымъ годомъ пріѣзжалъ въ Вѣну бывший тайный секретарь Наполеона, Ле Лорнъ-Дилевиль, сочинитель известной книги: «О приращеніи могущества Россіи.» (*) Онъ пробирался въ Польшу и явился къ намъ съ разными предложеніями. Ихъ цельность была очевидна, но слова Ле Лорня раждали

(*) Des progrès de la puissance de Russie,

подозрѣніе о существованіи какихъ-то тайныхъ замысловъ. Французскій Генераль Марсіаль, имѣвшій отъ Лудовика XVIII-го порученіе вести плѣнныхъ изъ Россіи во Францію, сказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что перейдя границу, плѣнные подняли знамя, съ надписью: «Мы съ нимъ увидимся!» (*) Лудовикъ XVIII и Бурбоны получали много писемъ о тайныхъ козняхъ врага своего. Они пренебрегали сообщаемыми извѣстіями, подобно тому, какъ Юлія Кесарь не уважилъ совѣтами друзей своихъ, увѣщавшихъ его не являться въ Сенатъ въ день, по ихъ догадкамъ назначенный для умерщвленія его. Обвинять въ оплошности Бурбоновъ и Юлія Кесаря значило бы усомниться въ истинѣ, что по временамъ Провидѣніе ниспосылаетъ кары, которыхъ никакая человѣческая предусмотрительность отвратить не въ состояніи, что судьбы Божіи неисповѣдимы!

На другой день послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона во Францію, по волю Государя собранъ былъ военный совѣтъ, состоявшій изъ трехъ генераловъ, Русскаго, Австрійскаго и Прусскаго, а именно, Князя Волконскаго, Князя Шварценберга и Кнезсбека. Они основывали разсужденія свои на трехъ предположеніяхъ: 1), если Наполеонъ

(*) Nous le reverrons un jour!

вовсе не имѣть сообщниковъ во Франціи, то не возможеть собрать арміи и погибнуть. Заключение сіе находили они вѣроятнымъ, судя по отказу коменданта города Антиба сдаться Наполеову; 2), или онъ увѣренъ найдти значительное число преданныхъ ему людей, и покорить роялистовъ, или 3), при появленіи его вспыхнетъ всеобщій бунтъ, особенно въ Парижъ, и Король, лишась войскъ, не будетъ въ состояніи противиться врагу своему. Каждое изъ трехъ предположеній должно было имѣть особенныя послѣдствія, и потому рѣшили не спѣшить соединеніемъ армій у границъ Франціи, но имѣть войска въ готовности, и собраться: Русскимъ между Краковомъ и Калишемъ, Австрійцамъ на Рейнъ, Англичанамъ между Намюромъ и Монсомъ, а Пруссакамъ у Магдебурга, за исключеніемъ корпуса Генерала Клейста, назначеннаго расположиться у Майнца и Луксембурга. Сверхъ того опредѣлили: если Король Французскій будетъ имѣть достаточную армію для встрѣчи общаго непріятели, то Клейсту соединиться съ Англо-Батавскою арміею и Австрійцами, уже находившимися въ окрестностяхъ Майнца, и идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ. За ними отрядить главныя силы Австрійцевъ, сосредоточивавшіяся у Майнца, гдѣ устроить главныя склады для запасовъ и

снарядовъ для всѣхъ арміи. Въ заключеніе согласились не позволять Швейцаріи оставаться нейтральною.

Пять дней послѣ засѣданія военнаго совѣта извѣстались объ успѣхахъ Наполеона. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно быстро. Въ Вѣнѣ узнали почти одновременно о движеніи его къ Греноблю, занятіи Ліона и измѣнѣ Французской арміи Бурбонамъ. Тогда же Неаполитанскій Король Мюрать отбросилъ личину, подѣ которою онъ таилъ вражду къ Союзнымъ Монархамъ, увѣдомилъ Папу офіціалнымъ отношеніемъ о преданности своей къ Наполеону, разсѣялъ по всей Италіи воззванія къ оружію и напалъ на Австрійцевъ, безъ предварительнаго объявленія войны. вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено въ Вѣнѣ покушеніе увезти Римскаго Короля изъ Шенбурна въ Парижъ, для чего лошади по всей дорогѣ уже были заготовлены. Разсказывали, что не задолго до открытія заговора, бывшіе при маленькомъ Принцѣ Французы выучили его сказать Императору Францу привѣтствіе, и просить дѣда своего заступитъ мѣсто его отца, вооружившаго противъ себя всѣ Державы. Заговоръ, особливо поступки Неаполитанскаго Короля, удостовѣрили еще болѣе въ обширности замысловъ Наполеона, и въ томъ, что сообщники его находились не въ одной Франціи. Основываясь на

сихъ обстоятельствахъ, Уполномоченные на Конгрессѣ получили отъ своихъ Дворовъ повелѣніе обнародовать манифестъ, объявляя, что «Наполеонъ нарушилъ заключенные съ Монархами ихъ договоры, что владычество его несовмѣстно съ спокойствіемъ Европы, и всѣ Державы обязуются низложить его.» Немедленно отправлены были въ пограничныя мѣста курьеры, съ предписаніемъ не впускать въ предѣлы Австріи чиновниковъ, посланныхъ Наполеономъ къ первенствующимъ Дворамъ съ извѣстіемъ о возвращеніи его въ Парижъ и увѣреніемъ, что онъ не станетъ нарушать миръ, а посвятить себя исключительно благоденствію Франціи.

Потомъ приступили къ составленію дружественнаго договора между четырьмя первенствующими Державами, обязавшимися употребить всѣ силы, для низпроверженія покушеній Наполеона и охраненія неприкосновенности Парижскаго мира и постановленій Конгресса. Имѣя въ предметъ привести въ исполненіе договоръ сей, подписанный 13-го Марта, пригласили къ соучаствію въ немъ и другія Государства; всѣ, за исключеніемъ Швеціи, успѣли изъявить готовность свою содѣйствовать первенствующимъ Державамъ. Оставалось опредѣлить количество выставленныхъ каждымъ Государствомъ войскъ, и назначить

сборныя мѣста для нихъ. Происходившее по сему случаю засѣданіе въ домъ Герцога Веллингтона, достойно примѣчанія по единодушію членовъ и рѣшительнымъ, принятымъ мѣрамъ. Изъ восьми, присутствовавшихъ въ совѣтъ, лицъ, были три Фельдмаршала: Веллингтонъ, Шварценбергъ и Вреде, а изъ Коронованныхъ Главъ—одицъ Александръ: въ начинавшейся войнѣ Опъ снова являлся Агамемнономъ. Определено было выставить три арміи: первую, названную арміею Верхняго Рейна, подъ начальствомъ Князя Шварценберга, и составленную изъ Австрійцевъ, Баварцевъ, Баденцевъ, Виртембергцевъ и Дармштатцевъ, между Франкфуртомъ и Базелемъ; вторую, Нижняго Рейна, изъ 153,000 Пруссаковъ, подъ начальствомъ Князя Блюхера, и третію, Нидерландскую, предводимую Герцогомъ Веллингтономъ, изъ Англичанъ, Ганноверцевъ и Голландцевъ. Войска другихъ владѣтелей Германіи распредѣлялись въ арміи Блюхера и Веллингтона. Сверхъ того, 20,000-му корпусу надлежало занять крѣпость Майнцъ.

Вскорѣ послѣ военнаго совѣта прибыли въ Вѣну призванные туда нарочно для совѣщаній Генералы Дибичъ и Толь, почитавшіеся у насъ лучшими стратегиками. Оба, въ послѣдствіи искусными соображеніями своими потрясшіе Оттоманскую Порту въ

основаніяхъ ея, совершенно согласовались въ мѣтні-
лхъ и видахъ касательно предполагаемыхъ дѣйствій
противъ Наполеона.

Русская армія долженствовала составить главный
резервъ вооруженныхъ силъ Европы. Для того Фельд-
маршалъ Барклай де-Толли, со времени возвращенія
изъ Франціи находившійся съ арміею въ Царствѣ
Польскомъ, выступилъ оттуда къ Рейну тремя ко-
лоннами, состоявшими въ 225,075 человекъ, со
включеніемъ парковъ и всѣхъ лицъ, къ военному
управленію и обозу принадлежащихъ. Въ то же вре-
мя, подъ начальствомъ Генерала Миллера-Закомель-
скаго, образовалась резервная армія, изъ третьихъ
батальоновъ и седьмыхъ эскадроновъ полковъ, на-
значенныхъ въ дѣйствующую армію. Для подкрѣпле-
нія ея и содержанія въ спокойствіи прилежащихъ
къ Бугу и Нѣману губерній, гдѣ начали обнаружи-
ваться непріязненные волненія, корпусъ Князя Гор-
чакова отряженъ былъ изъ южной арміи къ Бресту-
Литовскому. Кремь огромнаго ополченія Русскихъ,
двинувагося на защиту Европы, оставалось еще
внутри Имперіи болѣе 300,000 человекъ. Не
столько многочисленность арміи нашей, бывшей въ
то время вдвое сильнѣе нежели при началѣ Отече-
ственной войны, сколько ея устройство, предметъ

постоянныхъ, ежедневныхъ заботъ Государя, возбуждало удивленіе иностранцевъ. Въ рядахъ ея находились полководцы, одержавшіе блистательныя побѣды, и частные генералы, имена которыхъ, издавна любезныя Россіи, числились не въ однихъ спискахъ, сохраняемыхъ въ дежурствахъ, но занимали почетныя мѣста въ военныхъ лѣтописяхъ.

Потомъ приступили къ разсужденію о продовольствіи войскъ во время слѣдованія ихъ къ Рейну. Для того учреждена была коммиссія, составленная изъ Русскихъ, Австрійскихъ, Англійскихъ и Прусскихъ чиновниковъ. Дѣйствія ея замедлялись отъ непомѣрныхъ цѣнъ, запрашиваемыхъ съ насъ разными Нѣмецкими владѣтелями. Зная возвышенный образъ мыслей Государя, готоваго на всякія пожертвованія, они торговались какъ купцы, и на каждомъ шагу поставляли затрудненія. Одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать Русскихъ, а другіе утверждали, что собственныя ихъ войска будутъ скоро претерпѣвать голодь. Немного осталось Германскихъ владѣтелей, не прибѣгавшихъ съ прозьбами объ избавленіи земель ихъ отъ прохода Русскихъ войскъ, хотя въ то же время они убѣждали Государя не оставлять ихъ безъ защиты противъ общаго врага. Саксонцы присылали въ Вѣну

нарочную депутацію, ходатайствовать о проведеніи нашей военной дороги мимо Саксоніи, а въ случаѣ, ежели нельзя было миновать сего Королевства, о свезеніи продовольствія и фуража въ Саксонію изъ сосѣдственныхъ земель. Особенно настаивали депутаты, чтобы наши, во время движенія своего къ Франціи, не касались нѣкоторыхъ городовъ, какъ на примѣръ Лейпцига. По заключенному условію, черезъ Виртембергю должны были проходить одни Австрійцы; но два небольшіе наши отряда какимъ-то образомъ коснулись пограничныхъ деревень сего Королевства, и тотчасъ прибылъ въ Вьну нарочный Генераль изъ Стутгарда, объявить о рѣшительномъ отказѣ своего правительства продовольствовать Русскихъ и отводить имъ для постоя дома. Баварцы дѣлали всѣхъ болѣе затрудненій. Долго надобно было уговаривать ихъ на принятіе системы общаго армейскаго хозяйства въ Германіи, и они наконецъ согласились на наши предложенія, но съ условіемъ, чтобы при заключеніи съ ними обязательства или договора были употреблены другія выраженія, нежели съ прочими мелкими владѣніями, и чтобы деньги за муку, овесъ, больницы и прочее, выдавать имъ непременно впередъ за каждый мѣсяць. Одинъ изъ Министровъ ихъ писалъ намъ: «Въ послѣднія войны

«пожертвованія Баваріи были такъ для нея обременительны, что, не установивъ точныхъ условій о возвратѣ денегъ за поставку продовольствія, нѣтъ возможности требовать отъ нея какого либо пособія при проходѣ Русскихъ войскъ.» Не короче ли было Министру сказать просто: Русскіе, спасите насъ, и сверхъ того за наше избавленіе заплатите намъ деньги?

Приказывая удовлетворять щедро всѣмъ требованіямъ, Императоръ Александръ имѣлъ въ виду одну великую цель: Благо общее. Возстановивъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго, политическое равновѣсіе—необходимое условіе просвѣщенія и благосостоянія народовъ — Императору надобно было, для защиты равновѣсія противъ Наполеона, вновь обнажить мечъ. Россіи, оградившей навсегда Европу съ Востока отъ нашествія Азіятцевъ и Турковъ, оказавшей тѣмъ безсмертную услугу всему челоуѣчеству, предстоялъ въ 1815-мъ году трудъ въ другой разъ избавить ее со стороны Запада отъ военнаго деспотизма Наполеона. Отложивъ намѣреніе Свое возвратиться въ Россію, Государь рѣшился опять, какъ и въ прежнихъ походахъ, лично предводительствовать арміями. Такимъ образомъ жребій войны былъ брошенъ. Едва заключили миръ, едва

начали науки развиваться подъ сѣнію тишины, и торговля стала оживотворять долгое время стѣсненную промышленность, какъ снова отъ Уральскихъ горъ до Лиссабона дороги покрылись многочисленными арміями, и отъ одного конца Европы до другаго раздались восклицанія: Къ оружію!

Г Л А В А V II.

Подарки Вѣнскому Двору.—Отъездъ изъ Вѣны.—Баварскій Дворъ.—
Стутгардъ.—Лудвигсбургъ.—Гейльбронъ.—Гейдельбергъ.

Когда начали дѣлать приготовленія къ отъезду изъ Вѣны въ армію, составили списокъ подарковъ для чиновъ Австрійскаго Двора, истощавшаго въ продолженіе девяти мѣсяцевъ всѣ средства гостепріимства. Желая имѣть для соображенія мѣру награжденій, приняли за основаніе подарки, пожалованные Виртембергскимъ Королемъ. Онъ славился своею щедростію, и, ухвативъ первый изъ Коронованныхъ Главъ съ Конгресса, раздалъ вещами и деньгами на тринадцать тысячъ червонцевъ. Подарки, сдѣланные Государемъ наканунѣ отъезда изъ Вѣны, кромѣ бриліантовыхъ вещей, пожалованныхъ дипломатическимъ чиновникамъ, заключались

въ слѣдующемъ: 28 табакерокъ, въ томъ числѣ шесть съ портретомъ и пять съ вензелемъ, 20 перстней, изъ нихъ два съ портретомъ и четыре съ вензелемъ, 2 алмазные знака ордена Святаго Александра Невскаго и одни алмазные знаки ордена Святой Анны первой степени. Придворной услугъ пожаловано деньгами около 12,000 червонцевъ и 5,000 червонцевъ находившемуся при Государь Князю Кларн, въ пособіе отъ разоренія, понесеннаго въ войну 1813-го года имѣніемъ его въ Богеміи.

13-го Мая, въ прекраснѣйшій вечеръ, мы отправились изъ Вѣны черезъ Мюнхенъ и Стутгардъ въ нашу главную квартиру, Гейльбронъ. Всю ночь не могъ я сомкнуть глазъ, вспоминая о множествѣ разныхъ лицъ, видѣнныхъ мною на Конгрессѣ, о добродѣтеляхъ и слабостяхъ, проявившихся тамъ въ разныхъ видахъ, объ успѣхахъ просвѣщенія и силѣ предразсудковъ, о великолѣпныхъ праздникахъ при Дворѣ и уединенныхъ прогулкахъ моихъ въ окрестностяхъ Вѣны. Словомъ, воображенію моему представлялись всѣ суеты шумнаго, безпримѣрнаго восьми-мѣсячнаго пребыванія нашего на Конгрессѣ, и перемежались съ радостными мечтами о скоромъ возобновеніи военныхъ тревогъ и боевой жизни. Первые лучи солнца застали меня недалеко отъ Мелька.

Красоты, разсыпанныя здѣсь щедро рукою природы, разсыяли безпорядокъ моихъ мыслей. Быстро неся я по берегу Дуная, въ виду Стирійскихъ горъ, прислоненныхъ къ снѣжнымъ высотамъ Тироля. Въ каждомъ селеніи и каждомъ городѣ множество народа ожидало Государя и встрѣчало Его радостными восклицаніями.

По прибытіи въ Нимфенбургъ, загородный дворецъ Баварскаго Короля, Государь представлялъ насъ Королю, принявшему насъ съ особенною ласкою. «Будьте у меня въ гостяхъ, безъ всякихъ церемоній,» сказалъ онъ мнѣ. Въ пріемной залѣ была Королева, окруженная шестью прелестными дочерьми. Преимущественно обращала на себя вниманіе старшая дочь Ея Величества, бывшая Вице-Королева Италійская, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ нашего времени. Въ какомъ величіи видѣлъ я ее за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ Миланѣ, въ цвѣтъ молодости, на престолѣ роскошной Ломбардіи! Король обходился съ придворными на самой дружеской ногѣ, добродушіемъ и шутками заставляя забывать санъ свой. Баварскій Дворъ состоялъ человекъ изъ двадцати пожилыхъ камергеровъ, самыхъ старинныхъ фамилій, но между ними не было людей, по заслугамъ своимъ принадлежащихъ Исторіи, какихъ пріятно

встрѣчать на ступеняхъ престоловъ. На другой день мы ѣздили изъ Нимфенбурга въ Мюнхенъ, гдѣ городъ давалъ Императору балъ въ театрѣ. По прибытіи Его Величества началась Русская пляска: потомъ явились актеры, одѣтые въ платье различныхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, и проходили мимо ложи Государевой при громъ музыки. Король предложилъ обойти по партеру. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увидѣли мы водопадъ, и подъ нимъ изображеніе Камешаго Острова, незабвеннаго въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ любимое мѣстопробываніе Александра. Поздній потомокъ, посѣщая Каменный Островъ и его тѣнистыя аллеи, съ умиленіемъ воззрѣть на скромное жилище Монарха, доступнаго всякаго рода благимъ впечатлѣніямъ, Того, Кто былъ славою и утѣхою Своего вѣка, украшеніемъ челоуѣчества. Послѣ играли комическую оперу. Государь казался скучнымъ. Онъ не любилъ драматическихъ представленій и сказалъ однажды: «По Миѣ хотѣ бы ввѣкъ не было театровъ.»

Мая 17-го ожидали прибытія Австрійскаго Императора, и послѣ обѣда весь Дворъ вышелъ на балконъ, для встрѣчи Его Величества. Я стоялъ подъ Вице-Короля Италійскаго, погруженнаго въ уныніе. При тогдашнихъ обстоятельствахъ грусть его

была понятна, когда поступки Наполеона поставили Вице-Короля въ затруднительное положеніе. Во время Конгресса, Государь осыпалъ его милостями, ежедневно прогуливался съ нимъ рука объ руку пѣшкомъ, заботился объ устройствѣ будущаго жребія его, отстаивалъ права его на разныя, подаренныя ему Наполеономъ помѣстья. Послѣ бѣгства Наполеона съ Эльбы, возникли подозрѣнія на Вице-Короля; утверждали, будто онъ зналъ о предпріятіи своего вѣтчима, и стали обращаться съ нимъ холоднѣе, но Государь не переставалъ уважать его, и разговаривая однажды со мною объ немъ, назвалъ его «человѣкомъ самыхъ честныхъ правилъ.» Вице-Король началъ говорить со мною о предметахъ обыкновенныхъ, а я старался склонить рѣчь на войну 1812-го года. Намъ не нужны похвалы иностранцевъ; чести нашей никто не отниметь; Русскіе поставили ее на незыблемомъ основаніи, но не менѣе того пріятно мнѣ было слышать отъ ближайшаго родственника Наполеонова, и одного изъ искуснѣйшихъ генераловъ его, похвалы, воздаваемыя имъ Кутузову и арміи нашей. «Позвольте сдѣлать вамъ замѣчаніе,» сказалъ онъ между прочимъ, «что это первый ученый похвальщикъ Русскихъ, и въ немъ показали вы превосходство

«вашихъ офицеровъ и солдатъ. Я раздѣлялъ съ Наполеономъ и со всею Французскою арміею увѣренность въ успѣхъ, но дѣйствія Кутузова разстроили всѣ наши расчеты.» Прибытіе Императора Франца и супруги его прервало разговоръ. Всѣ пошли встрѣчать ихъ, и потомъ, по обыкновенію, проводили до комнатъ, назначенныхъ для Ихъ Величествъ. Послѣ, придворные начали расходиться. Утомленные, какъ будто совершивъ подвигъ, они говорили другъ къ другу: «Какой сегодня тягостный день! И еще будетъ ужинъ!»

19-го Мая мы выѣхали изъ Нимфенбурга въ Стутгардъ. Король Виртембергскій ожидалъ Императора въ селеніи Эслингенъ, гдѣ Генералъ Чернышевъ представилъ меня Его Величеству. Я провелъ съ нимъ около часа. Король говорилъ о Франціи, Рейнскомъ Союзѣ, войнѣ и подобныхъ важныхъ предметахъ, и вспоминалъ о службѣ своей въ Россіи. Изъ Нѣмецкихъ Государей онъ одинъ, во время владычества Французовъ, умѣлъ сохранить призракъ независимости и достоинство Монарха. Онъ управлялъ Государствомъ самовластно; министры не имѣли вліянія на дѣла. Жаловались на строгость его правленія, на излишество податей, но за то нигдѣ въ Германіи не было такого порядка во всѣхъ отрасляхъ

управленія, какъ въ Виртембергѣ, и такого великолѣпія, какъ при Стутгардскомъ Дворѣ, пышностію и устройствомъ превосходившаго Дворы Вѣнскій и Берлинскій. Во время блеска Сень-Клудскаго Двора, Наполеонъ присылалъ въ Стутгардъ чиновниковъ для изученія порядка, здѣсь заведеннаго, и говаривалъ: «Въ Виртембергѣ нѣтъ Королевства, но есть «Король.»»

По прибытіи Государя въ Эслингенъ, мы сѣли въ придворныя коляски и отправились въ Стутгардъ, по берегу Некара, посреди богатыхъ селеній, расположенныхъ у подошвы горъ. На одной изъ нихъ находятся развалины замка Вартенберга, откуда происходитъ нынѣ царствующій Домъ. Выстрѣлы изъ разставленныхъ по возвышеніямъ орудій возвѣстили приближеніе Государя къ Стутгарду. Все народонаселеніе его высыпало на встрѣчу Александрѣ. Дворъ ожидалъ Государя на лѣстницѣ замка; на ступеняхъ разставлены были камергеры и пажи, залитые, такъ сказать, въ золото; въ переднихъ комнатахъ стояли кавалергарды и трабанты, въ старинной Нѣмецкой одеждѣ. Горницы въ замкѣ не соотвѣтствуютъ блестящимъ мундирамъ придворныхъ: онѣ малы, убраны небогато, но со вкусомъ. Въ кабинетѣ Короля висятъ три портрета:

Петра Великаго, Фридриха Втораго и Герцога Фердинанда, почитаемаго однимъ изъ самыхъ мудрыхъ Виртембергскихъ владѣтелей. Послѣ обыкновенныхъ представленій, насъ пригласили въ театръ. Здѣсь взоръ мой былъ ослѣпленъ пышностію нарядовъ и необыкновеннымъ множествомъ знаковъ отличія на военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Въ Виртембергѣ, гдѣ народонаселеніе простирается до полутора милліона, болѣе лицъ, имеющихъ орденна, нежели въ Австрійской Имперіи, заключающей въ себѣ двадцать семь милліоновъ жителей.

Черезъ два дня мы перѣехали изъ Стутгарда въ Лудвигсбургъ, обыкновенное лѣтнее мѣстопробываніе Короля. Повсюду встрѣчались богато одѣтые придворные и часовые, но городъ похожъ на казарму: на улицахъ ни кого не было видно, кромѣ военныхъ. Почти въ одно время съ Государемъ прибылъ въ Лудвигсбургъ Императоръ Австрійскій; по случаю встрѣчи его и представленія двумъ Императорамъ, весь день проведенъ былъ въ суетахъ. Вечеромъ Дворъ отправился въ Монрено на балъ, а я побѣжалъ въ Стутгардъ, желая познакомиться съ славнымъ ваятелемъ Даншекеромъ. Къ сожалѣнію, я не засталъ его дома, но мнѣ показали его мастерскую, и въ ней Аріадну, одну изъ изящнѣйшихъ статуй въ свѣтъ;

смѣло можетъ она быть поставлена на ряду съ произведеніями Кановы и Торвалдсена. Въ мастерской были также прекрасные бюсты Шиллера, Графини Алонеусъ и Князя Меттерниха.

21-го Мая мы выѣхали изъ Лудвигсбурга въ Гейльбронъ, нашу главную квартиру. Ежеминутно прїѣзжали туда генералы, офицеры, курьеры; не было болѣе придворныхъ, вельможъ, баловъ; все приняло военный видъ; думали не о веселостяхъ, мечтали о славѣ; жалѣли только, что наши войска еще далеко отъ Рейна. Главная квартира Австрійцевъ находилась въ Гейдельбергѣ, и хотя они увѣрили, что тамъ очень тѣсно и Государю гораздо спокойнѣе будетъ въ Гейльбронъ, однакожъ Его Величество, желая, по обыкновенію Своему, присутствовать въ средоточіи военныхъ дѣйствій, отправился въ Гейдельбергъ, приказавъ предварительно увѣдомить Австрійцевъ, что для Него нужно неболѣе одного или двухъ домовъ, а главная квартира Его можетъ расположиться въ ближнихъ отъ Гейдельберга деревняхъ. Для прїѣзда Государева Гейдельбергъ былъ иллюминованъ; народъ толпился на улицахъ; студенты, съ веселыми, открытыми лицами, напоминали мнѣ счастливые годы жизни моеи; профессоры продолжали свои преподаванія. Однажды я зашелъ къ

одному изъ нихъ на лекцію; учебная комната его наполнена была слушателями. Въ самой близи отъ Французской границы, среди военного шума двухъ главныхъ квартиръ, добрые Нѣмцы предавались наукамъ съ такимъ жаромъ, какъ будто не зная, что положеніе политическаго міра угрожаемо было страшными бурями. Зачѣмъ не раздѣляю я съ вами очарованія вашего? подумалъ я, и тихими шагами пошелъ на гору, гдѣ возвышаются развалины стариннаго, великолѣпнаго замка. Съ горы видна долина до самаго Мангейма, орошаемая Некаромъ и усѣянная деревнями, городами и садами. Вдали мелькаетъ Рейнъ и синѣются предѣлы Франціи. Тамъ стояли уже непріатели, отдѣленные отъ насъ только двѣнадцатю верстами, тамъ ждала насъ будущность, обильная, казалось, міровыми событіями!

ГЛАВА VIII.

Загородный домъ Государя въ Гейдельбергъ. — Прибытіе войскъ. — Военныя совѣщанія. — Операционный планъ Государя. — Письмо Его Величества къ Герцогу Веллингтону. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Извѣстіе о сраженіи при Ливви. — Побѣда при Ватерлоо. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Великая Княгиня Екатерина Павловна.

Вскорѣ по прибытіи въ Гейдельбергъ, Государь переѣхалъ за городъ, въ домъ Англичанина Пикфорда. Извѣщенный о желаніи Императора поселиться у него, Пикфордъ обрадовался чести, удостоиваемой домъ его и общалъ въ тотъ же день все приготовить для пріятія Его Величества. Вдругъ, неожиданно, вошелъ Государь, благодарилъ хозяина чистымъ Англійскимъ языкомъ, осыпалъ ласками супругу его и шестерыхъ дѣтей, и пригласилъ бывать въ саду ихъ такъ часто, какъ имъ угодно,

обычая сохранять его въ прежнемъ видѣ. Въ одномъ домѣ съ Государемъ жилъ только Князь Волконскій, и для меня отвели комнату, гдѣ я занимался дѣлами съ утра до вечера.

Однажды, проходя мимо сада нашего дома, расположеннаго у подошвы крутыхъ горъ, увидѣлъ я въ немъ Государя, поливавшаго цвѣты. Меня поразило зрѣлище перваго Монарха нашего времени, верховнаго предводителя арміи Европы, наканунѣ битвъ рѣшительныхъ для участи Царствъ, занимавшагося цвѣтами! Потомъ Онъ взошелъ на гору и долго смотрѣлъ на прелестныя окрестности. На Его ангельскомъ лицѣ изображалось совершенное спокойствіе; казалось, Онъ счастливъ былъ, любуясь прелестями природы. Что, подумалъ я, глядя на Государя, должно теперь происходить въ мрачной душѣ соперника Его—Наполеона? Со вступленія своего въ Парижъ, не зналъ онъ покоя ни днемъ, ни ночью, истощалъ кипучую дѣятельность свою и напрягалъ все способности ума, стараясь ослѣпить и обмануть Французовъ касательно своего дерзкаго предпріятія, и обратить Францію въ безчисленные лагери и арсеналы, гдѣ образовались войска, готовили оружіе и снаряды. Онъ снабжалъ крѣпости артиллеріею и запасами для выдержанія продолжительныхъ осадъ,

укрѣплялъ Парижъ и Ліонъ, обставлялъ границу Франці войсками, воспламенялъ Государство къ общему возстанію. Зная, что начинавшаяся война должна была, въ случаѣ неудачи съ его стороны, кончиться его уничтоженіемъ, онъ изобрѣталъ средства къ отчаянной борбѣ, а между тѣмъ Александръ двигалъ противъ него ополченіе Европы, съ совѣстью спокойною, безмятежною, въ убѣжденіи великаго, праваго дѣла Своего.

Мы прожили въ Гейдельбергѣ двѣ недѣли, отъ 25-го Мая до 10-го Іюня, ожидая приближенія нашей арміи. Въ началъ Іюня мѣсяца стали приходить Русскіе полки, удивляя мужественнымъ видомъ солдатъ, исправностію оружія и лошадей. По мѣрѣ прибытія войскъ, Государь дѣлалъ имъ смотры, и хотя войска были доведены до возможнаго совершенства, однакожь отъ наблюдательнаго взора Государева не скрылись недостатки. Изъ слѣдующихъ двухъ замѣчаній Его можно видѣть, до какой степени Онъ входилъ въ подробности. Онъ нашелъ Ахтырскій гусарскій полкъ въ отличномъ состояніи, но поставилъ на видъ полковому командиру, что у нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ были противъ положенія серебряныя цѣпочки на уздахъ. Александрійскій гусарскій полкъ Государь хулилъ за то, что на

киверахъ солдатъ султаны были не довольно прямы. Артиллерія наша, алмазь Русской арміи, являлась въ обыкновенномъ блестящемъ видѣ своемъ. Къ несчастію, одна рота обратила на себя совершенное неудовольствіе Государя. «У исправнаго извощика збуру на лошадяхъ лучше,» сказалъ Онъ ротному командиру, и велѣлъ ему служить за младшаго офицера въ продолженіе похода.

Безъ глубокаго уваженія нельзя было смотрѣть на солдатъ и унтеръ офицеровъ, выслужившихъ узаконенный двадцати-пяти лѣтній срокъ. Имъ предлагали отставку въ началѣ настоящаго года, но они, извѣстясь о походѣ, просили позволенія участвовать въ войнѣ. Галунъ на лѣвой рукѣ отличалъ ветерановъ; во всей арміи считалось ихъ до четырехъ тысячъ. Съ изумленіемъ взирали иностранцы на густые ряды нашихъ войскъ, не постигая, какъ могли Русскіе придти на Рейнъ такъ скоро и въ такомъ устройствѣ. Знаменитый историкъ Швейцаріи, Юаннъ Мюллеръ, сказалъ: «Природа одарила Россію «необыкновенною силою. Нужно только прикоснуться «ся до нея, чтобы увидѣть, какъ сія Держава раз- «виваетъ всеобъемлющее свое могущество. Едва по- «знакомилась она при Владимірѣ съ просвѣщеніемъ «Грековъ, и при Петрѣ съ образованіемъ Евронейцевъ,

«сношенія ея обияли уже весь великія Державы.» Дѣписатель Гельвеціи, воскресившій въ своихъ сочиненіяхъ великіи духъ Древнихъ, доживъ до нашего времени, присовокупилъ бы: «Лишь только двадцать народовъ покусились нарушить благоденствіе «Великой Имперіи, и въ теченіе полутора года по «нашествіи ихъ, Русскіе дважды были за Рейномъ!»

Между тѣмъ составляли въ Гейдельбергъ планъ военныхъ дѣйствій. Сперва Австрійцы сообщили свои предположенія. Они заключались въ томъ, чтобъ арміи ихъ, собранной на среднемъ Рейнѣ, подняться вверхъ по рѣкѣ сей, къ Базелю, дѣйствовать сколько можно совокупитѣ съ корпусами, шедшими изъ Италіи подъ начальствомъ Фримона и Біанки, и не открывать Швейцаріи, почитаемой ими обороною Австрійской Монархіи. Они желали, чтобы Русская армія, предшествуемая Баварскою, переправилась у Мангейма, шла по направленію къ Сентъ-Дизье и соединилась съ ними у Шомона. По составленіи плана, Князь Шварценбергъ испросилъ предварительно на него согласія Австрійскаго Императора, и потомъ, вмѣстѣ съ одобрительнымъ письмомъ своего Монарха, представилъ планъ Государю. Императору Александру было непріятно, что Фельдмаршалъ, безъ вѣдома Его, доводилъ планъ до свѣдѣнія

Императора Франца, и далъ почувствовать Свое неудовольствіе слѣдующимъ образомъ Князю Шварценбергу, въ тотъ день объдавшему у Государя. Князь, послѣ стола, спросилъ мнѣнія Его Величества о планѣ, и получилъ такой отвѣтъ: «Дѣло те-
«перь рѣшено: составленныя вами предположенія
«утверждены вашимъ Императоромъ. Я, съ Моей сто-
«роны, присовокуплю къ нимъ нѣсколько замѣчаній.»
Князь Шварценбергъ, догадавшись о неудовольствіи Государя, отвѣчалъ: «Sire, je vous ai manqué.» Въ тотъ же вечеръ Государь написалъ Австрійскому Императору письмо, но не отправилъ его. Слѣдующія выраженія покажутъ, въ какомъ духѣ оно было писано: «Можно ли ожидать благопріятныхъ послѣд-
«ствій, если, не посоветовавшись съ своими Союзни-
«ками, Принцъ Регентъ будетъ давать приказанія
«Веллингтону, Король Прусскій Блюхеру, въ Швар-
«ценбергу, а я Барклаю?»

Вмѣсто письма къ Императору Францу, Государь послалъ къ Князю Шварценбергу слѣдующія возраженія, написанныя собственноручно Его Величествомъ по Французски:

«Прочитавъ со вниманіемъ составленный вами
«планъ, Я совершенно согласенъ съ нимъ въ глав-
«ныхъ основаніяхъ, и различествую только во

«мнѣніи, какимъ образомъ вступать во Францію.
«Оставляя большое пространство между Русскою ар-
«міею, долженствующею переходить черезъ Рейнъ въ
«Мангеймъ и Майнцъ, и Австрійскою, назначаемую
«переходить въ Базель, лишаемъ мы себя доброволь-
«но величайшей выгоды, то есть, возможности сое-
«динить обѣ арміи въ такомъ случаѣ, когда непріа-
«тель въ значительныхъ силахъ нападетъ на одну
«изъ нихъ, что удобно можно исполнить, если Ав-
«стрійцы переправятся между Гермерегеймомъ и Ман-
«геймомъ. Такимъ образомъ до мѣста, предназначен-
«наго Австрійскою арміею въ вашемъ планѣ, можно
«достигнуть путемъ прямѣйшимъ и слѣдственно крат-
«чайшимъ, съ тою только разницею, что обѣ арміи
«будутъ всегда въ состояніи соединиться и въ пре-
«восходномъ числѣ встрѣтить непріятеля. Напротивъ,
«маневрируя на столь великомъ пространствѣ, какое
«находится между рѣкою Сарою и дорогою, веду-
«щею изъ Базеля въ Везуль, мы можемъ быть при-
«нуждены къ отступленію, ежели не захотимъ сра-
«жаться съ непріателемъ, почти равносильнымъ. Ко-
«нечно, отступленіе бываетъ иногда необходимо, но
«весьма трудно отступать съ двухъ-сотъ тысячною
«арміею, и такое движеніе произведетъ невыгодное
«вліяніе на духъ войска. Затрудненія еще увеличатся

«отъ того, что мы будемъ находиться въ землѣ,
«гдѣ жители не расположены въ нашу пользу. Мы
«должны предупредить сіи неудобства, имѣя къ то-
«му средства. Если арміи будутъ такъ близко, что
«можно соединить ихъ въ два или три марша, то не
«нужно отступать, и, не опасаясь, можно принять
«сраженіе. Въ то время Англійская и Прусская ар-
«міи будутъ дѣйствовать во флангъ и на сообщенія
«непріятелей. Если Наполеонъ, не вступая ни съ
«кѣмъ изъ насъ въ сраженіе, соединить всѣ свои
«силы, не подаваясь впередъ, то и въ такомъ слу-
«чаѣ мы сохранимъ выгоду дѣйствовать со всѣми
«нашими арміями, подобно тому, какъ было подъ
«Лейпцигомъ. При движеніи Австрійской арміи на
«Базель, Я обязанъ буду оставаться при Русской ар-
«міи, потому, что нѣтъ никакой достаточной причи-
«ны находиться Мнѣ предпочтительно при какихъ
«нибудь иностранныхъ войскахъ, а особливо если
«они будутъ на оконечности нашего лѣваго крыла.
«Между тѣмъ полагаю, что чрезвычайно выгодно,
«какъ для дѣлъ вообще, такъ и для приличія, быть
«Монархамъ вмѣстѣ, въ одной главной квартирѣ,
«какъ въ прошломъ году. Въ заключеніе скажу, что
«невозможно оставлять Русскія войска для обло-
«женія Страсбурга: и безъ того назначено имѣ

«блокировать Мецъ, Тюнвиль, Лонгви, Саръ-Луи, Бичъ, «Фальсбургъ, Пститъ-Пиерръ, Лихтембергъ и Марсаль. Мнѣ кажется, справедливость требуетъ поручить Австрійцамъ наблюдение Страсбурга, Шлетштадта, Брейзаха, Гюнингена, Бефора и Безапсона.» (*)

(*) Ayant lu avec attention le plan tracé par le maréchal prince de Schwartzenberg, je suis entièrement d'un même avis sur les idées principales. Je ne diffère d'opinion avec lui, que sur la manière de déboucher en France. Il me semble, que laisser entre l'armée russe, qui doit effectuer son passage du Rhin par Manheim et Mayence, et l'armée autrichienne, qui, d'après ce plan, doit le faire par Basle, une distance considérable, c'est se priver gratuitement de l'avantage énorme de pouvoir réunir les deux armées, dans le cas où l'ennemi se porte en force sur l'une d'elles, ce qui se feroit avec facilité si l'armée autrichienne effectue son passage entre Germersheim et Manheim. De cette manière le point de direction que le maréchal a choisi pour l'armée autrichienne, seroit également atteint et même par une ligne plus droite, et par conséquent plus courte; mais les deux armées conserveroient constamment la possibilité de se réunir et de présenter à l'ennemi une supériorité imposante. Tandis que manoeuvrant sur un éloignement aussi immense que celui entre la Saare et la route de Basle à Vésoul, ou pourroit se trouver

Послѣ отправленія сего опроверженія, Государь поѣхалъ тотчасъ къ Австрійскому Императору, и

forcé à des mouvemens rétrogrades, si on ne vouloit pas risquer de bataille contre un ennemi à forces à peu près égales. Je suis le premier à convenir, qu'il y a des cas, où ces mouvemens rétrogrades sont inévitables et même nécessaires; mais on pourra difficilement me contester, qu'avec des masses de 200,000 hommes ils ne soient très difficiles à exécuter en pratique, influant en même tems d'une manière toujours défavorable sur le moral des troupes. Ces difficultés deviennent encore plus grandes, quand on se trouve dans un pays dont les habitans sont mal disposés, ce qui sera le cas dans les contrées que nous aurons à traverser. Ainsi je conclus, que quand on a les moyens de prévenir des résultats pareils, il y a toujours avantage de le faire; or, ces moyens me semblent être dans nos mains. Conservant les deux armées dans une proximité telle à pouvoir être réunies dans deux ou trois marches, on n'a plus besoin de rétrograder, et on peut, il me semble, sans risquer, accepter le combat. Les armées angloise et prussienne auront toute facilité pendant ce tems de manoeuvrer en flanc et sur les communications de l'ennemi, et si Napoléon jugeoit à propos, sans accepter de bataille partielle, de réunir toutes ses forces en arrière, nous aurions de même l'avantage d'y faire concourir toutes les nôtres, comme

изъявилъ ему сожалѣніе, что имъ уже окончательно утвержденъ планъ Князя Шварценберга. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Императоръ Францъ, «я не утверждалъ «его, а только сказалъ Фельдмаршалу, что предпо-
«ложеніями его доволенъ. Впрочемъ, я не уполномо-
«чивалъ его приводить ихъ въ исполненіе, и во

à Leipzig. Une objection que je dois encore ajouter à toutes les autres, c'est que l'armée autrichienne prenant sa marche par Basle, je me trouverai personnellement dans l'obligation de rester avec l'armée russe, puisqu'il n'y auroit aucune raison valable de me porter par préférence à une armée étrangère, et surtout quand elle se trouvera à l'extrême gauche de notre ligne. Je crois cependant qu'il y auroit un avantage immense, soit pour l'ensemble des résolutions, soit pour l'effet moral qui en résulte, que les souverains restassent comme par le passé, constamment réunis dans des quartiers généraux aussi rapprochés que possible. Il ne me reste plus qu'à faire l'observation, que charger l'armée russe du blocus de Strasbourg, ne me paroît plus possible, puisqu'elle a déjà naturellement ceux de Metz, Thionville, Longwy, Saar-Louis, Bitche, Phalsbourg, Petite-Pierre, Lichtenberg et Marsale à faire. Il me semble plus équitable d'en charger l'armée autrichienne. Elle auroit par là Strasbourg, Schelestadt, Brisac, Huingue, BÉfort et Besançon à observer.

«всякомъ случаѣ останусь съ Вами и въ главной
«квартирѣ Вашего Величества.»

Желая окончить разногласіе, собрали, 29-го Мая, военный совѣтъ. Съ нашей стороны присутствовали: Князь Волконскій и Генералъ Толь, съ Австрійской, Князь Шварценбергъ, Графъ Радецкій и Лангенау, съ Прусской, Генералъ Кнезебекъ, съ Баварской Фельдмаршалъ Князь Вреде. Послѣ долгихъ преній, опредѣлили слѣдующее: 1), Русской арміи идти на Триеръ, черезъ горы Гундсрюкенъ, не занимая Кейзерслаутерна, быть въ готовности подкрѣпить армію Блюхера, направиться на Сепъ-Дизье, и тѣмъ облегчать свое соединеніе съ Австрійцами, которые, перейдя Рейнъ въ Базель, пойдутъ черезъ Бефоръ на Лангръ и Шомонъ, для сближенія съ Русскими. 2), Баварцамъ не начинать наступательныхъ движеній до прибытія Русскихъ войскъ, назначенныхъ для блокады крѣпостей на лѣвомъ берегу Рейна. 3), Австрійцамъ, въ числѣ 41,000, обложить Безансонъ, Оксонъ, Шлетштадъ, Бефоръ, Гюнингенъ, Брейзахъ, Форъ-Жу, Салинсъ и л'Экюзъ. Изъ числа сихъ войскъ, 18,000 войдутъ въ составъ Майнцакаго гарнизона и блокадныхъ корпусовъ около Страсбурга и Лаандау. 4), 35,000-мъ Русскимъ обложить Мецъ, Тюнвилъ, Саръ-Луи, Бичъ и Фальцбургъ, а 11,000-мъ

изъ нихъ поступить въ блокадные корпуса около Страсбурга и Ладау. Луксембургскому гарнизону подкрѣплять войска, опредѣленныя для блокады Меца и Тіонвиля, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда востребуется.

Назначая такимъ образомъ всю находившуюся въ Царствѣ Польскомъ Свою армію въ первую линію, Государь приказалъ для составленія резерва: 1), Корпусу Графа Витгенштейна, расположенному на Курляндской и Литовской границахъ и въ Царствѣ Польскомъ, выступить оттуда двумя колоннами, одною идти на Триеръ, а другой расположиться около Бамберга; и 2), Графу Милорадовичу выступить съ гвардіею изъ С. Петербурга въ Ковно. Въ тотъ самый день, когда утвердили всѣ сіи предположенія, Государь послалъ Генерала Толя къ Веллингтону и Блюхеру извѣстить ихъ о намѣреніяхъ нашихъ, и вручилъ ему къ Веллингтону собственноручное письмо слѣдующаго содержанія: «Посылаю къ вамъ «Генерала Толя увѣдомить васъ о пріѣздѣ Моемъ въ «главную квартиру, и увѣрить васъ Моимъ именемъ, «сколь лестно Русской арміи и Мнѣ лично, сражаться «вмѣстѣ съ вами. Мы потщимся заслужить ваше «уваженіе и довѣріе. Я поручилъ ему извѣстить васъ «о плацѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ нами въ

«Гейдельбергъ, и различествуящемъ въ нѣкоторыхъ «статьяхъ съ тѣмъ, на который мы согласились въ «Вѣнѣ. Скажите намъ откровенно ваше мнѣніе. До- «вѣренность Моя къ дарованіямъ и свѣдѣніямъ ва- «шимъ неограниченна.» (*)

Предположенія наши оказались мечтательными. 8-го Іюня Генералъ Толь, возвратясь въ Гейдельбергъ, увѣдомилъ о начатіи Наполеономъ дѣйствіи противъ Блюхера и о пораженіи Пруссаковъ при Ливни. Хотя успѣхи Наполеона не были значительны, потому что ему не удалось отрѣзать Блюхера

(*) Ayant joint le quartier-général depuis peu de jours, Monsieur le Maréchal, j'expédie auprès de vous le général Toll, pour vous faire part et vous exprimer en mon nom, combien l'armée russe et moi nous nous trouvons flattés de vous avoir pour compagnon d'armes. Combat- tant à vos côtés, nous tâcherous de justifier votre esti- me et votre confiance. Eu même temps j'ai chargé le général Toll de vous rendre compte des différentes déterminations qui ont été arrêtées dans le comité mili- taire à Heidelberg, et qui diffèrent en partié de ce qui avait été décidé à Vienne. Veuillez nous dire franchement votre sentiment; ma croyance en vos lumières et vos talens est entière. Recevez, Maréchal, l'assurance de tout l'at tachment et de la haute estime que je vous ai voués.

отъ арміи Веллингтона, однакожь послѣдствія могли быть важны въ политическомъ отношеніи. Общее мнѣніе, до той поры разногласное о предпріятіи Наполеона, могло вновь обратиться въ его пользу, тѣмъ болѣе, что начало похода было ознаменовано съ его стороны мастерскими движеніями, особенно искуснымъ переходомъ черезъ Самбру, при Шарлеруа. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ, и рѣшили отменить прежде принятое намѣреніе идти Русскимъ войскамъ на Тріеръ; вмѣсто того, назначили двумъ арміямъ, Русской и Австрійской, сосредоточиться на пространствѣ между Майнцемъ и Базелемъ, и слѣдовать къ Нанси, куда предположено достигнуть 29-го Іюня. Баварцамъ поручили прикрывать наше правое крыло, а Графу Ланжерону, командовавшему шестымъ корпусомъ, обложить Страсбургъ и Ландау. На случай отступленія армій, приказано было построить на Рейнѣ три мостовыя укрѣпленія. Резервамъ вѣрно ускорить маршъ.

Едва разослали приказанія для приведенія въ исполненіе сихъ мѣръ, какъ внезапно видъ дѣлъ перемѣнился. Я проходилъ по корридору дома, занимаемаго Государемъ; вдругъ Его Величество, поспѣшно вышедъ изъ Своихъ комнатъ, обнялъ меня и объявилъ мнѣ о побѣдѣ при Ватерло. Разказавъ

нѣкоторыя подробности объ ней, Онъ велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе слѣзши къ Князю Шварценбергу, и увѣдомить его о пораженіи Наполеона. Вслѣдъ за тѣмъ, Государь поѣхалъ съ радостною вѣстью къ Императору Францу, и оба Монарха тотчасъ приказали нашей и Австрійской арміямъ переправиться черезъ Рейнъ и двинуться на Парижъ; желая имѣть ихъ сколь можно ближе одну отъ другой, Русскимъ войскамъ, перейдя Рейнъ, назначили сдѣлать нѣсколько маршей влѣво, вверхъ по рѣкѣ, оставляя вправо прямую Парижскую дорогу. Нашей арміи предписано было слѣдовать по Франціи въ трехъ колоннахъ: первая находилась подъ начальствомъ Дохтурова, средняя Сакена, а лѣвая Раевскаго; Союзные Монархи избрали свое пребываніе при третьей колоннѣ. Баварцы составляли авангардъ Русской арміи, а Виртембергскій Наслѣдный Принцъ прикрывалъ наше правое крыло, со стороны Страсбурга. На другой день послѣ извѣстія о побѣдѣ при Ватерло, Государь перѣхалъ изъ Гейдельберга въ Мангеймъ, желая лично ускорять переправу черезъ Рейнъ, и поспѣшише ввести войска во Францію.

Къ достопамяностямъ пребыванія нашего въ Гейдельбергъ, принадлежитъ также пріѣздъ туда Великихъ Князей НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и

Михайла Павловича. Бывшій при воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Генераль Ламздорфъ, проводя Ихъ до Гейдельберга, возвратился въ Россію; мѣсто его занялъ Коновницынъ, облеченный такимъ образомъ честью руководствовать на военномъ поприщѣ Братевъ Александра. Достойная награда тому, кто въ великомъ дѣлѣ спасенія Россіи, былъ правою рукою Кутузова, и тѣмъ снискалъ себѣ безсмертное имя! Въ одно время съ Ихъ Высочествами, прибыла въ Гейдельбергъ Великая Княгиня Екатерина Павловна, тогда путешествовавшая по Европѣ. Ссылаясь на всѣхъ, кто былъ ей представленъ, спрашиваю: встрѣчали ль они особу, въ равной мѣрѣ съ покойною Королевою Виртембергскою, соединявшую съ красотою тѣлесною, очаровательность въ обращеніи и разумъ, обогащенный самими обширными свѣдѣніями? Она принадлежала къ весьма немногому числу тѣхъ особъ, которыя, будучи вознесены саномъ и рожденіемъ надъ прочими смертными, пренебрегаютъ разговорами о мелочныхъ и всеневныхъ предметахъ, и охотнѣе склоняютъ рѣчь къ предметамъ возвышеннымъ. Подобно истиннымъ Государственнымъ людямъ, увѣреннымъ въ силѣ и основательности своихъ сужденій, она даже любила, чтобы тѣ, кто имѣлъ честь съ нею бесѣдовать, дѣлами

ей возраженія и предлагали собственныя мысли. «Всего болѣе сожалѣю въ моеї жизни, что я не «была мужчиною въ 1812-мъ году,» сказала она мнѣ однажды. Изящество сихъ словъ можетъ постигнуть только Русское сердце!

ГЛАВА IX.

Мангеймъ.—Письмо Государя къ Графу Барклаю де-Толли.—Парижскія новости.—Депутаты Временнаго Правительства.—Замѣчания о походѣ.—Анекдотъ изъ Турецкой войны.—Переходъ чрезъ Вогезскія горы.—Партизаны.—Напсы.—Взятіе Парижа.

Мирный и пустынный Мангеймъ наполнился Русскими; на улицахъ только и видны были безчисленные ряды нашихъ войскъ, артиллеріи и обозовъ, тянувшихся за Рейнъ. Однакожь все возвышало, что война не могла быть продолжительна: извѣстія, получаемыя ежечасно изъ Франціи, свидѣтельствовали о быстрыхъ успѣхахъ Веллингтона и Блюхера; безостановочно преслѣдуя непріятеля, они приближались къ самому Парижу. Вскорѣ мы узнали и объ отреченіи Наполеона отъ престола, а безъ него Французы не были въ состояніи воевать съ нами. Нѣсколько

разъ носились слухи объ его смерти, и будто въ неприятельской арміи отдано въ приказъ: «Le grand homme a passé!» Начальники Французскихъ передовыхъ войскъ неоднократно предлагали заключить перемиріе. Одинъ изъ нашихъ генераловъ согласился на желаніе ихъ, полагаясь на увѣренія Французовъ, что съ низверженіемъ Наполеона прекратятся военныя дѣйствія. Государь былъ недоволенъ его поступкомъ, приказалъ подтвердить всѣмъ генераламъ запрещеніе вступать въ переговоры съ неприятелемъ, и писалъ Фельдмаршалу Барклаю де-Толли собственноручное письмо, слѣдующаго содержанія: «Извѣстіе «объ отреченіи Наполеона справедливо, и Генераль «Раппъ сообщилъ намъ его формально. Но сіе про- «исшествіе не должно ни мало насъ останавливать, «и мы единогласно рѣшили продолжать военныя на- «ши дѣйствія по прежнему. Намъ необходимо имѣть «въ своихъ рукахъ Наполеона, выдачи коего настоя- «тельно требуемъ. Мы не можемъ равномерно терять «военныхъ выгодъ, досель пріобрѣтенныхъ. И такъ, «съ помощію Божіею, идемъ впередъ довершить бла- «гое дѣло! Если крѣпости будутъ входить въ пере- «говоры съ нами, дабы почитать ихъ принадлежа- «щими Королю Французскому, то подобныхъ сноше- «ній не отклонять, а Мнѣ немедленно доносить. Съ

«благословеніемъ Всевышняго, съ пособіемъ такихъ полководцевъ, какъ вы, и съ храбростію неопытныхъ нашихъ войскъ, надѣюсь привести къ желаемому концу новую войну и достигъ до благодѣтельнаго для цѣлой Европы мира.»

15-го Іюня мы переправились на лѣвый берегъ Рейна, и шли прекраснѣйшими мѣстоположеніями черезъ Шпейеръ и Рейнсабернъ въ Гагенау. Парижскія новости составляли предметъ общихъ разговоровъ. Всѣ жадно читали Французскія вѣдомости, заключавшія въ себѣ изображеніе борьбы различныхъ партій, господствовавшихъ во Франціи. Никогда членамъ Палаты и журналистамъ не представлялось обильнѣйшаго поля для преній. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описывали тѣ минуты, когда полководецъ, одаренный чрезвычайными воинскими способностями, принужденъ былъ, подобно Аннибалу послѣ Замы, искать спасенія въ бѣгствѣ; когда соотечественники ихъ, долго привыкшіе къ побѣднымъ слухамъ, видѣли арміи свои сокрушенными; когда многочисленныя ополченія народовъ подступали къ столицѣ ихъ, словомъ, тѣ минуты, когда отечество ихъ гибло. Одни оплакивали народную честь и славу, потерянную безвозвратно, другіе питались упованіемъ счастливаго переворота, но всѣ

думали найти обезпеченіе своей независимости въ политическихъ формахъ. Странно, что почти никто не обращалъ вниманія на власть диктаторскую: она одна спасала Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція. Духъ журналистовъ и членовъ народнаго собранія упадалъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ какъ они узнавали о повсемѣстномъ отступленіи ихъ армій, и объ увеличивавшихся успѣхахъ Союзниковъ. Видно было, что не взирая на все краснорѣчіе, прикрывавшее ихъ лжеумствованія, пробуждался въ нихъ по временамъ гласъ совѣсти, упрекая ихъ въ измѣнѣ законному Монарху, и что они тщетно старались заглушать его преніями объ отвлеченныхъ политическихъ понятіяхъ.

По прибытіи въ Гагенау, мы извѣстились объ учрежденіи въ Парижѣ Временнаго Правительства, и объ отправленіи имъ чиновниковъ въ нашу главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу Графа Шувалова, съ порученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить Графу предложенія своего правительства и ожидать отвѣта въ Реймсѣ. Графъ Шуваловъ съ ними разѣхался, и депутаты прибыли въ главную квартиру. Ихъ было шестеро:

Лафаетъ, Себастиани, Лафоре, Понтекулаиъ, Аржансонъ и Бенжаменъ-Констапъ. Они привезли письма союзнымъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры, имѣвшіе цѣлью защищать права сына Наполеонова и независимость Франціи. Они также имѣли приказаніе сколько можно противиться возвращенію на престолъ Бурбоновъ, и въ случаѣ, если Союзные Монархи отринутъ права Наполеонова сына, предложить корону Франціи Саксонскому Королю или Герцогу Орлеанскому. Государь велѣлъ Статсъ-Секретарю Графу Каподистрія, къ которому возымѣлъ особенное довѣріе со времени Конгресса, объясниться съ депутатами, и сказать имъ, чтобъ они ѣхали въ Лаутербургъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Гагенау, куда имъ общано было прислать отвѣтъ. Между тѣмъ Лафаетъ пришелъ къ Начальнику Штаба Государева, Князю Волконскому, но не былъ имъ принятъ. Когда онъ вошелъ въ переднюю комнату Князя, адъютантъ спросилъ его, кто онъ? «Не бывъ Коронованною Главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ,» отвѣчалъ Лафаетъ. Графъ Каподистрія пробылъ у Депутатовъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ полночь, сказалъ мнѣ: «Они говорятъ, что Палаты признали Императоромъ сына Наполеонова, но изъ

«словъ ихъ видно, что это одна личина. Себастіани «объясняется лучше и умнѣе, нежели прочіе; Бен-«жамень—Констанъ слишкомъ горячится.»

Въ Гагенау получено было также извѣстіе, что Наслѣдный Принцъ Виртембергскій разбилъ Французскаго Генерала Раппа, и принудилъ его отступить къ стѣнамъ Страсбурга. Черезъ часъ потомъ, Государь отправилъ къ Принцу тридцать орденовъ, для награжденія отличившихся. Въ то же время составили особый корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Гогенцоллерна, для обложенія Страсбурга, а Принцу Виртембергскому велѣно примкнуть съ войсками къ нашему лѣвому крылу. Обезпеченные такимъ образомъ со стороны Страсбурга, мы не пошли на Кенигфельдъ и Муцигъ, какъ полагали прежде, а прямо на Савернъ, чѣмъ сократили двумя переходами путь къ Нанси. Къ нашей лѣвой колоннѣ присоединились вторая и третья гренадерскія дивизіи, Прусская гвардія и гренадеры. Король Прусскій подчинилъ ихъ Графу Барклаю. По сему поводу Государь велѣлъ Барклаю изъяснить письмомъ Королю благодарность за сдѣланную ему честь, порученіемъ подъ его начальство своихъ отборныхъ войскъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ Вогезскимъ горамъ, зной становился нестерпимъ; армія дѣлала большіе,

Суворовскіе переходы, не имѣя почти дневокъ. Войска не знали усталости. Вообще походъ не могъ быть для насъ благопріятнѣе; ежедневно получали мы извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ. На Югъ, Австрійцы тѣснили Лекурба, Англичане и Пруссаки находились близъ Парижа. Въ нашей главной квартирѣ почти не являлось никакихъ признаковъ, что тогда была война. Обыкновенно выступали мы въ походъ очень рано, и шли прекрасною дорогою; всѣ были довольны и веселы. По вечерамъ гремѣла музыка, и мы гуляли по окрестностямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливались для ночлеговъ. Всѣ заботы, все бремя похода лежали на одномъ Императорѣ Александрѣ. Въ полномъ смыслѣ слова, Онъ предводительствовалъ арміею. Нося званіе Главнокомандующаго, Барклай де-Толли только объявлялъ Его повелѣнія. Донесенія привозились прямо къ Государю; приказанія о движеніи войскъ и о направленіи колоннъ, отдавались равномерно Его Величествомъ; всѣ бумаги, заключавшія въ себѣ нѣкоторую важность, писаны были собственноручно Императоромъ. Однажды былъ я позванъ въ кабинетъ Его, и увидѣлъ, что Онъ, съ циркулемъ въ рукѣ, Самъ повѣрялъ на картѣ таблицы переходовъ.

Слѣдованіе нашихъ войскъ по непріятельской землѣ никогда не бывало устроено съ большимъ порядкомъ, какъ въ походъ 1815-го года. Доказательствомъ служить то, что не было подано ни одной жалобы со стороны жителей. Правда, наши опасались имѣть какой либо споръ съ Французами, потому что начальство наше, при разбирательствѣ, обыкновенно оправдывало обывателей. Хотя такая мѣра не вѣсьмъ казалась справедливою, однакожь, думаю, нельзя довольно шадить жителей въ непріятельской землѣ, и заставлятъ ихъ забывать несчастіе видѣть чужеземныя войска въ отечествѣ ихъ. За то Французы были въ восхищеніи отъ Русскихъ. Меръ или городничій одного города сказывалъ мнѣ, что обыватели окружныхъ селеній просили его изъ милости помѣщать къ нимъ постоемъ Русскихъ, предпочтительно передъ другими союзными войсками.

Въ нашъ дивный вѣкъ, арміи всѣхъ Державъ, въ видѣ непріятелей или союзниковъ, бывали по нѣсколькѣ разъ въ чужихъ земляхъ, но никакія войска не оставили послѣ себя памяти такой примѣрной подчиненности, какъ Русскія. Въ походахъ, совершенныхъ подъ предводительствомъ Александра, только на поляхъ сраженія падали жертвы; мирные и невооруженные обыватели находили защиту и

особенное покровительство—предметъ безпрерывныхъ, личныхъ заботъ Государя. Даже по кончинѣ Его, полководцы, образовавшіеся въ Его царствованіе, слѣдовали неотступно Его великодушнымъ правиламъ, стяжавшимъ любовь и привязанность къ оружію нашему во всѣхъ покоренныхъ странахъ, не исключая и самыхъ недросвѣщенныхъ. Въ 1829-мъ году, я возвращался съ Фельдмаршаломъ Графомъ Дибичемъ изъ Адрианополя въ Бургасъ, и когда мы проезжали по кремнистому хребту Странджи, насъ застигла ужасная метель; лошади дрожали, и отъ порывистаго вѣтра останавливались; снѣгъ крутился въ воздухѣ, и помрачалъ свѣтъ. Достигнувъ деревни Буюкъ—Баялыкъ, мы сошли съ лошадей и остановились переждать бурю въ избѣ Болгара. Хозяева сидѣли за сытнымъ обѣдомъ; по стѣнамъ была разставлена посуда и разная домашняя утварь. Фельдмаршалъ, чрезвычайно обрадованный такимъ зрѣлищемъ, которое служило явнымъ доказательствомъ, что наши войска ни до чего не коснулись, не смотря на то, что селеніе Буюкъ—Баялыкъ стоитъ на большой дорогѣ, гдѣ проходила вся армія, началъ съ свойственнымъ ему жаромъ говорить объ образцовомъ поведеніи солдатъ нашихъ съ жителями Турецкой Имперіи въ походѣ 1829-го года, и въ

заключеніе сказалъ мнѣ: «Впрочемъ, мы только слѣдовали примѣру Александра!»

21-го Іюня утромъ мы вступили въ Вогезскія горы, обходя тропинками лежавшую на дорогѣ нашей крѣпость Фальцбургъ; на стѣнахъ ея еще развѣвалось трехцвѣтное знамя Наполеона. Маршъ былъ трудный по высокимъ и крутымъ горамъ, покрытымъ лѣсами; многочисленныя Австрійскія обозы останавливали войска на каждомъ шагу. Не говоря о полковыхъ тяжестяхъ ихъ, у одного Императора Франца было 175 экипажей, а весь обозъ нашего Государя состоялъ изъ 34-хъ экипажей. Государь посылалъ Графа Ожаровскаго требовать сдачи Фальцбурга; отвѣтомъ былъ отказъ. Коменданты Французскихъ крѣпостей большею частію мужественно защищали ввѣренныя имъ твердыни. Образованные въ побѣдоносныхъ станахъ, они не могли привыкнуть къ мысли почитать себя за побѣжденныхъ. За то, жители Франціи столько пострадали отъ безпрестанныхъ переворотовъ, что предались совершенному равнодушію. Я видѣлъ Нѣмцевъ во время ихъ униженія, когда тяготѣло надъ Германіею ярмо Наполеона. Духъ такъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у Французовъ, которые даже неохотно говорили о политическихъ происшествіяхъ и отказывались

отъ чтенія вѣдомостей. Можно было сказать, что Франція заключалася въ Парижъ; жители департаментовъ ожидали, кого изъ столицы прикажутъ провозгласить: республику, Бурбоновъ, или Имперію? Одно только возбуждало ихъ любопытство: желаніе видѣть Государя. Лѣстницы, сѣни и переднія комнаты домовъ, гдѣ Онъ останавливался, бывали наполнены съ утра до вечера народомъ, по нѣскольکو часовъ ожидавшимъ минуты, жаждающая взглянуть на Него. Не такъ бывало въ домахъ, гдѣ жилаи прочіе союзные Монархи! Воспоминаніе о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Государемъ Парижу и Франціи въ прошедшемъ году, сильно запечатлѣлось въ сердцахъ Французовъ. Въ Немъ видѣли они великодушнаго побѣдоносца, защитника своего и благодѣтеля.

Когда мы миновали Вогезскія горы, образовались Французскіе партизаны, и кинулись въ лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги, которою мы проходили. Одинъ изъ моихъ товарищей былъ посланъ изъ нашей главной квартиры въ Нанси, въ сопровожденіи 8-ми казаковъ. На него напали партизаны, ранили его и двухъ казаковъ. Происшествіе сіе случилось наканунѣ дня, когда Государь хотѣлъ ѣхать въ Нанси, имѣя въ конвоѣ только 12-ть лейбъ-казачковъ, а колоннѣ Раевского велѣлъ выступить впередъ,

ночью, въ избежаніе дневнаго зноя. Слѣдственно, еслибы не ранили нашего офицера, то на слѣдующее утро партизаны имѣли возможность напасть на слабую конвою Государя. Потому велѣно занять пѣхотою опушку лѣса на дорогѣ, и Государь выступилъ въ походъ съ колонною Раевского. Здѣсь нельзя не замѣтить большой разницы между Французскими партизанами и Русскими Отечественнѣй Войны. Наши находили живѣйшее содѣйствіе въ жителяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они показывались, а Французы напротивъ того порицали своихъ партизановъ, и доносили на нихъ, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ Меръ города Бламона извѣстилъ насъ письмомъ, что разбойничьи шайки партизановъ намѣрены были посягнуть на жизнь Государя.

Іюня 23-го мы пришли въ Нанси, прекрасный городъ, съ большими площадями, широкими улицами, прекрасными садами и аллеями. Наканунъ нашего вступленія происходили въ Нанси бунты отъ разномыслія касательно будущаго жребія Франціи. Городовое начальство съ трудомъ удержало кровопролитіе между Бонапартистами и приверженцами Бурбоновъ. Французскіе партизаны приходили въ Нанси изъ лѣсовъ, и жандармы изъ близлежащихъ

крѣпостей; тѣ и другіе возбуждали народъ къ сопротивленію Союзнымъ войскамъ, увѣряя въ скоромъ приближеніи Наполеона съ сильною арміею. Черныя толпы бѣгала по улицамъ, грозила ограбить дома преданныхъ Королевской партіи, и, собравшись передъ окнами тяжело раненаго Ротмистра Бервица, бывшаго некогда адъютантомъ Князя Багратиона, вопила: «Смерть Русскому! Дайте намъ крови Русской!» Для отвращенія подобныхъ явленій, Государь приказалъ отобрать оружіе отъ жителей. Они сами приносили его на мѣста, назначенныя для складки; отдавая награду, одинъ Французъ поцѣловалъ ее со слезами. По занятіи нашими войсками Нанси, выставили на ратушѣ бѣлое знамя Бурбоновъ, и множество людей съ знаками ордена Лиліи явились на улицахъ и площадяхъ. Въ Нанси я познакомился съ одною Русскою, замужемъ за Французомъ, находившимся во время революціи въ Россіи. Легко въобразить радость ея, увидя въ новомъ ея отечествѣ прежнихъ земляковъ своихъ и объясняться съ ними на природномъ языкѣ. Принимая во время войны живѣйшее участіе въ нашихъ раненыхъ и пленныхъ, она навлекла на себя гоненіе Французскаго правительства; но отвѣчала на дѣланныя ей непріятности, особенно во время правленія

Наполеонова, съ такимъ презрѣніемъ, какого отъ Русской ожидать должно было къ столь безздравственнымъ и необразованнымъ людямъ, какъ чиновники прежняго повелителя Франціи.

Проведя сутки въ Нанси, мы выступили оттуда впередъ, по Парижской дорогѣ. Не доѣзжая городка Ваа (Void), появились Французскіе партизаны изъ лѣса, подавали съ возвышеній сигналы другъ другу, и ранили одного изъ нашихъ гусаровъ. Государь поѣхалъ съ Австрійскимъ Императоромъ на ту гору, откуда раздался выстрѣлъ, при чемъ Великой Князь Михаилъ Павловичъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «Въ первый разъ въ свѣтъ разбойники нападаютъ на двухъ Императоровъ!» Переночевавъ въ Ваа, отправились мы на другой день въ Линьи, а оттуда въ Сентъ-Дизье. Французскіе партизаны шли на одной высотѣ съ нами, пробираясь лѣсами. Они не причинили войскамъ нашимъ почти никакого вреда, но появленіемъ своимъ доставляли нѣкоторую разсѣянность въ нашемъ единообразномъ походѣ, совершенномъ подобіи военной прогулкѣ. Издали глядѣли мы на ихъ сигналы, и тѣшились ими, какъ вдругъ вниманіе наше обратилось совсѣмъ въ другую сторону, на предметъ важности чрезвычайной. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Сентъ-

Дизье встрѣтили мы скакавшаго во всю прыть лошадей курьера. Онъ вручилъ Государю донесеніе Чернышева, извѣщавшаго о вступленіи своемъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ Англійскими и Прусскими войсками. Помышленія всѣхъ устремились на Парижъ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ мы проводили незабвенное время въ упоеніи торжества побѣды и среди неисчерпаемыхъ наслажденій.

ГЛАВА X.

Состояніе Франціи.—Донесеніе Чернышева.—Отъездъ Государя
Изъ Сепъ-Дизье въ Парижъ.

Франція находилась тогда въ безначаліи. Разсыянныя войска ея исполнены были духомъ Преторіанскихъ легионовъ или Янычаровъ, располагавшихъ престоломъ по своему произволу. Народъ ругался надъ мѣстными начальствами. Въ разныхъ городахъ обнаруживалась междоусобная война. Палаты представителей, непризнаваемыя законными отъ Союзныхъ Монарховъ, были раздѣлены во мнѣніяхъ, кому царствовать во Франціи. Парижъ волновался, и безопасность его была угрожаема шайками такъ называвшихся Конфедаторовъ, состоявшихъ изъ праздношатающихся, фабричныхъ и буйной сволочи; изрыгалъ страшныя угрозы, они являлись готовыми на всякія

неистовства. На національную гвардію нельзя было полагаться: клятвопреступная, въ теченіе полутора года она присягала тремъ правительствамъ, совершенно различнымъ одно отъ другаго. По симъ причинамъ, положеніе Веллингтона и Блюхера было весьма затруднительно, тѣмъ болѣе, что они не знали въ чемъ будутъ заключаться дальнѣйшія намѣренія Союзныхъ Государей касательно жребія Франціи, Бурбоновъ и Наполеона. Сверхъ того, оба Полководца были различнаго мнѣнія о политическихъ дѣлахъ. Веллингтонъ желалъ скораго возвращенія Лудовика XVIII-го въ Парижъ, рассчитывая, что присутствіе его прекратитъ колебаніе умовъ, обуздаетъ страсти и положитъ конецъ безначалію. Напротивъ, Блюхеръ смотрѣлъ на Французовъ, какъ на закоренѣлыхъ враговъ, радовался случаю унижить ихъ, отмстить имъ за несчастія, претерпѣнныя отъ нихъ Пруссіею, и потому не желалъ скораго прибытія Бурбоновъ. Появленіе Лудовика XVIII-го въ столицъ должно было прекратить войну, и положить предѣлы требованіямъ, которыя Блюхеръ почиталъ справедливымъ, законнымъ возмездіемъ за бѣдствія, понесенныя Пруссіею со времени Тильзитскаго мира. Онъ обложилъ Парижъ данью во 100 милліоновъ и хотѣлъ взорвать Іенскіи мостъ. Находившійся въ Парижѣ

Прусскій Посланникъ Графъ Гольцъ просилъ Блюхера отъ имени Талейрана отбѣпить приказаніе. Блюхеръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, свидѣтельнымъ ненавистнымъ чувствованіямъ его и презрѣніемъ къ Французамъ: «Я приказалъ взорвать Іенскій мостъ, «и не могу скрыть отъ васъ, что мнѣ весьма пріятно «будетъ, если Господинъ Талейранъ сядетъ на него «передъ взрывомъ, о чемъ прошу извѣстить его.» (*)

Къ счастью, случился въ то время въ Парижѣ Генералъ Чернышевъ. Вскорѣ по переходъ нашемъ черезъ Рейнъ, Государь послалъ его съ летучимъ отрядомъ для поисковъ на путь сообщенія непріятелей и извѣщенія о движеніяхъ Наполеона. Быстро и съ свойственною ему предпримчивостію исполнилъ онъ данное ему порученіе, проникнулъ далеко во Францію, очистилъ все пространство между Сеною и Марною, и съ одною конницею овладѣлъ Шалономъ, защищеннымъ пѣхотою, при чемъ отбилъ у непріятеля шесть орудій—единственные трофеи Русскихъ войскъ въ походъ 1815-го года. Узнавъ о приближеніи

(*) Ich bin entschlossen, dass die Brücke gesprengt werden soll, und kann Ew. Hochwohlgeboren nicht verhehlen, dass es mir recht lieb seyn würde, wenn Herr Talleyrand sich vorher darauf setzte, welches ich Sie bitte ihm wissen zu lassen.

къ Парижу Англичанъ и Пруссаковъ, Черпышевъ поспѣшилъ присоединиться къ нимъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Парижъ, и донося о томъ Государю, писалъ: «По прибытіи моемъ въ Парижъ, я «тотчасъ отправился въ главную квартиру Пруссаковъ, Сень-Клу, и встрѣтилъ тамъ Генерала Гнейзенау. Онъ говорилъ мнѣ о непріязненномъ расположеніи Парижанъ къ Бурбонамъ, и присовокупилъ, что одинъ Императоръ Александръ можетъ привести дѣла въ ясность, и безъ Вашего Величества никто не осмѣливается ни на что рѣшиться. Герцогъ Веллингтонъ повторилъ слова Генерала Гнейзенау, поручая мнѣ послать къ Вашему Императорскому Величеству курьера, и отъ его имени просить Васъ убѣдительнѣйше прибыть сюда, положить конецъ личному его недоумѣнію и запутанности дѣлъ вообще. Веллингтонъ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ онъ сожалѣлся въ поступкахъ своихъ съ первоначальными видами Союзныхъ Монарховъ, но теперь, по занятіи Парижа, когда Король Французскій уже почти у воротъ столицы, и, не взирая на то, умы Парижанъ въ величайшемъ броженіи, только Ваше Величество въ состояніи разрѣшить Гордіевъ узелъ и принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами.

«Лордъ Кастельре подтвердилъ мнѣ все, сказанное
«Веллингтономъ.» (*)

Государь получилъ донесеніе Чернышева близъ
Сенъ-Дизье, въ 220-ти верстахъ отъ Парижа. Армія

(*) Arrivé à Paris, je me suis de suite rendu à Saint-Cloud, quartier général prussien. J'y trouvois le comte de Gneisenau, qui me parla des dispositions peu favorables des Parisiens pour la cause des Bourbons, ajoutant qu'il n'y a que l'Empereur Alexandre qui puisse débrouiller tout cela; personne n'ose sans lui prendre une détermination quelleconque. Ce langage me fût répété par le duc de Wellington, qui me recommanda spécialement d'expédier un courrier à Votre Majesté Impériale, pour la supplier de la manière la plus pressante de sa part de venir mettre un terme à son embarras à lui, ainsi qu'au vague dans lequel se trouvent en général les affaires: que jusqu'à présent il s'étoit borné à tenir le langage que lui prescrivoient les premières intentions des alliés; mais que maintenant, que l'on étoit maître de Paris, que le roi se trouvoit aux portes de cette capitale, et que malgré cela l'esprit des Parisiens se trouvoit dans la plus grande fermentation, il n'y avoit que Votre Majesté qui pût trancher le noeud gordien et prendre les mesures analogues aux circonstances. Cet avis se trouvoit parfaitement conforme au langage que m'a tenu lord Castlereagh.

не могла пройти такого разстоянія ближе семи или восьми сутокъ, а между тѣмъ каждая минута была драгоценна: всякое промедленіе могло произвести въ Парижъ кровопролитіе. Но какъ ѣхать въ Парижъ изъ Сентъ-Дизье, краемъ, не занятымъ нашими войсками? Не смотря на то, прочитавъ допесеніе Чернышева и оцѣнивая важность приводимыхъ имъ причинъ, Государь уговорилъ Союзныхъ Монарховъ отправиться въ Парижъ, вмѣстѣ съ Нимъ, на почтовыхъ лошадахъ, отдавъ повелѣніе Барклаю де-Толли продолжать съ арміею движеніе къ Шалону. На-скоро послали на всѣ станціи отъ Сентъ-Дизье до Мо по 50-ти казаковъ, назначенныхъ сопровождать Монарховъ. Казаки были поручены начальству Графа Орлова-Денисова. Юня 27-го, Монархи поѣхали изъ Сентъ-Дизье въ Парижъ. Императору Францу сопутствовали Канцлеръ Князь Меттернихъ и Оберъ - Гофмаршалъ Графъ Врбна, Королю Прусскому Канцлеръ Князь Гарденбергъ, а въ свитѣ Государя находились Статсъ-Секретари Графъ Нессельроде и Графъ Каподистрія, и Начальникъ Главнаго Его Штаба Князь Волконскій, при которомъ былъ я.

Мы всѣ помѣстились въ девяти экипажахъ. Положено было не отставать другъ отъ друга и ѣхать вмѣстѣ. Графъ Орловъ-Денисовъ, верхомъ на одной

и той же лошади, слѣдуя за скорою нашею почтовою ѣздою, вмѣстѣ съ нами поспѣлъ въ Шалонъ. Множество народа окружало насъ на всѣхъ станціяхъ. Жители принимали насъ довольно равнодушно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буйными толпами тѣснились вокругъ коляски Государя, и грубымъ, сиповатымъ голосомъ, свойственнымъ Французскимъ крестьянамъ, провозглашали попеременно Генриха IV и Наполеона, Лудовика XVIII и Императрицу Марію-Луизу. Чаше всего раздавались восклицанія: Да здравствуетъ Императоръ Александръ! О другихъ Союзныхъ Монархахъ не упоминалъ никто ни слова. И простой народъ во Франціи зналъ, что отъ Русскаго Царя зависѣла участь его! Не разъ удивлялся я дорогою смѣлости Государя отважиться на опасный путь: сотни двѣ, три, рѣшительныхъ, отчаянныхъ Французовъ, напавъ на Монарховъ, могли перемѣнить участь вселенной. Ввечеру мы объѣзжали почти непроходимую дефилею крѣпость Витри, занятую нѣсколькими тысячами преданнаго Наполеону гарнизона. Она обложена была малымъ числомъ нашихъ драгунъ. Съ крѣпостныхъ стѣнъ Французы ясно могли видѣть наше слѣдованіе. Двѣ колонны вышли изъ города. Я содрогнулся, но колонны скоро возвратились. Государь могъ сказать въ подражаніе

Жесарю: «Чего ты страшишься? ты сопутствуешь Александру!» Въ потьмахъ мы прїѣхали въ Шалонъ, гдѣ остановились для ночлега. Долго улицы кипѣли народомъ; удивленные прїездомъ Монарховъ, жители не постигали, какимъ образомъ Ихъ Величества очутились посреди Шалона, и безъ войскъ.

28-го Юня, рано поутру, мы отправились въ путь по большой дорогѣ, черезъ Эперне, Шатотьерри и Мо. Рѣзвые кони несли насъ по плодородной равнинѣ, орошаемой Марною, и за годъ передъ тѣмъ омытой Русскою кровью. И здѣсь, какъ наканунѣ, видимо было общее изумленіе Французовъ, при неожиданномъ для нихъ появленіи Союзныхъ Монарховъ. Въ Мо простились мы съ казаками, и поѣхали безъ прикрытія. На каждомъ шагу встрѣчали мы Французскихъ солдатъ, возвращавшихся по одиночкѣ въ дома свои. Иные брели безоружными, у другихъ были ружья, но они едва осмѣливались смотреть на нихъ. Всѣ казались грустными, упавшими духомъ. То были остатки арміи, нѣкогда называвшейся Великою; вѣроятно, нѣкоторые изъ солдатъ гнѣздились за два года въ Кремль! Какое неизмѣримое разстояніе отъ настоящаго унижительнаго положенія сихъ разбредшихся вонповъ, до той гордости, какая надмевала

ихъ прежде, когда постоянное счастье мельяло знаменна Наполеона. Сердце мое сильно затрепетало, когда мы проѣхали мимо селенія Бонди. Здѣсь мы провели незабвенную ночь съ 18-го на 19-е Марта 1814-го года, готовясь къ Парижскому сраженію, здѣсь представлены были Императору Александру ключи Парижа, и здѣсь произвесь Онъ окончательный приговоръ надъ Наполеономъ, объявивъ посланному его, Коленкуру, рѣшеніе Свое о низложеніи завоевателя съ престола. Миновавъ Бонди, увидѣли мы все поле Парижскаго сраженія, отъ Сентъ-Дени до Венсена, и Парижъ, готовый принять своихъ избавителей! Неизъяснимыя чувства и мысли волновали меня, когда въ семь часовъ вечера, мы въѣхали въ предмѣстіе Парижа. Уже мы въ воротахъ Сентъ-Мартенъ, на бульваръ, въ улицъ Сентъ-Оноре, среди шумной столицы! Толпы народа бѣгутъ за нами. Парижане не полагали такъ скоро увидѣть Императора Александра. Радость ихъ становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ пріѣздъ Его Величества былъ для нихъ неожиданнѣе. Многіе смотрятъ на Государя и не узнаютъ Его; а потомъ, подобно чловѣку, заключенному въ мрачную темницу, который впервые по освобожденіи видитъ дневное свѣтило, Парижане взываютъ въ восторгъ: «Вотъ Александръ! Вотъ

«нашъ избавитель!» Восклицанія радости сопровождали Государя до дворца Элизе-Бурбоиъ, назначеннаго для Его пребыванія.

Черезъ полчаса прїѣхалъ въ Элизе-Бурбоиъ Король Французскій привѣтствовать Государя съ прїбытїемъ въ Парижъ. Императоръ встрѣтилъ его на крыльцѣ, и оба Монарха провели вмѣстѣ болѣе часа. Когда они вышли изъ комнаты, гдѣ бесѣдовали, на Государя была голубая лента ордена Святаго Духа, возложенная на Него въ семь свиданїи Лудовикомъ XVIII. Обратясь къ намъ, Король сказалъ Государю: «Ваше Величество, объявите этимъ «господамъ, что на Васъ не лента Святаго Андрея «Первозваннаго.» Монархи разстались ласковѣе и дружнѣе, нежели встрѣтились, вѣроятно потому, что Король нашелъ средства извиниться въ непрїязненной политикѣ своей относительно Россїи. Въ теченїе послѣдняго года Лудовикъ XVIII забылъ благодаренїя, оказанныя ему Государемъ. Уполномоченные Франціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ не только возставали неоднократно противъ выгодъ Россїи, но даже въ Январѣ 1815-го года заключили тайно съ Англіею и Австріею оборонительный договоръ, имѣя цѣлю дѣйствовать вопреки видамъ Россїи. Договоръ сдѣлался гласнымъ уже послѣ побѣга Наполеонова

съ острова Эльбы. Еслибы сердце Александра было доступно самолюбію, то какому удовольствію должно оно было предаваться въ семъ свиданіи съ Лудовикомъ XVIII, когда Государь опять являлся истиннымъ покровителемъ его, забывая, что предки Лудовика еще въ недавнія времена, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались брать первенство надъ нашимъ Дворомъ, а Министры его на Конгрессѣ оказывали къ Россіи враждебное расположеніе!

Вскорѣ послѣ отъѣзда Короля, явились присланные изъ Тюльерійскаго дворца метръ-дотели въ нарядныхъ кафтанахъ, съ напудренными головами и орденомъ Лилиі. Они приготовили ужинъ, и устали столъ самыми отборными винами и лакомыми кушаньями. До глубокой ночи народъ волновался передъ Элизе-Бурбоновъ. Съ неимовѣрною быстротою разнеслась по городу вѣсть о прибытіи Государя, и успокоила всѣ сословія жителей касательно безопасности ихъ, потому что всѣ различныя партіи, господствовавшія во Франціи, признавали Его своимъ заступникомъ. Онъ возстановилъ Бурбоновъ, оказывалъ уваженіе фамиліи Герцоговъ Орлеанскихъ, низложилъ Наполеона, но покровительствовалъ семейству его, и полагалъ преграды неумѣреннымъ требованіямъ нѣкоторыхъ изъ Союзниковъ. Въ тотъ же вечеръ

запретилъ Онъ взрывать Иенскій мостъ, къ чему Блюхеръ уже сдѣлалъ всѣ приготовленія. Крестьяне соседнихъ къ Парижу селеній, которые пригнали въ столицу скотъ свой и перевезли туда лучшіе пожитки, изъ опасенія, чтобъ они не достались въ руки побѣдителей, узнавъ о прибытіи Государя, немедленно начали возвращаться въ жилища свои. Конечно, ничто не можетъ сравниться съ торжественнымъ вступленіемъ Императора Александра въ Парижъ, въ прошломъ году, когда, послѣ невѣроятныхъ пожертвованій, усилій и превратностей судьбы, вводилъ Онъ туда побѣдоносную Свою армію, и былъ встрѣченъ ожидавшимъ Его милліономъ жителей, но нынѣшнее прибытіе Его Величества въ столицу Франціи останется не менѣе памятнымъ. Не бывало примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобы Монархъ въѣзжалъ въ столицу непріятельскую, безъ единого воина и съ малымъ только числомъ приближенныхъ особъ, чтобы часъ Его вступленія сдѣлался залогомъ общаго спокойствія, и побѣжденный народъ, говоря о своемъ побѣдитель, воззвалъ: «Нашъ избавитель прибылъ: мы спасены!»

ГЛАВА XI.

ПРИЕМНАЯ КОМПАТА ГОСУДАРЯ. — ГЕНЕРАЛЪ САРРАЗЕНЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ. — СМОТРЫ ВОЙСКЪ. — ЗАМѢЧАНІЯ ГОСУДАРЯ О КОПИИЦѢ. — ВХОДЪ ВЪ ПАРИЖЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ. — ЖЕРАРЪ. — РАМЕЛЬ. — ЛАФАЕГЪ. — СЕГЮРЪ.

На другое утро Элизе-Бурбонъ наполнился множествомъ иностранцевъ, желавшихъ представиться Государю. Тутъ были и республиканцы, какъ на примѣръ Фуше, засѣдавшіе въ кровавомъ судилищѣ Национальнаго Конвента, и поклонники различныхъ властей, попеременно обитавшихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, словомъ, всѣ знаменитости Франціи, болѣе или менѣе извѣстныя по исторіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, когда онѣ пріобрѣли громкое имя, особенно же отличались примѣрнымъ непостоянствомъ своихъ мыслей, правилъ и поступковъ. Къ обильнымъ

происшествіямъ нашей достопамятной эпохи не-
ставало только видѣть такихъ людей въ прие-
мныхъ залахъ Русскаго Монарха, гдѣ они стояли пе-
ремѣшавшись съ Прусскими и Англійскими офицера-
ми. Выйдя изъ Своего кабинета, и окинувъ взоромъ
многочисленное собраніе, Государь подошелъ къ
Фельдмаршалу Блюхеру, и обнялъ его. Въ продол-
женіе послѣднихъ войнъ, маститый вождь при каж-
домъ случаѣ обнаруживалъ особенную привержен-
ность и любовь къ Императору. «Александръ
«мой настоящій судья,» говаривалъ Блюхеръ: «отъ
«Него принимаю радостно и выговоры и награды.»
Генералу Цитену, стоявшему подлѣ меня, Госу-
дарь сказалъ: «Я васъ зналъ капитаномъ въ походѣ
«1807-го года. Тогда мы были въ другихъ обстоя-
«тельствахъ: не стыдно признаваться въ неудачахъ
«тѣмъ, кто умѣлъ воспользоваться уроками.»

По окончаніи аудіенціи, явился ко мнѣ Француз-
скій Генералъ Сарразенъ, извѣстный побѣгомъ въ Ан-
глию, разводомъ съ нѣсколькими женами и разными
военными сочиненіями. Когда онъ объяснилъ дѣло,
побудившее его пріѣхать ко мнѣ, я сказалъ ему, что
я также намѣренъ обратиться къ нему съ дѣломъ.—
«Приказывайте,» отвѣчалъ онъ.—Въ предисловіи со-
чиненія вашего о походѣ въ Испанію, продолжалъ я,

вы назвали Князя Кутузова бѣглецомъ изъ — подъ Аустерлица. Знаете ли, кто былъ спаситель Россіи?—Изложивъ ему вкратцѣ жизнь нашего Камилла, я заставилъ Генерала Сарразена признаться, что онъ не имѣлъ понятія ни о свойствахъ, ни о подвигахъ великаго мужа, и онъ далъ мнѣ слово уничтожить въ слѣдующемъ изданіи неприличное выраженіе.

Въ скоромъ времени Русская армія приблизилась къ Парижу, и расположилась въ недалекомъ отъ него разстояніи. Многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ пріѣзжали въ Парижъ. Почти у всѣхъ были здѣсь прошлогодніе знакомые и связи. Человѣкъ такъ легко привыкаетъ къ самымъ чрезвычайнымъ случаямъ жизни, что тогда казалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ посѣщать вооруженною рукою Парижъ, быть тамъ домашнимъ человѣкомъ во многихъ семействахъ, и входить полнымъ господиномъ въ свои ненаемныя квартиры, гдѣ хозяева и слуги ожидали нашихъ повелѣній и защиты. Поутру собирались въ Элизе-Бурбонъ тѣ же самыя лица, которыя въ Петербургѣ съѣзжались въ Секретарской комнатѣ Зимняго дворца. (*) Для каждаго изъ насъ, какъ

(*) Секретарскою называлась комната, гдѣ при Императорѣ Александрѣ собиравлись ежедневно передъ разводомъ генералы и адъютанты Его Величества.

будто посреди мира, начались обыкновенныя занятія по службѣ, послѣ чего мы наслаждались удовольствіями, на каждомъ шагу представляющимися въ Парижѣ. Между тѣмъ Союзныя Державы вели переговоры. Душею ихъ былъ Государь, подобно тому, какъ въ продолженіе походовъ Онъ былъ душею военныхъ дѣйствій: вся Европейская политика вращалась около Александра. Затрудненія въ переговорахъ происходили отъ того, что надлежало придумать средства лишить Францію возможности вновь поколебать Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ не ослабить ея могущества, необходимаго для политическаго равновѣсія. Рѣшеніе сей задачи требовало тѣмъ большихъ соображеній, что Союзныя Державы находились въ странномъ положеніи: онъ почитали себя въ войнѣ съ Франціею и въ мирѣ съ Королемъ ея.

Часто бывали по утрамъ маневры, производимые, въ присутствіи Монарховъ, Прусскими и Англійскими войсками, занимавшими Парижѣ. Появленіе Англичанъ на твердой землѣ было столь необыкновенно, что они возбуждали общее вниманіе. Еще недавно почитались они неспособными къ сухопутной службѣ, болѣе столѣтія не ознаменовавъ себя ни какимъ отличивымъ дѣйствіемъ, но послѣ подвиговъ своихъ въ Испаніи и Португаліи, подъ предводительствомъ

Веллингтона, они заняли мѣсто на ряду съ лучшими арміями. Непокколебимость, оказанная ими при Ватерло, превыше похвалъ. Видъ Англіійскихъ солдатъ мужественъ. Они одѣты покойно, но не красиво, маневрируютъ съ точностію, хотя одиночная выправка не удовлетворяетъ требованія нашей рекрутской школы. Лошади, збруя и артиллерія въ совершенствѣ. Вопреки принятымъ вообще правиламъ, они производили наступательныя движенія не колоннами, но развернутымъ фронтомъ. Веллингтонъ отдаетъ повелѣнія хладнокровно. Адъютанты его и офицеры штаба, число которыхъ въ сравненіи съ другими арміями весьма ограничено, не суетливы. Въ службы они кажутся къ своему начальнику не совсѣмъ почтительными, обращаются съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ, въ его присутствіи валяются на диванахъ и креслахъ, спорятъ съ нимъ о политическихъ происшествіяхъ, но передъ войсками, во фронтѣ, принимаютъ приказанія его съ возможнымъ уваженіемъ, и развозятъ ихъ неимоверно быстро на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ. Много Англіійскихъ генераловъ и офицеровъ были въ Русскихъ орденахъ, пожалованныхъ имъ Государемъ за Ватерлоское сраженіе.

Вмѣстѣ съ Англичанами учился находившійся подѣ

начальствомъ Веллингтона корпусъ Нидерландскихъ войскъ; они казались въ ремеслѣ своемъ такъ же новы, какъ и самое политическое существованіе Королевства ихъ. Рядомъ съ ними находился обыкновенно отрядъ Брауншвейгцевъ, въ черныхъ мундирахъ и киверахъ, украшенныхъ мертвыми головами, и остепненныхъ черными перьями Флеровая повязка на рукѣ каждого офицера и солдата, умножала мрачный видъ Брауншвейгскихъ войскъ, и означала трауръ по убитомъ при Катръ-Бра Герцогъ ихъ, являвшемъ, во время порабощенія Германіи, доблести достойныя истиннаго рыцаря. Посреди маневрировавшихъ полковъ Веллингтона, множество Англичанокъ бодро ѣздили верхомъ, не страшась пальбы; двѣ блокурыя Англичанки ни на шагъ не отлучались отъ Фельдмаршала. Во время смотровъ, толпы Французовъ равнодушно и съ любопытствомъ, какъ будто лишенные чувствъ народной чести, по нѣскольку часовъ глядѣли на движенія, производимыя ихъ побѣдителями на тѣхъ самыхъ поляхъ, гдѣ еще недавно они видѣли орлы Наполеона, парившіе изъ одной столицы Европы въ другую.

Однажды, возвращаясь шагомъ съ маневровъ, Государь говорилъ о движеніяхъ различныхъ родовъ войскъ. «Мнѣ не нравится нашъ способъ употребленія

«конницы,» сказалъ Онъ. «Мы посылаемъ въ атаку «эскадронъ или два, а много полкъ, и обыкновенно «безъ цѣли. Такими частными атаками, или разстро- «имъ немного непріятеля, который скоро опять при- «ходитъ въ порядокъ, или насъ опрокинуть, и от- «ступивъ, мы снова собираемся. Напротивъ, Я со- «вершенно согласенъ съ Французами. Они сдвига- «ютъ всю свою кавалерію на одну какую нибудь «точку, и не скачутъ на непріятеля во весь опоръ, «какъ мы, но идутъ на рысяхъ, тихо и въ поряд- «къ, и, ударя вдругъ всѣми силами, совершенно «разстроиваютъ линію войскъ непріятельскихъ и ни- «спровергаютъ ихъ намѣренія. Я нѣсколько разъ го- «варивалъ объ этомъ съ Веллингтономъ, и онъ оди- «наковаго со Мною мнѣнія. Онъ сказывалъ, что Ан- «глійская конница, во многихъ отношеніяхъ образ- «цовал, ни въ одномъ сраженіи не производила та- «кого дѣйствія, какъ дурная Французская кавалерія, «состоявшая изъ негодныхъ лошадей и всадниковъ, «которые плохо ѣздили верхомъ.»

Черезъ мѣсяць послѣ вѣзда 'Государя въ Па- рижъ, 29-го Іюля, наши третія гренадерская и вто- рая кирасирская дивизіи входили съ торжествомъ въ столицу Франціи, и въ другой разъ развѣвались тамъ Русскія знамена. При церемоніальномъ маршѣ,

три полка сбилися съ ноги, за что полковыхъ командировъ посадили подъ караулъ. Послѣ смотра Король Прусскій угощалъ обѣденнымъ столомъ офицеровъ полка своего имени, бывшаго Санктпетербургскаго гренадерскаго. За обѣдомъ, начальникъ дивизіи, Ротъ, огорченный неудачнымъ смотромъ, сказалъ Государю: «Жалю, что гренандеры не имѣютъ случая сразиться съ непріателемъ; они доказали бы, что они не недостойны милостей. Вашихъ.» Кроме сихъ двухъ дивизій, никакія другія Русскія войска не входили въ 1815-мъ году въ Парижъ, и тѣмъ Французы были лишены случая изощрять свое остроуміе надъ Калмыками и Башкирами, или, какъ они называли ихъ, сѣверными Амурами. Въ прошломъ году они толпами сбѣгались смотрѣть на нихъ:

Вы помните: кипѣлъ бульваръ въ Парижѣ такъ

Народа праздными толпами,

Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ,

Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами. (')

Въ одно утро мнѣ надобно было ѣхать къ знаменитому живописцу Жерару, и переговорить съ нимъ о портретѣ Государя, который онъ тогда писалъ. Лѣстницы, переднія, галлерей его дома, все обнаруживаетъ

(') Батюшковъ.

жилище художника: вездѣ древнія вазы, статуи, барельефы. Какъ прѣвхавшаго отъ имени Императора, Жераръ принялъ меня съ возможными изъявленіями учтивости. Недавній любимецъ Наполеона, онъ былъ побѣжденъ великодушіемъ Александра, и говорилъ объ Немъ съ восторгомъ. «Принимаясь за портретъ Его,» сказалъ онъ, «я былъ въ недоумѣніи, какими предметами окружить Его изображеніе, потому что Императоръ не одобрилъ моей первоначальной мысли — поставить Его посреди Парижа. Я намѣренъ былъ написать равнины Россіи; потомъ думалъ я замѣнить ихъ богинею Мира, съ ея принадлежностями, торговлею, искусствами, правосудіемъ, но все это казалось мнѣ слишкомъ обыкновеннымъ и недостойнымъ единственнаго мужа, чьи черты надлежало кисти моеѣ передать потомству. Я рѣшился начертать только одного Александра. Вотъ какимъ образомъ онъ выполнилъ свое предположеніе. Императоръ стоитъ въ конномъ генеральскомъ вицъ-мундирѣ; шляпа съ бѣлымъ перомъ лежитъ у ногъ; лѣвая рука на ефесѣ шпаги; вокругъ свирѣпствуетъ буря; внизу густыя, черныя облака, а сквозь нихъ сверкаетъ молнія, освѣщая горизонтъ, гдѣ лице Государя является въ свѣтъ тѣмъ болѣе яркомъ, что свѣтъ находится въ рѣзкой

противоположности съ мракомъ, покрывающимъ нижнюю часть картины. Видъ Монарха и взглядъ Его важны; сходство не разительно, однакожь характеръ Александра выраженъ вполне. Такимъ видѣли мы Его въ тѣ минуты, когда, ведя войска на приступъ Лейпцига, Онъ приказывалъ Генералу Толю отправиться къ Саксонскому Королю и требовать сдачи города, когда, подъ Феръ-Шампенуазомъ, лично атаковалъ карен неприяТЕЛЬСКІЕ, или, на высотахъ Бельвиля объявлялъ посланнымъ Маршала Мармона, что если Парижъ не сдастся, то къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ. «Я не хотѣлъ,» сказалъ Жераръ, «изобразить на устахъ Его улыбку, какъ сдѣлалъ Изабе, изготовляя миниатюрные портреты свои только для перстней или табакерокъ. Мое намѣреніе было представить героя, повелителя вселенной, рѣшителя судебъ ея.»

Жераръ повелъ меня по мастерской и сказалъ: «Вотъ Велисарій; я обязанъ ему извѣстностью; а эта картина познакомила меня съ Наполеономъ. Она представляетъ то мгновеніе Аустерлицкаго сраженія, когда Генералъ Раппъ доноситъ Наполеону объ одержанной побѣдѣ. Во время своего владычества, Наполеонъ давалъ мнѣ очель много порученій, и я былъ бы неблагодаренъ, еслибы не признался,

«сколь много я обязанъ ему и его семейству. Часто «говаривалъ я съ нимъ о живописи, и нѣсколько разъ «писалъ его портреты; онъ не могъ терпѣть, когда «ему смотрѣли въ глаза.» Въ мастерской Жерара были портреты Короля Прусскаго, Наслѣднаго Шведскаго Припца, Веллингтона, Князя Шварценберга и другихъ знаменитыхъ особъ. Почему Французы, издающіе въ свѣтъ посредствомъ гравировки и литографіи произведенія своихъ художниковъ, не напечатываютъ такимъ образомъ портретовъ, писанныхъ Жераромъ съ Союзныхъ Монарховъ и генераловъ во время двукратнаго занятія нами Парижа? Неужели надѣются они сокрыть отъ потомства космополитизмъ первостепеннаго ихъ живописца, трудившагося надъ изображеніемъ побѣдителей ихъ отечества?

Кстати упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ извѣстныхъ людяхъ, съ коими я имѣлъ случай познакомиться: Рамель, Дюсисъ, Лафаетъ и Графъ Сегюръ.

Рамель былъ три года Министромъ Финансовъ при Народномъ Конвентѣ и Директоріи, въ самое неистовое время революціи, когда ассигнаціи совершенно потеряли свое достоинство и наличныя деньги только что начали показываться въ обращеніи. Онъ оживилъ государственный кредитъ, потрясенный насильственными мѣрами Якобинцевъ, и, что не менѣе

важно, оставилъ свѣжую память своихъ распоряженій въ сочиненіи о финансахъ Французской республики. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ оно вниманія, что рѣдко государственные люди издають въ свѣтъ наблюденія, сдѣланныя ими при отправленіи должностей ихъ. Недостаткомъ времени не могутъ они извиниться. Сюлли, Неккеръ, Гарденбергъ доказали, что занимая первыя мѣста въ управленіи, находили они досугъ описывать дѣйствія свои. Въ душѣ республиканцевъ, Рамель простъ и скромнъ въ обращеніи. Онъ принадлежитъ къ немногому числу Министровъ Финансовъ, отдающихъ полную справедливость Адаму Смиуту и Физиократамъ, за исключеніемъ однакожъ выхваляемаго Экономистами, «единственнаго налога.» «Свобода промысловъ,» сказалъ онъ, «есть самое вѣрное средство для улучшенія финансовъ; уничтоженіе таможенъ нужно для благосостоянія Франціи. Еслибы Наполеонъ, вмѣсто континентальной системы, допустилъ совершенную свободу торговли въ подвластныхъ ему земляхъ, то довелъ бы Англію до крайности.» Бурныя засѣданія Національнаго Конвента, пренія кровожадныхъ членовъ его, и множество революціонныхъ явленій, Рамель передавалъ намъ съ неподражаемымъ искусствомъ, какъ очевидецъ всеразрушительной драмы.

Въ Дюссель я нашель одного изъ рѣдкихъ счастливицевъ, сохранившихъ въ маститой старости душевныя способности зрѣлаго возраста, страстнаго любителя природы, нѣжнаго отца семейства, равнодушнаго къ почестямъ и богатствамъ. Безъ восхищенія нельзя было слушать его, Нестора Французской словесности, когда онъ читалъ наизусть вдохновенное посланіе, сочиненное имъ на восемьдесятъ первый годъ его рожденія, или когда рассказывалъ о своей жизни, исключительно посвященной служенію Музъ, которыхъ онъ почитался тогда во Франціи первосвященникомъ. Его бесѣда украшалася множествомъ любопытныхъ анекдотовъ объ ученыхъ, художникахъ и литераторахъ, находившихся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, и знаменитыхъ путешественникахъ, которые въ теченіе полулѣтка пріѣзжали въ Парижъ и искали его знакомства. Въ царствованіе Людовика XVI-го, онъ жилъ при Дворѣ его, и потомъ видѣлъ всѣ ужасы революціи. Наполеонъ неоднократно старался склонить его на принятіе Сенаторскаго званія, но Дюссель не рѣшался промѣнять на почести уединенныхъ своихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Версаля, лишиться независимости, чтимой имъ выше всего на свѣтѣ. Бури, волновавшія Францію, проходили мимо, и не касались взыщенной,

поэтической души его. «Какія были самыя счастливыя минуты вашей жизни?» спросилъ я его. — «Почитаю,» отвѣчалъ онъ, «высшею наградою моего литературнаго поприща, когда я увидѣлъ мою мать въ слезахъ при представленіи одной изъ моихъ трагедій.»—«Другое происшествіе, случившееся недавно,» продолжалъ онъ, «тронуло меня до глубины души. Лудовикъ XVIII, по возвращеніи въ Парижъ, послалъ за мною. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ встрѣтилъ меня, произнесъ четвере стиха изъ моего Эдипа. Государь, сказалъ я ему, Буало и Расинъ имѣли честь читать свои произведенія вашему прадѣду, а мнѣ суждено безпричынное счастье слышать мои стихи изъ устъ моего Короля!»

У дочери Дюсиса познакомился я съ Лафаетомъ, самымъ ловкимъ и любезнымъ въ обществѣ, образовавшимся при блестящемъ Версальскомъ Дворѣ. Онъ остроуменъ и говорливъ, какъ Французъ. Разматривая внимательно его рѣчи и поступки, я нашелъ въ немъ разительное сходство съ фанатиками среднихъ вѣковъ, съ тою разницею, что фанатики, проповѣдуя кротость и милосердіе, сожигали противниковъ своихъ на кострахъ, а онъ, ополчаясь въ обихъ полушаріяхъ за мнимую независимость народовъ,

ниспровергаетъ существующій порядокъ вещей, и подѣ личною любви къ челоуѣчеству, вовлекаетъ въ гибель несчетное множество семействъ. Не взирая на его преклонныя лѣта и многотрудныя приключенія, случавшіяся въ его жизни, Лафаетъ защищаетъ свои правила съ юношескимъ жаромъ; воспламененія не ослабили въ немъ старость его и несчастія Франціи. Однажды, отобѣдавъ вмѣстѣ, мы сходили съ лѣстницы, и онъ предложилъ мнѣ довести меня до Элизе-Бурбонъ, гдѣ я жилъ. Дорогою онъ завелъ рѣчь о свободѣ книгопечатанія. На возраженія объ ея пагубныхъ послѣдствіяхъ, онъ ссылаясь на Сѣверную Америку, и по обыкновенію своему, превозносилъ ее, забывая, что существованіе Государства, получившаго только за пятьдесятъ лѣтъ свое самостоятельное бытіе, такъ же нетвердо въ основаніяхъ, какъ ненадежна жизнь младенца, выходящаго изъ пеленъ. «Не ближе ли,» сказалъ я ему въ отвѣтъ на пространную, либеральную проповѣдь его, опуская стекло кареты, «взглянуть на улицы этого города, гдѣ сто тысячъ людей заплакали жизнью за невозможность привести въ исполненіе ваши теоріи?»

Съ Графомъ Сегюромъ познакомился я слѣдующимъ образомъ: въ день вѣзда нашего въ Парижъ, комнаты

мои еще не были готовы въ Элизе-Бурбошъ, и для перваго почлега миѣ отвели домъ Графа Сегюра, бывшаго Посломъ при Императрицѣ Екатерины. Онъ принялъ меня посреди многочисленнаго собранія, у него находившагося, и встрѣтилъ словами: «Вы «еще слишкомъ молоды, и не можете помнить вре- «мени, когда я былъ въ Россіи.» Я отвѣчалъ, что его пребываніе въ Россіи никогда не изгладится изъ памяти соотечественниковъ моихъ. Нѣкоторымъ изъ гостей, преимущественно молодымъ и военнымъ, не утѣшительно было смотрѣть на мой Русскій мушдиръ, и они глядѣли на меня косо. Извиняя такое естественное чувство народной гордости, я не заботился объ оскорбленномъ самолюбіи Французовъ, и съ часъ слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ разговоры моего почтеннаго хозяина. Сегюръ принадлежалъ къ числу самыхъ любопытныхъ людей нашего времени, пользовался расположеніемъ Екатерины, Вашингтона и Наполеона, былъ военнымъ, посломъ, изгнанникомъ и царедворцемъ, занималъ государственныя должности, не переставалъ обогащать ученый свѣтъ замѣчательными сочиненіями, и такъ устроилъ свою жизнь, какъ будто она исключительно была посвящена наукамъ. Конечно, одно изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ мірѣ

есть мужъ преклонныхъ лѣтъ, спокойно взирающій на закатъ своихъ дней, въ увѣренности жить долго въ памяти людей, и оставить въ міръ слѣдъ своего существованія содѣянными имъ подвигами, или неувядаемыми произведеніями ума и воображенія.

ГЛАВА XII.

Состояніе Парижа. — Легкомысліе Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военныя. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лаведойромъ. — Чернь Парижская. — Предостерегательное письмо и твердость духа Государя. — Бурбоны. — Тюльерійскій дворець.

Состояніе Парижа въ 1815-мъ году совершенно различествовало отъ того, въ какомъ мы нашли его въ прошломъ году. Тогда Французы, утомленные двадцати-пяти лѣтними переворотами и войнами, пожавшими милліоны людей, надѣялись найдти ручательство благоденствія своего въ правленіи Бурбоновъ. Потому они единодушно желали возвращенія на престолъ стариннаго Дома своихъ Королей, конечно не все съ равнымъ усердіемъ и равною къ нему преданностію, но, по крайней мѣрѣ, все съ одинаковымъ ожиданіемъ кроткаго правленія и

спокойствія, давно не вкушаемаго Францією. Не прошло года, крамолы вновь вспыхнули, и Французы рукоплескали при появленіи Наполеона съ острова Эльбы, мечтая возвратить утраченную ими воинскую славу, и пріобрѣсти правленіе, основанное на началахъ, удовлетворявшихъ буйнымъ ихъ желаніямъ. Надежды не осуществились. Союзныя Державы рѣшительно объявили на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что онѣ почитаютъ владычество Наполеона несовмѣстнымъ съ общимъ спокойствіемъ Европы. Побѣдою при Ватерло и движеніемъ всѣхъ Союзныхъ арміи къ Парижу Бурбонамъ былъ возвращенъ престолъ, слѣдственно не по единодушному желанію народа, какъ въ прошломъ году, но по волѣ Союзныхъ Монарховъ. Отъ того возникъ духъ междоусобій, распрей и вражды, даже въ семействахъ, раздиравшіи въ 1815-мъ году Парижъ.

Столица сія представляла тогда любопытное зрѣлище; ибо, по врожденному намъ свойству, мы охотнѣе смотримъ на народъ, обуреваемый страстями, нежели на страну, гдѣ царствуетъ тишина, подобно тому, какъ съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на берегу моря, когда волны сильно воздымаются, нежели когда необъятная поверхность водъ ничѣмъ не колеблется. Въ такое несчастное время,

легкомысліе Французовъ являлось во всей наготѣ. Не смотря на то, что столица ихъ и часть Государства были заняты чужестранными войсками, во многихъ мѣстахъ свирѣпствовали бунты, крѣпости на сѣверной границѣ были осаждаемы, и кровь десятковъ тысячъ жертвъ дымилась на поляхъ Липы и Ватерло, театры и кофейные дома наполнены были народомъ, гульбища кипѣли радостными толпами. Въ журналахъ помѣщали статьи столь же обширныя о комедіяхъ, какъ и о священномъ дѣлѣ отечества. Бѣлые или красные цвѣты на какой вибудь актрисѣ почитались важнымъ событіемъ и производили жаркіе споры между зрителями, выводившими изъ сихъ цвѣтовъ различныя заключенія, къ какой партіи принадлежитъ актриса, къ приверженцамъ ли Бурбоновъ, или бывшаго Императора? Словомъ, ежели бы кто, не зная предшествовавшихъ происшествій, пріѣхалъ въ Парижъ, то сказалъ бы, что конечно прошло очень много времени съ тѣхъ поръ, когда бѣдствія не касались столицы Франціи.

Безъ презрѣнія нельзя было смотрѣть на равнодушіе Французовъ къ унижительному положенію, въ какомъ они находились. Живописцы приносили къ намъ на продажу картины, представляющія вступленіе нашихъ войскъ въ Парижъ и разныя побѣды

наши. Какъ поступили бы у насъ съ художникомъ, который нарисовалъ бы какую нибудь побѣду враговъ Россіи, и поднесъ имъ такое произведеніе своей кисти! Даже, когда нѣкоторые изъ Союзниковъ брали изъ Парижскаго Музеума обратно картины и статуи, имъ прежде принадлежавшія, Французы не только не показывали, чему я былъ личный свидетель, большаго прискорбія, хотя въ послѣдствіи писатели ихъ и утверждали противное, но даже въ журналахъ помѣщали шутки объ увезеніи Венеры Медичейской и Венеціанскихъ лошадей. Бриліанцики и золотыхъ дѣлъ мастера, на перерывѣ другъ передъ другомъ, старались придавать красивѣйшій видъ Русскимъ орденамъ, уменьшая ихъ во всѣхъ возможныхъ размѣрахъ. Руководимые чувствомъ низкой корысти, они забывали, или не хотѣли знать, что сіи знаки отличія были пріобрѣтены нами на поляхъ, гдѣ сотни тысячъ соотечественниковъ ихъ положили животъ свой. Утонченная подлость ихъ достигла даже до того, что они вырѣзали на краяхъ нашихъ медалей 1812-го года, мѣсяць и число вступленія нашего въ Парижъ. Не было власти столь священной, надъ которою Парижане не издѣвались. Въ одномъ журналѣ я нашелъ слѣдующее: «Разматривая воинскія склонности народа и роль,

«то героическій, то шутовскій, разыгрываемый Францією на театр Европы въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, полагаю необходимымъ имѣть ей Короля, умѣющаго хорошо ѣздить верхомъ, а потому предлагаю избрать Королемъ нашимъ берейтора «Франкони!» (*)

Одни военные сохраняли достоинство характера и чувство собственнаго къ себѣ уваженія. Виновные въ измѣнѣ Бурбонамъ и присоединеніи своемъ къ Наполеону, при появленіи его во Франціи съ острова Эльбы, они оправдывали себя въ семъ поступкѣ желаніемъ возстановить утраченную славу ихъ оружія и подъ знаменами завоевателя возвратить Франціи отторгнутыя отъ нея Парижскимъ миромъ области. Такія лжеумствованія не извиняють нарушенія присяги, и преступленія въ измѣнѣ, но нельзя не отдать справедливости непріятелямъ, долгое время противъ насъ сражавшимся, что они, видя бѣдствія отечества, являли въ своемъ поведеніи совершенную противоположность съ прочими своими согражданами.

(*) Reconnoissant que les inclinations martiales de la nation, et le rôle alternativement héroïque et bouffon qu'elle joue depuis vingt ans sur le théâtre de l'Europe, exigent qu'elle ait un roi qui monte bien à cheval, je propose Franconi. *L' Aristarque françois*

Военные ходили съ мрачнымъ видомъ, и блѣднѣли при взглядѣ на Русскій мундиръ; впрочемъ, въ 1815-мъ году были они несравненно скромнѣе, нежели въ 1814-мъ. При первомъ вступленіи нашемъ въ Парижъ, они воображали, что слѣпой случай или измена привели насъ въ столицу ихъ, но теперь они убѣдились, что силы Франціи ничтожны передъ силами Союзниковъ. Во всѣхъ случаяхъ они оказывали Русскимъ примѣрную въжливость, и не искали, какъ въ 1814-мъ году, поводовъ къ поединкамъ. Въ театрахъ они принимали съ восторгомъ всѣ выраженія, относившіяся къ славъ Франціи, и заставляли актеровъ повторять стихи и выраженія, напоминавшія прежнія побѣды Наполеона.

Извѣстіе о взятіи Наполеона Англичанами, произвело на нѣсколько дней уныніе въ Парижанахъ. Казалось, они забыли пучину золь, взрытую Наполеономъ для Франціи, и только сохранили въ сердцахъ признательность за славу, стяжанную подъ его знаменами. Издатели журналовъ почти всѣхъ партій, какъ будто по взаимному условію, прекратили распри. Ненависть на минуту почилла, при воззрѣніи на несчастіе, постигшее необыкновеннаго чловѣка, приужденнаго наконецъ отдаться въ руки самыхъ лютыхъ враговъ его. Отреченіе его отъ престола въ

прошломъ году сопряжено было съ совершенно различными обстоятельствами, нежели въ настоящемъ. Тогда онъ покидалъ Францію, удерживалъ за собою права коронованной главы и санъ Императора, сохраненные ему великодушнымъ Союзникомъ, но нынѣ являлся онъ искателемъ приключеній, похитителемъ престола, угрожая вновь наводнить Европу кровію. Всемирное спокойствіе требовало принятія мѣръ для воспрепятствованія ему вторичнаго подобнаго покушенія, и Союзные Монархи, объявивъ его военнопленнымъ, назначили для пребыванія его островъ Святой Елены, предоставляя Англіійскому Правительству распорядиться средствами предосторожности, какія оно почтетъ нужными. Вѣчное заточеніе становилось неизбѣжнымъ удѣломъ и достойнымъ наказаніемъ осквернителя храмовъ нашихъ!

Уничтоживъ того, кто за два года передъ тѣмъ мечталъ поколебать вѣковѣчную Россію, Императоръ Александръ не переставалъ являться защитникомъ семейства его. Непреложнымъ тому доказательствомъ можетъ послужить слѣдующій отрывокъ, списываемый здѣсь съ подлиннаго собственноручнаго письма, писаннаго тогда къ Государю братомъ Наполеона, Лудовикомъ, бывшимъ Королемъ Голландскимъ. Изобразивъ свое горестное положеніе, онъ говоритъ:

«Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, возла-
 «гаю единственную надежду на Ваше Император-
 «ское Величество. Лишась престола, жалю толь-
 «ко, что отняты уменя средства дѣлать добро; так-
 «же жалю, что не имѣю возможности, съ потерей вер-
 «ховной власти, доказать безкорыстнѣе удивленіе мое
 «къ Вашимъ правиламъ и великодушію. Будучи Монар-
 «хомъ, я стремился подражать Вамъ; нынѣ остает-
 «ся мнѣ только надежда, что Ваше Величество
 «отдадите справедливость такимъ чувствованіямъ мо-
 «имъ, побуждающимъ меня обратиться къ Вамъ, какъ
 «единственному провидѣнію моего семейства (*).»

(*) Dans une circonstance aussi critique pour moi, Sire, il ne me reste d'espoir que dans Votre Majesté Impériale.... Je ne regrette de la royauté que le bien que je me sentoís les moyens et surtout la volonté de faire; je regrette aussi la facilité que j'avois eue de vous témoigner, Sire, d'une manière plus désintéressée l'admiration, que m'avoient inspirée vos principes et la générosité de votre caractère. J'eus alors le désir de les imiter; il ne me reste aujourd'hui que l'espoir, que Votre Majesté rendra justice à ces mêmes sentimens et qu'elle croira que ce sont eux qui m'amènent auprès de Votre Majesté, et qui me la font envisager *comme la seule providence* qui reste à ma famille.

Пасынокъ и питомецъ Наполеона, бывшій Вице-Король Италійскіи, Евгений, писалъ Государю: «Сердце мое исполнено чувствъ благодарности и преданности къ Вашему Величеству, запечатлѣнныхъ неизгладимо въ душѣ моеи Вашими милостями, уваженіемъ и дружбою къ моему семейству и ко мнѣ. Обладаніе сердцемъ не важно для того, кто такъ легко покоряетъ сердца всѣхъ, но вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ предлагаю Вашему Величеству самую искреннюю, самую неограниченную преданность, и молю Бога даровать мнѣ случай доказать Вамъ чувствованія мои на самомъ дѣлѣ.» (*)

Послѣдняя особа семейства Наполеонова, остававшаяся въ Парижѣ, извѣстная любезностію и дарованіями своими Принцесса Гортензія, отправилась тогда изъ Франціи въ Швейцарію—съ Русскимъ паспортомъ.

Въ то время обнародованъ былъ списокъ главныхъ

(*) Sire, mon coeur est rempli de sentimens de reconnaissance et d'attachement, que votre estime, votre amitié et vos bontés pour ma famille et moi y ont gravés en caractères ineffaçables. La possession d'un coeur est bien peu importante pour qui sait si facilement les conquérir tous, mais avec le coeur je vous offre le plus tendre et le plus entier dévouement, et je prie le Très Haut qu'il me fut possible de vous le montrer un jour.

участниковъ въ побѣгъ Наполеона съ Эльбы. Однихъ приговорили къ изгнанію, другихъ подвергли суду, начавшемуся съ Лабедойера. Съ полкомъ своимъ, стоявшимъ въ Гренобль, онъ первый перешелъ на сторону Наполеона. Судъ производился общенародно; въ засѣданія впускали по билетамъ, повидимому раздаваемымъ большею частію иностранцамъ и приверженцамъ Бурбоновъ. Нѣсколько офицеровъ Королевской гвардіи вели себя неблагопристойно, обнаруживая мнѣнія свои смѣхомъ, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разсуждаемо было о жизни человѣка. «Взгляните на «послѣдствія его поступка,» сказалъ обвинитель; «вся узы гражданства во Франціи расторгнуты; она «повержена подъ иго чужеземцевъ; междоусобная «война пылаетъ повсюду; отечество стоитъ на краю «погибели.» Предсѣдатель спросилъ Лабедойера, обвиненнаго въ измѣнѣ противъ Государства, что онъ имѣеть сказать въ свое оправданіе? Лабедойеръ, прекрасный тридцати-лѣтній мужчина, одаренный краснорѣчіемъ, прибѣгнулъ къ софизмамъ, и отвѣчалъ: «Не запираюсь въ преступленіи, но скажу слабымъ «голосомъ смерти, что поступокъ мой не можетъ отнять у меня чести, которую я долженъ передать «незапятненной женѣ моей и сыну. Я обязанъ за-«щищать ее, чтобы сынъ мой, достигнувъ возраста,

«когда посвятить себя на службу отечества, не былъ
«при самомъ вступленіи на ея поприще покрытъ
«стыдомъ.» Онъ старался доказать, что преступленіе
можетъ существовать, а человекъ, его совершившій,
быть невиненъ; въ примѣръ поставлялъ онъ себя.
Для того онъ началъ излагать тогдашнее положеніе
дѣлъ, но едва успѣлъ онъ сказать, что «послѣ же-
«ланнаго всѣми возвращенія Бурбоновъ, общее мнѣ-
«ніе возстало противъ нихъ, оказались повсюду не-
«удовольствія, особенно въ войскахъ,» слушатели
изъявили неудовольствіе, и предсѣдатель, прервавъ
рѣчь, велѣлъ ему не отступать отъ существа дѣла,
и довольствоваться личнымъ защищеніемъ. Оправ-
даться въ измѣнѣ было невозможно: Лабедейеръ за-
молчалъ, спряталъ бумагу, на которой была написа-
на его рѣчь, и сказалъ: «Тотъ, кто много-
«кратно водилъ храбрыхъ людей на встрѣчу смерти,
«будетъ умирать и самъ ее встрѣтить. Не запираюсь
«въ содѣланномъ мною преступленіи, но утверждаю,
«что я не потерялъ чести. Мнѣ поручили усмирить
«духъ седьмого линейнаго полка, состоявшаго подъ
«моимъ начальствомъ, но могъ ли я заставить сол-
«датъ забыть имя полководца, въ теченіе пятнадца-
«ти лѣтъ водившаго ихъ къ побѣдъ?» Въ журналѣ,
принимавшемъ сторону обвиненнаго, была помещена

между прочимъ слѣдующая статья, лучше всѣхъ объясненій могущая обнаружить мятежный духъ въ Франціи: «Лабедойеръ служилъ съ молодыхъ лѣтъ подъ знаменами Наполеона. Лудовикъ XVIII «сталъ ему извѣстенъ только за десять мѣсяцевъ. «Его прежній Монархъ, котораго отреченіе отъ престола казалось ему вынужденнымъ, является передъ «нимъ. Многолѣтняя привычка почитать законнымъ «Государемъ того, кого всѣ Державы такимъ признавали, пробуждаетъ въ немъ еще неугасшую къ «Наполеону привязанность. Блескъ воинской славы «прежняго Монарха, отъ заточенія и несчастія воз«величивается въ глазахъ его приверженныхъ, дѣй«ствуетъ на пламенное воображеніе и увѣряетъ быв«шихъ воиновъ Наполеона, будто они повинуются «гласу долга, въ то время, когда они попираютъ «погами священнѣйшія обязанности. Нельзя въ одинъ «день истребить убѣжденіе свое, перемѣнить мнѣніе, «наклонности и образъ мыслей, возникшіи на лож«номъ или справедливомъ основаніи, но укрѣпленный «временемъ. Здѣсь истинное преступленіе обвиняемаго, но всѣ Французы раздѣляли его заблужденіе.»

Такія и подобныя имъ лжеумствованія, краснорѣчиво выраженные, появлялись ежедневно въ газетахъ, въ оправданіе измѣнниковъ, и раздували пламень

раздоровъ. Мятежный духъ усиливался еще потому, что вслѣдъ за казію Лабедойера, начали судить общниковъ его, и въ томъ числѣ Маршала Ней, почитавшагося во Французской арміи однимъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ, представителемъ славы Наполеоновыхъ войнъ, и вмѣстѣ самымъ отъявленнымъ противникомъ Бурбоновъ. Казалось, Парижъ закипѣлъ отъ противоборства различныхъ страстей. Тамъ находилось двѣсти тысячъ человѣкъ, не имѣвшихъ ни Вѣры, ни чести, ни надежнаго пропитанія, и возросшихъ посреди кровопролитіи революціи. Легко можно было взволновать ихъ. Развратная чернь сія, способная на всякія преступленія, имѣла по почамъ сходбища въ предмѣстьяхъ города, издѣвалась на улицахъ надъ солдатами Королевской гвардіи, жадно внимала чтенію журналовъ, издаваемыхъ демагогами, и при каждомъ случаѣ оказывала неуваженіе законному Правительству. Положеніе многочисленной, необузданной толпы, содержимой въ уздѣ присутствіемъ Союзныхъ армій, можно было уподобить хищному звѣрю, гложущему цѣпь, къ которой онъ прикованъ, и готовому при первой возможности предаться врожденной ему ярости.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Государь, получая перѣдко разнаго рода предостерегательныя

извѣстія, не подавалъ вида малѣйшаго опасенія. Опъ ходилъ по Парижу пѣшкомъ, прогуливался по Елисейскимъ полямъ верхомъ, въ сопровожденіи только одного конюшаго, и ѣздилъ по городу въ каретѣ, запряженной двумя лошадыми, съ двумя лакеями Французами, и съ кучеромъ, Французомъ же, безъ всякаго прикрытія. Карауль въ Элизе-Бурбонъ содержали попеременно Русскіе, Пруссаки и Англичане; только на ночь ставили со стороны сада, примыкающаго къ Елисейскимъ полямъ, нѣсколько лейбъ-казаковъ. Изъ числа такихъ предостерегательныхъ извѣстій, упомяну о слѣдующемъ. Однажды, часовъ въ десять вечеромъ, Государь получилъ письмо отъ неизвѣстной особы, уведомлявшей, что подъ дворцомъ Элизе-Бурбонъ положенъ порохъ, назначенный взорвать дворець, посредствомъ подкопа, проведеннаго изъ дома Герцогини Бово, находящагося на супротивъ, на другой сторонѣ той же улицы. Минъ приказали тотчасъ осмотрѣть тайнымъ образомъ весь погреба и подземелья, и удостовѣриться въ справедливости показанія. Я исходилъ весь погреба, обшарилъ весь углы, и не нашелъ ничего, могущаго оправдать подозрѣніе. Окончивъ обыскъ поздно ночью, я возвращался въ мою комнату, и проходя мимо двери, ведущей на половину Императора, узналъ,

что Онъ почивалъ. Потомство превозноситъ великость духа Александра Македонскаго, когда онъ принималъ лекарство изъ рукъ врача, обвиненнаго въ намѣреніи отравить его, но можно ли сравнить оказанную имъ твердость съ описываемою здѣсь чертою въ жизни нашего Александра? Въ непріятельскомъ городѣ, гдѣ слишкомъ двадцать лѣтъ являлось позорище неслыханныхъ неистовствъ, гдѣ броженіе умовъ и борьба страстей достигли до высочайшей степени, узнаетъ Онъ о замыслѣ взорвать на воздухъ обитаемый Имъ дворецъ, приказываетъ удостовѣриться въ справедливости показанія, а Самъ отходитъ ко сну!

Бурбоны жили уединенно, какъ и въ первый годъ возвращенія ихъ въ Парижъ. Въ тѣсномъ кругу приближенныхъ, сопутствовавшихъ имъ въ изгнаніи, они казались чужими посреди Государства, болѣе тысячи лѣтъ покорнаго предкамъ ихъ. Лудовикъ XVIII былъ вообще уважаемъ, но члены его семейства, не взирая на всѣ старанія снискать любовь народа, не достигали своей цѣли. Я видѣлъ Французовъ, бившихся объ закладъ, что по выступленіи Союзныхъ войскъ изъ Франціи, Бурбоны не удержатся долго на престолѣ. До какой степени положеніе Короля было тягостно безъ заступленія Государя, можно заключить изъ слѣдующаго случая. Меся

однажды разбудили ночью—зачѣмъ! Какъ можно скорѣе ѣхать къ Блюхеру, и объявить ему Высочайшее повелѣніе объ отѣнѣ даннаго имъ приказанія взять собственныхъ лошадей Лудовика XVIII, въ отищеніе за медленный взносъ Парижскимъ городовымъ правленіемъ положенной на него контрибуціи. Я пріѣхалъ къ Блюхеру въ три часа по полуночи, и на силу могъ разбудить его. Повинуясь волѣ Государя, онъ немедленно послалъ приказаніе не касаться до Королевскихъ лошадей, которыхъ начали уже выводить изъ конюшни, но притомъ не скрылъ мнѣ своего неудовольствія, что его лишаютъ средствъ мстить Французамъ.

Любопытство завело меня въ Тюльерійскій дворець. При Наполеонѣ былъ онъ окруженъ пѣшими и конными часовыми его гвардіи, отличавшейся столько же воинскою осанкою, сколько и славою, пріобрѣтенною ею въ безчисленныхъ сраженіяхъ. Теперь около дворца не было никого, кромѣ толпы праздныхъ людей, гулявшихъ по саду и Карусельской площади, гдѣ Наполеонъ дважды въ мѣсяцъ собиралъ всѣ войска, стоявшія въ Парижѣ, и производилъ смотры въ присутствіи дипломатическаго корпуса и множества путешественниковъ, стекавшихся тогда въ Парижъ. Дни смотровъ бывали

обыкновенно назначаемы имъ для принятія иностранцевъ. Здѣсь увидѣлъ я въ первыи разъ Наполеона. Видѣ его, стоявшаго тогда, въ 1809-мъ году, на высшей ступени славы мірской, потрясъ глубину души моей. То было чувство удивленія, поселяемаго въ насъ, особенно въ молодости, созерцаиємъ необыкновеннаго явленія природы. Тогда Русскому можно было удивляться Наполеону: онъ еще не являлся лютымъ, неистовымъ врагомъ Россіи.

Въ передней залѣ дворца стоялъ караулъ. Три гвардейца, отроческихъ лѣтъ, вызвались быть моими вожатыми, но они не знали дороги въ огромномъ замкѣ, и едва мы вступили во вторую комнату, престарѣлый кавалеръ ордена Святаго Лудовика закричалъ: «Сюда не ходятъ!» Онъ даже не приподнялся со стула, когда я ему показалъ билетъ, съ означеніемъ, что я Полковникъ гвардіи Россійскаго Императора, то есть, Монарха, по милости Котораго дворець возвращенъ былъ законнымъ своимъ владѣтелямъ. На карнизахъ, дверяхъ и люстрахъ сіяли вензеля Наполеоновы; на стѣнахъ висѣли картины, изображающія его походы. Проводники мои не имѣли объ нихъ никакого понятія. Когда мы остановились подлѣ картины Эйлаускаго сраженія, они говорили съ увѣренностію, свойственною Французамъ,

что на ней изображена одна изъ битвъ Египетской войны. По дворцу ходили нѣсколько военныхъ, неопрятно одѣтыхъ; между ними я не встрѣтилъ ни одного степпаго человѣка. Комнаты были не чисты, мебель стояла не на своихъ мѣстахъ, и все являло видъ какого-то неустройства и разрушенія.

ГЛАВА XIII.

СМОТРЪ ПРИ ВЕРТЮ 26 ГО АВГУСТА. — ВТОРОЙ СМОТРЪ. — ГВАРДЕЙСКИЙ
КОННО-ПЕШЕХОДНЫЙ ПОЛКЪ. — ОБЪЕДИНЕНІЕ ВЪ ЛАГЕРЬ. — ИНОСТРАНЦЫ, НАХО-
ДИВШИЕСЯ ВЪ ВЕРТЮ. — ОБЪЕДИНЕННЫЙ СТОЛЪ ДЛЯ РУССКИХЪ. — ВЫСО-
ЧАЙШИЙ ПРИКАЗЪ.

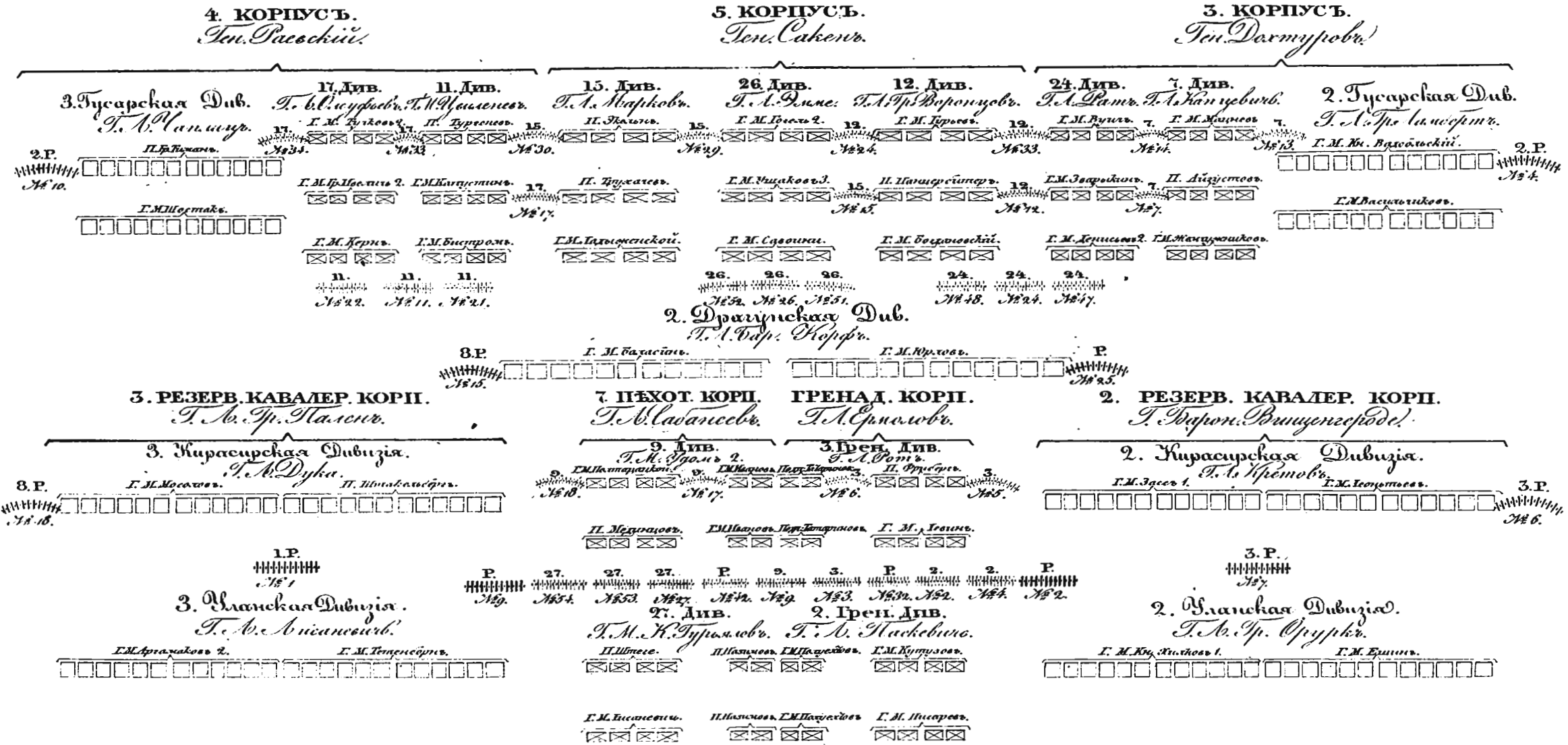
Прежде возвращенія нашей арміи изъ Франціи въ Россію, Государю было угодно сдѣлать ей общій смотръ, за исключеніемъ корпуса Графа Ланжерона, расположеннаго около Французскихъ крепостей, еще не сдавшихся Союзникамъ. Первоначально хотѣли произвести смотръ въ первыхъ числахъ Августа, подъ Феръ-Шампенуазомъ, на полѣ прошлагодней побѣды Александра, но потомъ отсрочили его на нѣсколько недѣль, желая дать время крестьянамъ убрать хлѣбъ съ полей, и вмѣсто Феръ-Шампенуаза, избрали въ Шампани, близъ города Вертю, между Эперне, Бриенномъ и Шалонемъ, необозримую равнину,

посреди которой находится гора, называемая Монтеме. Пока армія собиралась у Вертю, въ главной квартирѣ Государя дѣлали чертежи расположе- нію и движеніямъ войскъ. Государь входилъ во всѣ подробности, касавшіяся до смотра; главныя распо- ряженія писаны Имъ собственноручно. Онъ хотѣлъ представить армію Свою передъ глаза и, такъ ска- зать, на судъ всей Европы. 25 Августа, Его Вели- чество отправился изъ Парижа въ Вертю. На слѣ- дующій день, 26-го, былъ примѣрный смотръ, на которомъ никого, кромѣ Русскихъ, не находилось; 29-го былъ другой, въ присутствіи Союзныхъ Мо- нарховъ и множества иностранцевъ, а 30-го церков- ный парадъ. Въ строю было 7 конныхъ и 11 пѣхот- ныхъ дивизій, 3 полка казаковъ, 2 роты піонеровъ и рота саперовъ, всего 150,554 человекъ, въ томъ числѣ 87 генераловъ, 433 штабъ-офицера и 3980 оберъ-офицеровъ; орудій было 540.

Августа 26-го, въ шесть часовъ утра, Государь поѣхалъ на гору Монтеме; передъ нею выстроена была армія слѣдующимъ образомъ: три пѣхотные корпуса стояли тремя линіями. Правымъ крыломъ начальствовалъ Дохтуровъ, лѣвымъ Раевскій, а цен- тромъ Сакенъ. За ними находилась вторая драгунская дивизія, Барона Корфа, а позади ея стояли резервы:

БОЕВОЙ ПОРЯДОКЪ РОССІЙСКОЙ АРМІИ ПРИ ВЕРТІЮ.

Главнoкомандующій Генералъ Фельдмаршалъ Князь **БАРКЛАЙ** де **ТОЛДИ**.

№ Записка Генерала Михайловскаго Димитревскаго.

гренадерскій корпусъ, Ермолова, пѣхотный, Сабаньева, и два кавалерійскіе корпуса, Барона Винценгероде и Графа Палена. (*) Въ такомъ порядкѣ увидѣли мы армію, занимавшую пространство на нѣсколько верстъ, и благоговѣнно ожидавшую пріѣзда Государева. Ясное небо и лучи солнца, отражаемые оружіемъ, придавали зрѣлищу блескъ необыкновенный. Мы были столь поражены величественною картиною, разстилавшеюся передъ нами, что, когда взѣхали на Монтеме, и взглянули на армію, произошло невольное молчаніе: каждый гордился быть Русскимъ, исполнялся чувствомъ величія Россіи. Сигналы для команды дѣлаемы были, по распоряженіямъ Князя Волконскаго, пушечными выстрѣлами изъ орудія, стоявшаго на Монтеме. Первый выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя. Войска взяли ружье на плечо. По второму сигналу сдѣлали на караулъ; ревящее ура! раздалось въ рядахъ, заиграла музыка, загремѣли барабаны и трубы. По третьему выстрѣлу взяли на плечо, и построились въ батальонныя колонны, а по четвертому вся армія начала строить каре. Три стороны его состояли изъ пѣхоты, четвертая изъ конницы; передъ одною пѣхотною линіею стояли десять ротъ конной

(*) Смотри боевой порядокъ въ приложенной таблицѣ.

артиллеріи. Государь спустился съ горы, при радостныхъ кликахъ объѣхалъ каре, и остановился въ срединѣ. Армія проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Величества: въ головѣ были гренадеры, за ними слѣдовала линейная пѣхота, потѣмъ конница и конная резервная артиллерія. Пѣхота проходила слѣдующимъ образомъ: оба батальона каждаго полка, построенные въ густую взводную колонну, шли одинъ возлѣ другаго, на взводное разстояніе; за каждою бригадою слѣдовала принадлежащая къ ней артиллерія, также въ одну линію. Послѣ церемоніальнаго марша, Государь возвратился на Монтеме, войска стали въ первоначальный боевой порядокъ, и по пушечному выстрѣлу сдѣлали на караулъ. Снова загремѣла музыка и барабаны, снова ура! потрясло воздухъ.

До сихъ поръ не бывало на смотру столь великаго числа войскъ, и гдѣ происходилъ смотръ? за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, въ странѣ, еще недавно почитавшейся непобѣдимой! Даже въ знаменитомъ Булонскомъ лагерѣ, когда въ 1804-мъ году Наполеонъ приготавлилъ высадку въ Англію, находилось подъ ружьемъ только 114,000 человекъ, (*) слѣдственно, 36,000-ми менѣе, нежели Русскихъ

(*) Dumas, Précis des événemens militaires. T. XII. p. 33.

при Вертю. Невозможно видѣть арміи, достигшей до блистательнѣйшаго состоянія, во всѣхъ частяхъ ея, и исполненной болѣе воинскимъ духомъ. Полки были доведены до такого совершенства, что они все казались равными; ни одинъ не уступалъ другому. Русскіе офицеры почти избалованы точностію, съ какою исполняются у насъ движенія войскъ, но построенія, производившіяся въ тотъ день, превзошли наши чаянія. Нѣкоторымъ пѣхотнымъ полкамъ надлежало при образованіи карея проходить три съ половиною версты; конная артиллерія неслась по сему пространству во весь опоръ: порядокъ, соблюдаемый войскомъ при быстромъ слѣдованіи къ назначеннымъ ему мѣстамъ, доказывалъ, что все и каждый знаютъ свое дѣло. Углы карея составлялись въ одно время, какъ на батальонномъ ученіи. Болѣе 107,000 человекъ пѣхоты проходили церемоніальнымъ маршемъ, и ни одинъ не сбился съ ноги. Самоувѣренность была написана на лицахъ воиновъ; изъ устъ ихъ, кажется, вырывались слова: «Кто «противъ насъ?» Восхищенный смотромъ, Государь сказалъ: «Моя армія первая въ свѣтъ: для нея нѣтъ «ничего невозможнаго; и по самому наружному ея «виду никакія войска не могутъ сравниться съ нею!»

При всемъ великолѣпномъ зрѣлищѣ, разстилавшемся

передъ нашими глазами, многіе изъ насъ вспоминали неоднократно въ теченіе сего утра о Бородинскомъ сраженіи, которому въ первый день смотра при Вертю минуло ровно три года. Въ то время села и города пылали отъ Нѣмана до береговъ Москвы рѣки, и на огромномъ пространствѣ нашего Отечества текла кровь Русскихъ. Противъ неслыханнаго ополченія враговъ, предводимаго генералами, образованными въ побѣдоносныхъ станахъ, сто пятнадцать тысячъ нашихъ воиновъ заслоняли Вѣру, Престолъ, честь, гробы родителей, законы, славу и независимость, пріятыя отъ предковъ. Ни одно сраженіе повѣйшихъ временъ не можетъ сравниться съ Бородинскою битвою, даже Лейпцигское, гдѣ Наполеонъ искалъ не лавровъ, но спасенія, и только помышлялъ, какъ съ честью перейдти обратно за Рейнъ; подъ Лейпцигомъ, онъ былъ слабѣе въ силахъ, нежели его противники, и оставленный своими союзниками, не имѣлъ своихъ старыхъ, непобѣдимыхъ полчищъ, яростно сражавшихся въ Бородинѣ: соратники прежнихъ его походовъ уже были истреблены въ нашемъ Отечествѣ, кости ихъ сожжены на кострахъ, и пепелъ ихъ разнесенъ вѣтрами далеко по землѣ Русской. При Бородинѣ была битва народовъ, битва Русская съ Европою. Еслибы грудь

Русскихъ была менѣе тверда, и мудрость Кутузова менѣе испытанна, дерзкій иностранецъ, взирая съ Кремлевскихъ стѣпъ на плѣнную столицу, сказалъ бы: «Славна была Держава Петра, Екатерины и «Александра, но она сокрушилась подъ ударами «соединенной Европы!» Пробѣгая взорами собранную при Вертю армію, не находили мы посреди ея многихъ, являвшихся въ Бородинѣ оплотомъ Россіи. Не было Кутузова, отрады нашей въ Двѣнадцатомъ году, не было Багратіона, любимца побѣды, Тучковыхъ, Кутайсова, Монахина, и десятковъ тысячъ ихъ сподвижниковъ. Конечно, въ тотъ день, когда мы торжествовали въ Вертю, въ день тризны Бородинской, родители, братья и сестры, невѣсты и друзья падшихъ на берегахъ Колочи, возсылали моленія къ Небу объ успокоеніи душъ ихъ. Утѣштесь! Да слава Отечества, до высшей степени Александромъ вознесенная, исполнитъ ваши сердца увѣреніемъ, что месть постигла враговъ, въ горестное для Россіи время отъявшихъ жизнь родныхъ вашихъ и любезныхъ. Въ возмездіе врагамъ, на ихъ собственныхъ поляхъ празднуемъ мы славу Россіи и попираемъ ихъ нивы, знамена Александра развѣваются на равнинахъ Шампани, и эхо горъ непріятельскихъ вторитъ побѣдоносное, радостное Русское ура!

Въ слѣдующіе два дня, городокъ Вертю наполнился любопытными изъ всѣхъ состояній и военными въ мундирахъ всѣхъ Европейскихъ Державъ. Изъ Парижа пріѣхало много купцовъ съ товарами разнаго рода, и наши маркитанты открыли свои подвижныя лавки посреди лагера, гдѣ день и ночь все кипѣло величайшею дѣятельностью. Каждый начальникъ отдельной части войскъ соревновалъ превзойти своихъ товарищей. 29-го Августа, смотръ происходилъ въ такомъ же порядкѣ, какъ 26-го числа, съ тою разницею, что при немъ присутствовало множество иностранцевъ, прибывшихъ изъ Парижа, Голландіи, Лондона и другихъ мѣстъ. Въ числѣ зрителей находились строгіе наблюдатели, желавшіе лично удостовѣриться въ состояніи нашей арміи, привыкнувъ съ давняго времени, по какому-то непонятному предубѣжденію противъ Россіи, почитать силы ея преувеличенными. Съ самаго утра Государь находился на горѣ Монтеме. У подошвы ея выстраивалась армія, а съ вершины горы видно было вдали поле Феръ-Шампенуазскаго сраженія — неувадаемый листокъ въ побѣдномъ вѣнцѣ Императора Александра. Вскорѣ армія кончила построеніе и начали пріѣзжать иностранцы. Завидя Короля Прусскаго, Государь обнажилъ шпагу, побѣхалъ къ нему

на встречу, вручилъ ему строевой рапортъ, а потомъ отдалъ ту же самую почесть Императору Францу. Начальникъ Главнаго Штаба Его Величества, Князь Волконскій, представилъ строевые рапорты Фельдмаршаламъ Веллингтону, Князю Шварценбергу и Князю Вреде. Во время церемоніальнаго марша, Государь лично предводительствовадь армію, и салютовалъ Союзныхъ Монарховъ; Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ велъ бригаду гренадеровъ, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи. Когда Монархи и особы, сопровождавшія ихъ, возвратились послѣ церемоніальнаго марша на Монтеме, и войска стали въ прежній боевой порядокъ, загремѣлъ пушечный и ружейный огонь, продолжавшійся двадцать минутъ. Воздухъ темнѣлъ отъ пороховаго дыма, и за нимъ мало по малу армія исчезала и наконецъ совершенно скрылась отъ глазъ. Съ изумленіемъ смотрѣли иностранцы на густые ряды войскъ, проходившіе мимо нихъ въ неизвѣрномъ устройствѣ. Я часто подѣзжалъ къ иностранцамъ и вслушивался въ разговоры ихъ, не примѣченный ими. Единогласно говорили они, что они съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ. Веллингтонъ сказалъ: «Я никогда не воображалъ возможности довести армію до

«столь великаго совершенства!» Онъ такъ внимательно считалъ число войскъ, что послѣ смотра замѣтилъ недостававшій въ одномъ конномъ полку эскадронъ; также признался онъ, что, видя въ Парижѣ наши третью гренадерскую и вторую кирасирскую дивизіи, онъ полагалъ, будто люди для нихъ были выбраны изъ всей арміи, и другія войска не могли съ ними равняться. Велико было его удивленіе, когда онъ убѣдился, что ни одна пѣхотная дивизія не уступала гренадерамъ! Адмиралъ Сиръ Сидней Смитъ, съ обыкновеннымъ ему чистосердечіемъ объявилъ, что смотромъ при Вертю подаетъ Императоръ Александръ великій урокъ другимъ народамъ.

Къ сожалѣнію, при смотрѣ не находилось гвардіи, по наружному виду ея и по храбрости, оказанной ею въ сраженіяхъ, занимающей первое мѣсто между всеми войсками въ Европѣ. Въ составъ ея есть между прочимъ полкъ, а именно коппо-егерскій, сформированный въ 1814-мъ году въ Версали. Не принадлежитъ ли къ числу дивныхъ происшествій нашего необыкновеннаго вѣка, что колыбелью для Русскаго полка послужило знаменитое мѣстопребываніе Французскихъ Королей; украшенное Мансаромъ, Ленотромъ, Пюжетомъ, Лѣбрюпомъ, воспѣтое Буало и

Расшиномъ, гдѣ соединены были самыя изящныя произведенія новѣйшихъ временъ и въковъ Перикла и Августа, гдѣ гремѣлъ Боссюэтъ, и сосредоточивалось великолѣпнѣе Людовика XIV-го? Мерсье, въ своей картинѣ Парижа, переносясь мысленно въ будущность, и изображая запустѣнiю, которому Версаль нѣкогда подвергнется, какъ прозрачныя пруды превратятся въ болота, статуи покроются мохомъ, въковыя аллеи поростутъ репейникомъ; и вѣтеръ будетъ свистѣть въ разбитыя окна замка, осѣщенного кипарисомъ, любимцемъ гробовъ,—самъ Мерсье, въ мрачномъ воображенiи своемъ, не могъ себѣ представить, что въ Версали будутъ формироваться гвардейскiе конные егеря Россiйскаго Императора!

Въ день Александра Невскаго, солнце при самомъ восхожденiи общало благопрiятнѣйшую погоду. Посреди прелестной долины, окруженной цѣпью невысокихъ горъ, приготовили, по числу корпусовъ, семь налатокъ для Богослуженiя; передъ каждымъ шатромъ стоялъ корпусъ, конница безъ лошадей, пѣхота безъ ружей. Государь прибылъ къ гренадерамъ въ восьмомъ часу утра, когда туманъ покрывалъ горизонтъ; туманъ скоро разсѣялся, и представилось зрѣлище, небывалое въ свѣтъ. Сто пятьдесятъ тысячъ побѣдоносныхъ воинствъ, говорящихъ однимъ языкомъ,

исповѣдующихъ одну Вѣру, пришли изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ Европы въ нѣдра Франціи, и ожидаютъ въ безмолвіи не призыва къ кровопролитному бою, но гласа молящихся пастырей, чтобы излить сердце свое предъ Всевышнимъ. Началась служба. Благоговѣйные звуки священныхъ пѣсней повторялись отголосками; воинство преклонило колѣна, и своимъ смиреніемъ доказало, что оно столь же благочестиво предъ Создателемъ, сколь ужасно въ битвахъ, и грозно врагамъ Россіи.

Во все время пребыванія нашего въ Вертю, были у Государя обѣденные столы въ саду. Палатки, украшенныя гирландами и разноцвѣтными огнями, нарочно были устроены славнымъ архитекторомъ Фонтенемъ. Странная игра судьбы! Наполеонъ особенно любилъ Фонтена, поручалъ ему сооруженіе памятниковъ, долженствовавшихъ увѣковѣчить царствованіе его, и тому же самому архитектору суждено было строить шатры, гдѣ Императоръ Александръ угощалъ восторжествовавшихъ надъ Наполеономъ Монарховъ и воиновъ! Фонтенъ сказывалъ мнѣ, что Наполеонъ прельстился видомъ Москвы. «Сколько колоколенъ въ Парижъ?» спросилъ онъ у Фонтена. — «Немного болѣе десяти,» отвѣчалъ архитекторъ. — «Что это противъ Москвы?» возразилъ

Наполеонъ, «тамъ ихъ сотни; велите вызолотить куполъ Инвалидной церкви.» Приказаніе было исполнено. Завоеватель не воображалъ, что доколъ не исчезнетъ позолота купола Инвалидной церкви, будетъ она каждому Русскому, заведенному любопытствомъ или другимъ случаемъ въ Парижъ, напоминать Двѣнадцатый годъ!

Въ первый день приглашены были къ объединенному столу иностранцы. Именитѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: *Австрійцы*: Императоръ Францъ, Наслѣдный Принцъ, Эрцгерцоги: Лудовикъ, Максимилианъ и Фердинандъ, Фельдмаршалъ Князь Шверценбергъ, Генералы Дука, Графъ Радецкій, Лангенау, Князь Лихтенштейнъ, Графъ Вальмодеи, Графъ Гардекъ, Графъ Сенъ - Жюльенъ, Оберъ - Гофмаршалъ Графъ Врбна и Оберъ - Шталмейстеръ Графъ Траутмансдорфъ. *Пруссаки*: Король, Наслѣдный Принцъ, Принцъ Вильгельмъ, Генералы Графъ Тауэнцицъ, Гнейзенау, Кнезебекъ, Цитенъ, Лотумъ, Шеллеръ, Пирхъ, Вольцогенъ и Военный Министръ Бойенъ. *Англичане*: Веллингтонъ, Лорды Каткертъ и Стурартъ, Генералы Гиль, Коле, Колейль, Мурай, Кемптъ, Майтландъ, Олландъ, Пактъ и Адмиралъ Сиръ Сидней Смитъ. *Баварцы*: Принцъ Карлъ, Фельдмаршалъ Князь Вреде, Генералы Бекерсъ, Сейдлицъ,

Маїлотъ, и Папценгеймъ. *Виртембергскій* Наслѣдній Принцъ; *Оранскій* Принцъ и при немъ Генераль Фагель; Принцъ Меклембургъ—Стрелицскій; *Баденскій* Генераль Стокгорцъ; *Шведскій* Посланникъ Графъ Левенгельмъ; Герцогъ *Кобургскій* и братъ его Принцъ Леопольдъ; Принцъ *Гессенъ-Гомбургскій*; *Французы*: Дюкъ де-Ришедь, Баронъ Дамасъ и многіе другіе.

Когда бывшіе въ Вертю иностранцы разъѣхались, Государь выбиралъ изъ арміи людей въ гвардію и гренадеры, провелъ весь день на полѣ, былъ отъменно веселъ, подѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ ихъ и удостоилъ многихъ наградами. Графъ Барклай де-Толли былъ возведенъ въ Княжеское достоинство. Онъ начиналъ уже чувствовать ослабленіе силъ, изнуренныхъ ранами и трудами, и передъ походомъ 1815-го года желалъ на некоторое время удалиться отъ дѣлъ для отдохновенія. Государь соизволилъ на его просьбу, но писалъ ему, что «армія никогда и ни въ какое время не должна выходить изъ-подъ его начальства.» Движеніе войскъ изъ Царства Польскаго во Францію воспретствовало его отпуску. Въ тотъ же день приглашены были къ обѣденному столу Государя всеи наци генералы, командиры полковъ и артиллерійскихъ

ротъ и корпусные оберъ-квартирмейстеры. За столомъ находилось слишкомъ триста особъ. Не легко найти собраніе, составленное изъ людей, стяжавшихъ болѣе славы. Здѣсь отражались могущество и слава Россіи, которыхъ офицеры сіи были достойными представителями. Бурные послѣдніе годы сослѣпляли ихъ вмѣстѣ; какъ братья, дѣлили они между собою труды и побѣды, презирали голодъ и непогоды, проходили горы, рѣки и Царства, гдѣ предки ихъ никогда не бывали съ оружіемъ въ рукахъ, и по совершеніи великаго подвига, готовились къ возвращенію въ отечество. Передъ столомъ и послѣ обѣда, Государь подходилъ почти къ каждому изъ нихъ, и называя ихъ Своими *сослуживцами*, благодарилъ ихъ отъ искренняго сердца, и въ выраженіяхъ, для каждаго незабвенныхъ. Всѣ были глубоко тронуты Монаршимъ вниманіемъ, у иныхъ сверкали на глазахъ слезы.

Желая сохранить память смотра при Вертю, Государь велѣлъ пригласить туда изъ Парижа живописца Пажетти, известнаго двумя написанными имъ картинами: одна изображаетъ переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ, другая молебствіе Императора Александра въ Парижъ, въ 1814-мъ году, на площади Лудовика XV-го. Въ Вертю, Пажетти сдѣлалъ

шесть рисунковъ, представляя на одномъ молебствіе, на трехъ смотры, и на двухъ объѣды. Такимъ образомъ кисти Пажетти суждено было начертать начало великой войны и окончаніе ея, совершившееся на поляхъ Шампань. Счастливъ писатель, кому удастся передать потомству происшествія сихъ трехъ лѣтъ, съ безпристрастіемъ и краспорѣчіемъ историка!

При окончаніи смотра при Вертю, отданъ былъ слѣдующій, Высочайшій приказъ войскамъ:

«Измѣна и коварные замыслы врага всеобщаго
«покоя, привели васъ, храбрые воины, опять на тѣ
«поля, гдѣ не съ большимъ годъ одержали вы побѣ-
«ду надъ непріателемъ, и по пятамъ его проложили
«себѣ путь къ Парижу. Благодареніе Всевышнему,
«храбрость ваша, всему свѣту извѣстная, не имѣла
«новаго испытанія; ибо мѣры, предпринятыя Союз-
«ными Державами вообще, противопоставили оплотъ
«дерзости Наполеона Бонапарте прежде, нежели воз-
«надобилась помощь ваша на полѣ битвы, и самъ
«онъ, наконецъ, достался въ плѣнъ. Но тѣмъ неме-
«нѣе, быстрымъ переходомъ отъ Днѣпра и Двины
«къ Сень, вы показали, что спокойствіе Европы не
«есть чуждое для Россіи дѣло, и что не взирая ни
«на какое разстояніе, вы, по гласу Отечества и Ца-
«ря, вездѣ, гдѣ должно побороть правдѣ. Отпуская

«теперь васъ въ любезное отечество, пріятно Мнѣ
«изъявить вамъ, *сослуживцамъ* Моимъ, благодарность
«за усердіе ваше и за ту исправность, какую нашель
«Я при осмотрѣ рядовъ вашихъ на поляхъ Шам-
«паньи. Смотрѣ сей, гдѣ, въ глазахъ Союзныхъ Го-
«сударей и Полководцевъ ихъ, оспоривали другъ
«друга полки и артиллерія въ устройствѣ, движені-
«яхъ и исправности одежды и аммуниціи, останется
«навсегда памятникомъ вашимъ. Благодарю также
«васъ за сохраненіе строгой дисциплины и за доброе
«поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому от-
«даютъ справедливость сами обыватели. Главнокоман-
«дующему арміею, Генералъ-Фельдмаршалу Князю
«Барклаю де-Толли, за таковое устройство предво-
«дительствоемыхъ имъ войскъ, объявляю особенное
«благоволеніе Мое, равно корпуснымъ командирамъ,
«Дохтурову, Сакену, Раевскому, Винценгероде, Са-
«банееву, Ермолову и Графу Палену, Начальнику
«Главнаго Штаба арміи Дибичу, Начальнику артил-
«леріи Князю Яшвилю, всѣмъ Гг. Генераламъ, диви-
«зійнымъ, бригаднымъ и состоящимъ при дивизион-
«ныхъ начальникахъ, полковымъ и ротнымъ коман-
«дирамъ, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и ниж-
«нимъ чинамъ. Да сопутствуетъ вамъ благословеніе
«Превѣчнаго на возвратномъ шествіи вашемъ. Монция

«десница Его, сохранивъ васъ отъ золь, войною
«наносимыхъ, указываетъ вамъ нынѣ путь въ нѣдра
«семейственныя. Возчувствуйте благодать Его къ се-
«бѣ, помня безпрестанно святой законъ Его, и что
«милосердіе Божіе вездѣ намъ было помощію, ибо
«всегда возлагали все упованіе наше на Него.»

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе изъ Вертю въ Парижъ.—Письма Французовъ.—Покупка Мальмезонской галлерей.—Страсть Французовъ къ ордамъ.—Аудіенціи.—Образъ жизни Государя.—Священный Союзъ —Параллель между Александромъ и Наполеономъ.

31-го Августа, вечеромъ, мы выехали изъ Вертю. Мѣсяцъ серебрилъ берега Марны. Ночь была прекрасная; въ моихъ глазахъ довершало ея прелесть множество Русскихъ колясокъ, обгонявшихъ одна другую, и ѣхавшихъ по Франціи съ Русскихъ маневровъ. На другое утро мы возвратились въ Парижъ, гдѣ прожили еще двѣ недѣли, проведенныя Государемъ въ дипломатическихъ переговорахъ и приготовленіяхъ къ возвращенію Союзныхъ армій изъ Франціи. Между тѣмъ Французы всѣхъ сословій, почитая Государя своимъ покровителемъ, обременяли

Его множествомъ писемъ; число ихъ простиралось ежедневно до сорока, и ни одно, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, не оставалось безъ отвѣта. Письма получались изъ провинцій, но большею частію по городской Парижской почтѣ, и были приносимы ко мнѣ. Накопившіяся въ теченіе дня, я отдавалъ въ восемь часовъ вечера камердинеру Государя. На другое утро получалъ я ихъ обратно отъ Князя Волконскаго, и почти на каждомъ, сколько содержаніе ни бывало маловажно, находилось собственноручное Государево краткое рѣшеніе, которое заранѣе можно было угадывать, потому что въ отвѣтахъ Своихъ Императоръ придерживался нѣкоторыхъ постоянныхъ правилъ. Такимъ образомъ всѣмъ, желавшимъ вступить въ нашу службу, отказывали, подѣ предлогомъ, что у насъ достаточно Русскихъ офицеровъ, и не принято къ намъ ни одного Француза. Въ числѣ просившихся находился капитанъ Шамбюръ, извѣстный во время осады Данцига удальствомъ своимъ, прекрасно изображеннымъ въ Рославлевѣ, Загоскина. Тѣмъ, кто просили сообщить имъ свѣдѣнія о родственникахъ ихъ, находившихся съ Наполеономъ въ походъ 1812-го года, и не подававшихъ съ того времени никакихъ о себѣ извѣстій, отвѣчали, что всѣ плѣнные возвращены,

и въ Россіи остались только желавшіе добровольно у насъ поселиться. Требовавшимъ помощи, посылали денежное вспоможеніе, но не прежде, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи въ недостаточномъ ихъ состояніи. Многіе подносили картины, статуи, медали, древности, оружіе. Государь не принималъ приношеній, и приказывалъ возвращать ихъ при благодарственныхъ письмахъ. Прозаическія и стихотворныя сочиненія, писанныя въ честь Его Величества, оставляемы были безъ вниманія; но каждый разъ, когда дѣло шло о машинѣ или изобрѣтеніи, которыя съ пользою могли быть употреблены въ Россіи, посылали ихъ осматривать, и ежели находили достойными вниманія, приносили машины, модели или проекты въ комнаты Императора. Посвященія книгъ, Его Величество не принималъ безъ предварительнаго совѣщанія съ Лагарпомъ, къ которому подносимыя рукописи отправлялись на разсмотрѣніе. Лагарпъ былъ весьма разборчивъ въ сужденіяхъ своихъ и обыкновенно совѣтовалъ разрѣшать посвященія только на книги, печатаемыя вторымъ изданіемъ. Въ то время, по волѣ Государя, была куплена для Эрмитажа Мальмезонская галлерей, состоящая изъ 38-ми картинъ и 4-хъ мраморныхъ статуй. Четыре ландшафта Клодъ-Лорена были оцѣнены въ 250,000,

Рембрандтово Снятіе со креста въ 40,000, а Поттерова знаменитая *коровка*, въ 200,000 франковъ. За всю галерею заплатили 900,000 франковъ, большею частию взятыхъ изъ внесенной Франціею контрибуціи.

Изъ числа великаго множества писемъ къ Государю, помѣшаю слѣдующее остроумнаго писателя Жанъ-Поля Рихтера: «Въ наше великое время, когда Ваше Величество приняли на Себя посредничество между Державами Европы, подобно тому, какъ прежде Вы были спасителемъ ея, и когда Вы изъ Ангела-хранителя побѣды сдѣлались Ангеломъ-хранителемъ мира, является передъ Престолъ Вашъ самое маловажное дѣло. Но, какъ для разума ничто не велико, такъ для благодати ничто не мало. Больше двадцати пяти лѣтъ посвятилъ я Музамъ и древностямъ. Бывшій Великій Герцогъ Франкфуртскій положилъ мнѣ тысячу гульденовъ пенсіи, вспо-могавъ убогорожденному, котораго тѣло живетъ только духомъ его, но, по занятіи Франкфурта Союзными войсками, временное правительство отказываетъ мнѣ въ выдачѣ пенсіи впредь до разрѣшенія. Неужели Высокіе Союзники, сражавшіеся за свободу и просвѣщеніе Германіи, откажутъ въ пособіи литератору, защищавшему перомъ Европейскую свободу, въ такое время, когда личная безопасность

«его была во власти какого нибудь Даву? Обраща-
 «юсь къ сердцу Александра, ибо въ вѣкъ эгонизма
 «благодѣтельное Провидѣніе возвело на высочайшій
 «Престолъ въ мірѣ олицетворенное челоуѣколюбіе,
 «Обращаюсь къ Его разуму, покровительствующему
 «просвѣщенію. Вамъ не нужно распространять Ва-
 «шей Имперіи, но Вы увеличите огромное, непре-
 «дѣльное царство наукъ, и Сѣверу, имѣющему по
 «географическому положенію самыя долгіе дни, да-
 «руете и умственно должайшіе. Да проститъ мнѣ
 «Монархъ, Чей скипетръ подобенъ магниту, притя-
 «гивающему къ себѣ любовію, смѣлость упованій,
 «возлагаемыхъ на Него частными лицами и народа-
 «ми. Наслаждайтесь долго, Государь, единственною
 «прочною всемірною Монархіею—всемірною Монар-
 «хіею любви, основанною Вами на обломкахъ Мо-
 «нархіи зла и ненависти. Пусть радость, взирая на
 «Васъ, много лѣтъ проливаетъ слезы, а скорбь о по-
 «терѣ Вашей пусть долго, долго не опечалитъ
 «челоуѣчества.» (*)

(*) Mitten in der erhabenen Zeit, da Ew. Kaiserliche Ma-
 jestat der Schiedsrichter Europa's sind, wie vorher
 der Befreyer derselben, und Sie aus dem Schutzgeiste
 des Sieges der Schutzgeist des Friedens werden, tritt
 eine kleine Angelenheit vor Ihren Thron. Doch wie

Французы, не менѣе прочихъ иностранцевъ, оказывали пристрастія къ нашимъ орденамъ. Почти

dem Geiste nichts zu gross, so ist der Güte nichts zu klein. Über fünf und zwanzig Jahre hatte ich für die Musen und die Philologie gearbeitet, als mir ein einziger deutscher Fürst, der vormalige Grossherzog von Frankfurt, im Jahre 1808, eine jährliche Pension von tausend Gulden bewilligte, um den Armgeborenen zu unterstützen, dessen Körper bloss von seinem Geiste lebt. Nach der siegreichen Besetzung des Grossherzogthums wurde mir von 1814 die Fortsetzung der Pension vom Generalgouvernement verweigert bis auf höhere Entscheidung. Werden die hohen Verbündeten, welche für deutsche Freiheit und deutsche Wissenschaft zugleich gekämpft, die fürstliche Unterstützung eines Schriftstellers zurücknehmen gebieten, welcher zu einer Zeit für Europäische Freiheit geschrieben, wo er seine eigene einem Davoust bloß stellte? Ich wende mich hier an das Herz Alexanders, da die wohlwollende Vorsehung gerade im Jahrhunderte des Egoismus die Menschenliebe auf den höchsten Thron Europa's gesetzt. Ich wende mich hier an seinen Geist, der Geister beschützt, und welcher, da er kein anderes grosses Reich mehr vergrössern hat, als das grösste, grenzenlose, das der Wissenschaften, dem Norden auch

каждый день приходили просительныя объ орденахъ письма. Изъ слѣдующихъ примѣровъ можно усмотрѣть, до какой степени простиралось сумасбродство Французовъ. Одинъ просилъ креста за службу дяди своего въ Россіи. Ему отвѣчали, что у насъ награждаютъ только тѣхъ, кто самъ отличился, а не племянниковъ ихъ. Другой просилъ медали, установленной въ память 1812-го года, третій ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Графиня Пюже де-Бурбонъ домогалась ордена Св. Анны, за то, что она знатнаго происхожденія и много пострадала отъ революціи. Генераль Груши просилъ Государя ходатайствовать у Лудовика XVIII объ утвержденіи его въ чинъ Маршала, пожалованнаго ему Наполеономъ послѣ бѣгства съ острова Эльбы. Забавнѣе другихъ было

geistlängste Tage zu den geographischen geben will. Möge der Herscher, dessen Zepter dem Magnete ähnlich ist, weleher zugleich liebend anzieht und lehrend die Gegenden des Himmels zeigt, die Kühnheit der Hoffnungen verzeihen, zu welchen Er Individuen wie Länder erhebt. Geniessen, Ew. Majestät, lange die einzige dauerhafte Universalmonarchie, die der Liebe, nach dem Sie die hassende und ghasste gestürzt, und lange weine die Freude vor Ihnen, und erst spät die Trauer um Sie.

письмо одного Французскаго генерала. Пространно излагая свою службу, онъ описывалъ подвиги свои въ войнахъ Наполеона съ Россією, говорилъ, что сражался противъ насъ храбро, и потому полагалъ имѣть несомнѣнное право на полученіе Русскаго ордена. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что у насъ до сихъ поръ учреждены знаки отличія только для тѣхъ, кто сражается за Россію, но когда будетъ установленъ орденъ для военныхъ, служащихъ въ непріятельскихъ рядахъ, непременно награждать имъ сего Генерала. Отвергая неумѣстныя прозбы, Государь награждалъ истинное достоинство орденами и подарками. Между прочими удостоились щедротъ его знаменитый естествоиспытатель Кювье, агрономъ Фелленбергъ, Песталоцци, Итальянскіи переводчикъ Карамзина, Четти, политическіе писатели Бентамъ и Иекель, Фридрихъ Шлегель, Каровъ, Вольфратъ, оріенталистъ Гаммеръ, архитекторы Фонтенъ и Персье, живописцы Жераръ и Изабе, и другіе писатели и художники, стяжавшіе произведеніями своими извѣстность въ просвѣщенномъ мірѣ.

Многіе Французы просили аудіенцій у Государя, и были доускаемы, но не иначе, какъ послѣ предварительныхъ объ нихъ справокъ. Въ числѣ ихъ находился генералъ, произведенный въ послѣдствіи

въ маршалы, и известный за ревностнаго почитателя Наполеона. Приѣхавъ въ назначенный часъ во дворець, онъ просилъ отрывистымъ голосомъ, чтобы объ немъ доложили, а между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатъ, не глядя ни на кого. Вскорѣ позвали его къ Государю. Онъ пребылъ въ кабинетъ Императора съ полчаса, и вышелъ оттуда уже не съ прежнимъ свирѣпымъ видомъ, но со слезами на глазахъ, взялъ за руку дежурнаго Флигель-Адъютанта, Князя Никиту Волконскаго, и сказалъ: «*Votre Empereur est un sorcier!*» Греческое духовенство было и въ Парижѣ особенно покровительствуемо Государемъ. Архимандриту, по имени Исахарію, выдававшему себя за потомка древнихъ Царей Израильскихъ, пожаловано было 1,200 франковъ пожизненной пенсіи и Владимірскій крестъ; Архимандриту Арсенію и другимъ сдѣлано денежное награжденіе. Вообще ни одинъ изъ духовныхъ православнаго исповѣданія не выходилъ изъ кабинета Императора, не получивъ наградъ отъ щедротъ Его.

Во время пребыванія Своего въ Парижѣ, въ 1815-мъ году, Государь жилъ уединенно. Онъ вставалъ обыкновенно въ восьмомъ часу, и отдавалъ приказанія Начальнику Своего Главнаго Штаба, Князю Волконскому, уходилъ въ садъ, гдѣ проводилъ все утро, и

сживалъ иногда за письменнымъ столомъ часовъ по пяти, что я изъ окна моеѣ комнаты видалъ ежедневно. Онъ обѣдалъ въ два часа, большею частію съ Великими Князьями и Генералами Уваровымъ, Коновницынымъ, Княземъ Волконскимъ и другими, приглашаемыми поочередно. Въ шесть часовъ подводили къ заднему крыльцу лошадь, и Онъ ѣзжалъ верхомъ по окрестностямъ Парижа, во фракъ, сопровождаемый жокеемъ. По возвращеніи съ прогулокъ, Онъ проводилъ вечера одинъ, или у Баронессы Криднеръ, жившей близъ Элизе-Бурбонъ. Въ прошедшемъ году Государь посѣщалъ Императрицу Іозефину, дочь ея Гортензію, Талейрана, Маршаловъ Нея, Мармона, Ожеро и другихъ, но въ 1815-мъ году почти ни къ кому не ѣздилъ, кромѣ Императора Франца, Короля Пруссаго, Лудовика XVIII-го и Веллингтона. Любовь къ уединенію становилась примѣтно отличительною чертою Его характера. Находясь на самой возвышенной чредѣ, на какую смертному когда либо предоставлено было взойти, совершивъ величайшій подвигъ въ свѣтъ, избавленіемъ Европы отъ военнаго деспотизма и всемірнаго преобладанія, содѣлавшись земнымъ Провидѣніемъ современниковъ, Онъ чувствовалъ необходимость чаще быть съ Самимъ Собою, и полюбилъ уединеніе, представляющее обильный,

неисчерпаемый источникъ душевныхъ силъ и новыхъ соображеній. Часто посѣщаль Онъ комнаты, гдѣ Наполеонъ провелъ послѣдніе дни владычества своего и отрекся отъ престола. Никто не занималъ комнату его; мебели находились на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и при немъ; въ кабинетъ его стояли недогорѣлыя свѣчи; ни къ чему не велѣно было прикасаться. Бывшіе въ Элизе-Бурбонъ Наполеоновы садовники, привратники и служители не лишились при Государь мѣсть своихъ; садъ сохранялся въ прежнемъ видѣ; по чистому пруду его плавали два лебедя, любимые Наполеономъ; Государь кормилъ ихъ изъ Своихъ рукъ. Казалось, ничто не перемѣнилось въ Элизе - Бурбонъ : только мѣсто завоевателя, посягнувшаго на святость законныхъ престоловъ, на просвѣщеніе, на свободу торговли и промышленности, заступилъ Тотъ, Кто, исполненный любви къ Богу и людямъ, возвращалъ Монархамъ и ихъ подданнымъ миръ и благоденствіе. Нельзя было ходить по дворцу Элизе-Бурбонъ и темнымъ аллеямъ его сада, не дѣлая сравненія между Александромъ и Наполеономъ; до позднѣйшихъ вѣковъ люди будутъ стекаться сюда, размышлять о превратности Царствъ, и вспоминать объ Александрѣ, какъ Онъ, здѣсь, въ чертогахъ Своего соперника, стоя на высшей

степени земнаго величія, жилъ въ глубокой тишинѣ, возносясь мыслію къ Небу.

Въ то время Государь начерталъ Священный Союзъ, основанный на ученіи Вѣры, «повелѣвающей жить «людямъ, какъ братіямъ, на заповѣдяхъ любви, «правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь «приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, «долженствуютъ напротивъ того непосредственно «управлять волею Царей и водительствовать всеми ихъ «дѣяніями, яко единственное средство, утверждающее «человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ «несовершенство.» Всѣ Державы, кромѣ Англіи, Папы и Порты, приступили къ договору. До конца жизни Александра былъ онъ ненарушимо сохраняемъ, и обязывалъ подписавшихъ его почитать себя соединенными связью неразрывнаго братства и членами одного народа христіанскаго. Демагогическіе писатели не перестаютъ до сихъ поръ поносить Священный Союзъ, потому что онъ поставлялъ непреодолимую преграду войнамъ, переворотамъ и крамоламъ, образующимъ стихію бытія либеральныхъ глашатаевъ. Но милліоны благомыслящихъ людей взирали на него, какъ на ручательство незыблемости законныхъ престоловъ, необходимыхъ для общаго спокойствія, для распространенія торговли, развитія наукъ, искусствъ

и промышленности. Они видѣли въ немъ прочное основаніе мира, составляющаго конечную цѣль существованія народовъ. Сей важный актъ, небывалое дотогѣ явленіе въ политическомъ мѣрѣ, останется навсегда предметомъ благоговѣйнаго почитанія потомства, имѣвши цѣлью упрочить благоденствіе вселенной соединеніемъ политики съ уставами Божественнаго закона. Имя Александра, Виновника Союза, внесется въ число пламенныхъ любителей рода человеческого, котораго Онъ былъ честью, славою, украшеніемъ.

Такимъ торжественнымъ, священнымъ подвигомъ заключилъ Александръ десятилѣтнюю борьбу Свою съ Наполеономъ. Оба мощные противника были величайшими мужами своего времени. Появленіе обоихъ въ политическомъ мѣрѣ ознаменовалось рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго ихъ шага на поприще дѣятельности, они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной Исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ, на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь Европы. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ полководцемъ. Тогда Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола, и подавалъ надежду содѣлаться образцомъ кроткихъ добродѣтелей,

какимъ Онъ при вступленіи Своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки Наполеона ознаменованы были нѣскольکو лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями, предприимчивостію и желѣзною волею въ исполненіи его предназначеній. Онъ угрожалъ сдѣлаться бичемъ Европы и ниспровергнуть существовавшій порядокъ. Вникая тщательно въ законенія, изданныя въ первые годы царствованія Александра, находимъ ихъ достойными служить украшеніемъ вѣка Траянова и Антонинова. Наполеонъ производилъ удивленіе, Александръ исторгалъ слезы радости у друзей челоувѣчества. Въ 1805-мъ году началось состязаніе ихъ на ратномъ полѣ. Борьба продолжалась ровно десять лѣтъ, съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго вшествія Русскихъ въ Парижъ: то была брань зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Истощивъ всѣ способы снисхожденія, Александръ облекся въ силу нравственную; непоколебимость Его и постоянство, внушенныя убѣжденіемъ въ правотѣ Своего дѣла, сокрушили неодолимаго дотолѣ Его противника. Въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Наполеонъ являлъ малодушіе, прибѣгалъ къ переговорамъ, просилъ у Александра мира, и, наконецъ, у воротъ Парижа, молилъ

Его о помилованіи, соглашаясь на весь предложеніи; Александръ никогда не колебался въ напастяхъ, и твердостью духа Своего спасъ Россію, избавленіе коей даровало новое бытіе Европѣ. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы огненною чертою; Александръ являлся благодѣтелемъ непріятельскаго края. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы Монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, пожаръ и грабежъ Москвы, за взорванный Кремль, Александръ заплатилъ спасеніемъ Парижа. Непоколебимый въ бѣдствіяхъ, Онъ показалъ въ Парижѣ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра: неслыханныя дотошъ побѣды не вселили въ Него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія передъ Богомъ. Сокрушивъ Своего противника, Онъ не мстилъ падшему съ неизмѣрной высоты, и Наполеонъ, на ужасной скалѣ, среди океана, изгнанный изъ Европы, покрытый проклятіями полсвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра, повелѣвавшаго Своему посланному на островъ Св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. «Вы единственное провидѣніе, оставшееся на землѣ «для семейства нашего,» такъ говорилъ Государю

одинъ изъ братьевъ Наполеона. (*) Когда Александръ освободилъ порабощенную Европу, Онъ учредилъ Христіанскій Союзъ, основалъ всеобщій миръ, и поддерживалъ его всѣми силами, какія представляла Ему обширнѣйшая въ свѣтъ Имперія. Во время могущества Наполеонова, безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ, подобно сыпамъ Израиля, покоря, безъ цѣли, одно Государство за другимъ, сооружая новые Престолаы, ниспровергая древнія царственныя поколѣнія, по милліонъ войскъ, содержи-мыхъ Александромъ, за что несправедливо современники дѣлали Ему упреки, употреблепъ былъ исключительно на утвержденіе спокойствія. Да, и можно ли было послѣ двадцати-пятилѣтнихъ волненій не имѣть Ему обнаженнаго оружія, когда бунты возникали въ разныхъ концахъ Европы, въ Неаполь, Пьемонтъ и Испанію? Мятежи исчезали по мановенію Александра, и Европа, въ остальные годы Его жизни, наслаждалася ненарушимымъ миромъ. Александръ есть мой настоящій преемникъ,» сказалъ Наполеонъ на островъ Святой Елены. Онъ правъ; но Александръ, сдѣлавшись рѣшителемъ Европейской политики, уподоблялся ясному небу, когда оно послѣ свирѣпыхъ бурь, колебавшихъ море

(*) Страница 153.

и угрожавшихъ мореходцу гибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе. Наполеонъ и Александръ, оба угасли въ цвѣтъ и крѣпости лѣтъ, далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ: одинъ подъ знойнымъ солнцемъ Африки, а Другой на берегахъ Азовскаго моря, у предѣловъ Азіи; одинъ умеръ въ цѣпяхъ, а Другой, въ величіи и славѣ, почилъ спомъ праведныхъ. На кощину Наполеона взирали современники безъ участія, какъ на тяготившій нѣкогда надъ ними метеоръ, наконецъ канувшій въ вѣчность; смерть Александра оплакана въ обонхъ полушаріяхъ, и имя Его сопричтено единодушно, всѣми народами, къ немногому числу тѣхъ избранныхъ Вѣнецпосцевъ, которые побѣду и могущество обращали единственно на благо человѣческаго рода.

ГЛАВА XV.

Подписание мира. — Отъездъ изъ Парижа въ Брюссель. — Генералъ Фуль. — Поле Ватерлооскаго сраженія. — Отъездъ изъ Брюсселя въ Швейцарію.

Въ половинѣ Сентября мѣсяца, Русская армія тронулась въ обратный походъ изъ Франціи въ Россію, и послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ Государь вновь явился защитникомъ Франціи, главныя Державы согласились на мирныя статьи, обезпечившія спокойствіе Европы и Престоль Людовика XVIII. Франція принуждена была уступить нѣсколько земель, заплатить семь сотъ милліоновъ франковъ дани, и содержать 150,000 человекъ Союзныхъ войскъ въ восемнадцати крѣпостяхъ, въ продолженіе пяти лѣтъ. Герцогъ Веллингтонъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ сихъ войскъ, готовыхъ, въ

случай могшихъ возникнуть во Франціи возмущеніи, тотчасъ прекратить бунтъ, и въ трое сутки явиться подъ стѣнами Парижа. Въ армію Веллингтона поступили, подъ начальствомъ Графа Воронцова, одна конная и двѣ пѣхотныя Русскія дивизіи, заключавшія въ себѣ, вмѣстѣ съ нестроевыми, около 27,000 человекъ, при 84-хъ орудіяхъ. Во время трехъ-лѣтняго пребыванія своего во Франціи, Графъ Воронцовъ сохранилъ въ войскахъ строгую подчиненность, порядокъ необыкновенный и пріобрѣлъ отличное уваженіе жителей занятаго имъ края. Окончательное подписаніе мирнаго договора съ Франціею отложили до Ноября мѣсяца, потому что разныя статистическія свѣдѣнія, нужныя для составленія нѣкоторыхъ статей договора, не могли быть получены прежде. Сверхъ того, 13-го Сентября назначено было открытіе Французскихъ Палатъ, и къ тому дню Государю угодно было уже находиться внѣ Парижа, дабы предоставить Лудовику XVIII дѣйствовать совершенно какъ независимому Монарху, по своему усмотрѣнію. Сперва Государь думалъ ѣхать въ Дижонъ, потомъ въ Брюссель, оттуда черезъ Франкфуртъ и Барейтъ въ Прагу, Бреславль и Берлинъ, но послѣ перемѣнилъ свое предположеніе, и вознамѣрился ѣхать изъ Парижа въ Брюссель, оттуда въ Шомонъ, на смотръ

Баварскихъ войскъ, потомъ въ Дижонъ, гдѣ была собрана Австрійская армія, а въ заключеніе, черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ и Варшаву. Маршрутъ для Высочайшаго путешествія по Швейцаріи, съ означеніемъ всего, заслуживающаго вниманія, былъ написанъ Лагарпомъ.

13-го Сентября Государь отправился изъ Парижа рано поутру, когда столица погружена была въ сонъ. Проезжая по пустыннымъ въ то время улицамъ ея, и смотря впослѣдніе на ея великолѣпныя зданія, нельзя было не ощущать разныхъ впечатлѣній, возбужденныхъ трехъ-мѣсячнымъ пребываніемъ въ Парижѣ, имя котораго нынѣ сопряжено навѣки со славою Россіи. На первомъ ночлегѣ, въ Перовнѣ, помещена была на приготовленномъ для Государя домѣ слѣдующая надпись: «Александрѣ призна-
«тельная Франція!» На другое утро мы проѣзжали недавно сгорѣвшее село Гозонкуръ. Государь пожаловалъ жителямъ двѣ тысячи франковъ, и приказалъ Посланнику нашему въ Парижѣ ходатайствовать отъ имени Его у Французскаго правительства о вспоможеніи погорѣвшему селенію. Я ѣхалъ за нѣсколько верстъ впереди Государя, и приближаясь къ крѣпости Камбре, не сдавшейся еще Союзникамъ, намѣренъ былъ миновать ее, тѣмъ болѣе,

что лошади были для насъ приготовлены въ полѣ, но ко мнѣ вышли на встрѣчу депутаты и просили ѣхать черезъ городъ, на что я согласился. Подобное предложеніе сдѣлано было мнѣ въ Валансентъ, гдѣ также развѣвались еще Наполеоновы знамена. Въ обѣихъ крѣпостяхъ караулы выходили къ ружью, дома были украшены цвѣтами, улицы усыпаны пескомъ, и тысячи народа привѣтствовали восклицаніями: «Да здравствуетъ Александръ!»

На послѣдней станціи передъ Брюсселемъ ожидалъ Государя Орайскій Принцъ, съ подвязанною рукою, прострѣленною при Ватерло. Тутъ же находился Генераль Фуль, извѣстный въ началѣ Отечественной войны. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его; они не покажутся излишними для тѣхъ, кто помнитъ, какъ много дорожили его мнѣніями передъ войною: «Планъ мой,» сказалъ мнѣ Фуль, «состоялъ въ томъ, чтобы первой арміи, «отступая отъ Вильны къ Двинѣ, заманивать за собою «непріятеля, а второй дѣйствовать на пути его «сообщеній. Для того избралъ я лагерь при Дриссѣ, «откуда можно было угрожать непріятелю атакою «съ фронта, а еслибы Наполеонъ овладѣлъ Дрис- «скимъ лагеремъ, то я совѣтовалъ идти по направ- «ленію къ Новгороду. Посредствомъ такого движенія,

«Москва и Петербургъ избавлялись нашествія не-
«пріятельскаго, а отъ преслѣдованія насъ и про-
«должительныхъ переходовъ, силы Наполеона прихо-
«дили бы въ изнеможеніе, тѣмъ болѣе, что въ то
«время вторая армія должна была беспокоить
«тылъ его и фланги. За нѣсколько мѣсяцевъ до вой-
«ны утверждалъ я необходимость завлечь Напо-
«леона во внутрь Россіи.» Въ заключеніе разговора
моего съ Фулемъ, спросилъ я его, почему онъ не
носитъ медали, установленной за походъ 1812-го
года? «Я сохранилъ,» отвѣчалъ онъ, «въ воспомина-
«ніе этой войны только чистую совѣсть; могу увѣ-
«рить васъ, что изъ всѣхъ иностранцевъ, служив-
«шихъ въ Россіи, никто менѣе меня не дѣйстви-
«валъ изъ честолюбивыхъ видовъ; я искалъ только
«пользы вашего отечества.»

Отъ послѣдней станціи до самаго Брюсселя доро-
га уставлена была щегольскими экипажами, выѣхав-
шими на встрѣчу Императору. Для Государя былъ
приготовленъ въ Брюссель домъ Маркиза д'Аше,
потому что дворець Королевскій, похожій на жили-
ще частнаго человека, такъ тѣсенъ, что для Госу-
даря не было въ немъ помѣщенія. Камергеры, па-
жи и другіе чины Нидерландскаго Двора пеловки и
одѣты небогато. Казалось, они еще не привыкли къ

придворному ремеслу, требующему, какъ и всякое другое занятіе, долготѣняго навыка. Легко можно было замѣтить, что многіе изъ нихъ не потомки феодалныхъ рыцарей, но внуки купцовъ, нѣкогда установленныхъ на Амстердамской биржѣ ходъ всемірной торговли. Впрочемъ, Королевство Нидерландское существовало такъ недавно, что Правительство не имѣло времени заняться составленіемъ Двора, и притомъ оно было въ трудномъ положеніи, касательно возникавшей между Голландцами и Бельгійцами ненависти, отъ различія языка, правовъ и вѣры.

Находясь въ Брюсселѣ, желалъ я видѣть поле Ватерлоской битвы, гдѣ за три мѣсяца передъ тѣмъ рѣшенъ былъ жребій Наполеона. Хотя наши соотечественники не участвовали въ ней, но она для Русскихъ не чужда, бывъ довершеніемъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ войны 1812-го года, и побѣдъ Александра въ Германіи и Франціи. Въ Ватерло я взялъ проводника, того самаго, который во время сраженія находился при Наполеонѣ. Дорогою черезъ Суаньскій лѣсъ, рассказывалъ онъ мнѣ о бывшемъ тогда въ Ватерло страхѣ, потому что послѣ полудня, при видѣ великаго множества раненыхъ, жители полагали, что Французы одержали побѣду; обозы Англинской арміи получили уже приказаніе

податься назадъ. Вытхавъ изъ лѣса, увидѣлъ я Монъ-Сенъ-Жанъ, мызу Гугомонъ, Лаге-Сентъ, Бренъ-ла-Ледъ, Планшенуа и другія селенія, увѣковѣченныя сраженіемъ, послѣ Бородинскаго, самымъ кровопролитнымъ между битвами послѣднихъ вѣковъ. Въ Бородинѣ начато, а при Ватерло довершено пораженіе Наполеоновыхъ полчищъ. Достойно вниманія, что именно въ сихъ двухъ битвахъ, самыхъ важныхъ во всемъ поприщѣ Наполеона, предусмотрительность ея видны несравненно менѣе, нежели въ сраженіяхъ подъ Риволи, Ульмомъ, Аустерлицемъ, Ребургомъ и другихъ, ознаменовавшихъ его боевую жизнь, гдѣ дѣло шло объ одной побѣдѣ, а не о рѣшеніи вопроса: кому быть, кому не быть? Бородино и Ватерло останутся на всегда эпохами въ Исторіи, но наблюдатель развитія и успѣховъ военнаго искусства — ошибочно почитаемого наукою — вникая въ распоряженія Наполеона, предшествовавшія симъ сраженіямъ, и въ дѣйствія его, совершавшіяся въ продолженіе битвъ, не узнаетъ въ нихъ того, кто признанъ первымъ полководцемъ нашего вѣка.

Стараясь спасти свою славу, Французы приписываютъ пораженіе при Ватерло упадку духа въ Наполеонѣ, генералахъ и войскахъ его, но

бъшенство атакъ Французовъ доказываетъ , что при распоряженіяхъ болѣе искусныхъ , войско было готово одолѣть самую упорную оборону. Веллингтонъ находился болѣею частію при деревнѣ Лаге - Сентъ. Соотечественники его дорогою цѣною покупаютъ деревья у крестьянъ сего селенія , перевозятъ ихъ въ Англію и сажаютъ въ свои парки , какъ памятникъ народной славы. Англичане имѣютъ полное право величаться Ватерлоскимъ сраженіемъ : оно было достойнымъ возмездіемъ за неслетныя пожертвованія , принесенныя Великобританіею отъ начала революціонной войны до совершеннаго окончанія ея , наградою за постоянство Англійскаго правительства поборать гидру крамолы съ самаго ея рожденія. Въ полумерствѣ отъ Лаге - Сентъ показываютъ мѣсто , гдѣ долго стоялъ Наполеонъ. Мой проводникъ рассказывалъ съ жаромъ , какъ Наполеонъ ободрялъ войска , наступавшія на Англійскія батареи , и съ какимъ восторгомъ колонны отвѣчали на знакомый голосъ своего вождя , даже не измѣнившагося въ лицѣ , когда онъ удостовѣрился , что съ правой стороны , откуда онъ ожидалъ Маршала Груши , показались Пруссаки. Пусть живописецъ выразитъ чувствованія , обуреавшія въ ту минуту душу Наполеона , убѣжденнаго , что съ

прибытіемъ на полъ сраженія Блюхеровой арміи, померкала звѣзда его счастія, и вѣроятно на вѣки!

Я заключилъ прогулку мою у селенія Прекраснаго Союза (la Belle-Alliance). На трактиръ написано; «Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, «встрѣясь здѣсь, поздравили другъ друга съ побѣдою.» «Тутъ,» присовокупилъ проводникъ мой, «бѣгство Французовъ было общее; смятенія ихъ «описать невозможно, но Наполеонъ, котораго я не «оставлялъ ни на шагъ, сохранялъ совершенное хладнокровіе, и поворота лошадь, медленно и молча «слѣдовалъ за бѣгущими.» На полъ сраженія находятъ множество картечей, пулъ, штыковъ, латъ, пуговицъ съ Французскими орлами и тому подобнаго. Жители окрестныхъ селеній продаютъ сіи остатки разгромленной арміи любопытнымъ путешественникамъ, во множествѣ сюда стекающимся. Платя общую всѣмъ странникамъ дань, я купилъ нѣсколько подобныхъ вещей, и соединивъ ихъ съ такими же, взятыми во время Отечественной войны и въ другихъ походахъ моихъ, поставилъ ихъ въ деревенскомъ моемъ домѣ на берегахъ Пьяны: тамъ будутъ онѣ напоминать мнѣ о дняхъ бурь и тревоженій, о пламени, пожиравшемъ на великое страданіе Россію, и о торжествѣ ея. Мнѣ случилось

проѣзжать почти по всемъ знаменитымъ полямъ сраженій въ Европѣ. Весьма немногія изъ нихъ украшены памятниками. Ничто не прерываетъ первобытнаго единообразія сихъ мѣстъ; оживляютъ ихъ только рассказы обывателей, когда они изустно передаютъ дѣтямъ и внукамъ повѣствованіе о битвахъ, какъ о страшныхъ грозахъ, гремѣвшихъ надъ роднымъ кровомъ. При вторичномъ посѣщеніи моемъ поля Ватерлоскаго сраженія, во время Ахенскаго Конгресса, оно являло совсѣмъ иной видъ. Посреди плодородныхъ нивъ и роскошныхъ жатвъ возвышались мавзолеи Прускимъ и Ганноверскимъ войскамъ, и другіе монументы, воздвигнутые въ честь многихъ офицеровъ, падшихъ въ тотъ знаменитый день, и свидѣтельствовавшіе, что остались на землѣ люди, сохранившіе память тѣхъ, кто положилъ здѣсь жизнь за свободу Европы. Возвращаясь въ Брюссель, я встрѣтилъ Государя съ Принцемъ Оранскимъ; они ѣхали въ Ватерло.

21-го Сентября мы отправились изъ Брюсселя въ Дижонъ, черезъ Лаонъ, Витри и Шомонъ, мѣстами, увѣковѣченными Русскимъ войскомъ въ походѣ 1814-го года. На семь пространствъ, заключающемъ въ себѣ болѣе пяти сотъ верстъ, въ странѣ, гдѣ умы находились въ чрезвычайномъ броженіи, ни одинъ

вооруженный не сопровождалъ Государя; вездѣ, въ городахъ и селеніяхъ, множество народа ожидало проѣзда Его. Даже жители отдаленныхъ отъ большой дороги мѣстъ, старые и малые, мужчины и женщины, толпились на почтовыхъ дворахъ, желая взглянуть на спасителя Франціи—такъ они называли Государя—подавали Ему прозѣбы и говорили о своихъ нуждахъ, какъ настоящему своему Монарху. Къ вечеру втораго дня мы остановились въ Шомонѣ, гдѣ была главная квартира Баварскихъ войскъ, предводимыхъ Фельдмаршаломъ Вреде. Онъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ людей нашего времени, и много способствовалъ возвышенію своего отечества. Поприще его ознаменовано воицкими подвигами и особенно благоразумнымъ поведеніемъ его съ Державами, находившимися въ связяхъ съ Баварією. Наружность его пріятна; онъ прекрасно говоритъ, и содержитъ въ строгой подчиненности ввѣренное ему войско. Къ великолѣпному ужину, приготовленному имъ для Государя, и продолжавшемуся два часа, приглашены были всѣ Баварскіе генералы и штаб-офицеры; они съ благоговѣніемъ слушали Государя, и были очарованы Его разговорами и любезностію. На другой день, Баварская армія, состоявшая изъ двадцати батальоновъ пѣхоты и семи полковъ

копняцы, производила въ присутствіи Государя маневры. При началѣ ихъ отправили меня въ Дижонъ, къ Австрійскому Императору, просить его, чтобы онъ не ожидалъ прибытія Государева, и доложить Его Величеству, что для избѣжанія парядной встрѣчи, Государь желалъ пріѣхать ночью. Онъ прибылъ въ Дижонъ 25-го Сентября, въ три часа по полуночи, посѣтилъ поутру Императора Франца, и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ на маневрахъ 120,000 Австрійской арміи. Маневры являли совершенное подобіе битвы — последнее, напоминавшее безпримѣрную, только что конченную трехлѣтнюю войну—и происходили на тѣхъ самыхъ равнинахъ, гдѣ, за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, собрана была такъ называемая резервная армія, съ которою Наполеонъ перешелъ черезъ Сентъ-Бернаръ, и одержалъ побѣду при Маренго, основной камень его могущества. Государь, при проходѣ полка Своего имени, сталъ въ головѣ его и салютовалъ Императора Франца. Въ Дижонъ мы разстались съ Австрійцами, нашими старинными, неизмѣнными союзниками; на прощаньи, Государь пожаловалъ ордена многимъ генераламъ и офицерамъ, наиболее отличившимся въ послѣднихъ войнахъ. По окончаніи маневровъ, Государь провелъ нѣсколько времени

съ другомъ Своимъ, Императоромъ Францомъ, и побхалъ изъ Дижона въ Швейцарію. Въ этомъ путешествіи находились при Государь только Князь Волконскій и я; всь другія особы свиты Его отправились въ Берлинъ, ожидать тамъ прибытія Его Величества.

ГЛАВА XVI.

ПУТШЕСТВІЕ ПО ШВЕЙЦАРІИ.

По выѣздѣ изъ Дижона въ Швейцарію, мы имѣли первый ночлегъ въ городкѣ Люрѣ, гдѣ все населеніе ожидало Государя. По прибытіи Его, улицы Люра скоро опустѣли, потому что погода была самая бурная, шелъ проливной дождь, ревѣлъ осенній вѣтеръ. Когда пробила полночь, я подошелъ къ окну и увидѣлъ въ домѣ, насупротивъ меня находившемся, Государя. Онъ сидѣлъ за столомъ при двухъ свѣчахъ. Улица была тѣсная, ночь совершенно темная, и я могъ видѣть каждое движеніе Государя. Зрѣлище великаго Монарха, удивленно бодрствующаго въ глухую, бурную ночь, такъ врѣзалось въ моемъ воображеніи, что я какъ будто теперь имѣю Его передъ глазами. Вотъ Онъ пишетъ..... кладетъ перо...

размышляетъ....опять пишетъ.... Ударило два часа, Императоръ всталъ и пошелъ во внутреннія комнаты. Изъ Люра, мнѣ приказано было отправиться впередъ, и извѣстить начальствовавшего въ Бейфоръ Генерала Лекурба, извѣстнаго подвигами своими во время революціонныхъ войнъ, чтобы онъ не дѣлалъ Государю никакого приѣма. Не далеко отъ крѣпости, я встрѣтилъ Лекурба, ѣхавшаго на встрѣчу Государя, съ огромнымъ конвоемъ. Выслушавъ меня, онъ возвратился въ Бейфоръ, съ видомъ неудовольствія: изъ словъ моихъ ему было не трудно замѣтить, что Императоръ не желалъ его видѣть. Вскорѣ достигнулъ я береговъ Рейна. Ни одна рѣка не была столь много воспѣта стихотворцами, какъ Рейнъ. Кто, провелъ нѣсколько времени на берегахъ его, не вспомнитъ съ восхищеніемъ о картинныхъ мѣстоположеніяхъ, о добродушныхъ жителяхъ Германіи, цѣлительномъ винѣ и зеленыхъ рюмкахъ, при звукѣ которыхъ молодые люди пьютъ здоровье своихъ любезныхъ, славятъ независимость и клянутся въ вѣчной дружбѣ!

Въ Базель народъ и войска ожидали Государя, приняли Его съ восторгомъ и волновались на улицахъ до глубокой ночи. Городъ былъ иллюминированъ; передъ нашимъ домомъ горѣла слѣдующая

надпись на Пьемцкомъ языкѣ: «Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменитомъ Императорѣ Александрѣ! Смѣло началъ Онъ первый войну за «Европу.» Какъ все перемѣнилось, съ тѣхъ поръ, когда 1-го Января 1814-го года, наша армія переходила въ первый разъ черезъ Рейнъ въ Базель! По освобожденіи Германіи и прекращеніи начатыхъ во Франкфуртѣ переговоровъ, положено было вступить во Францію. Уже давно знамена наши не бывали такъ далеко отъ границъ Россіи, и никогда не готовились мы на столь отважное предпріятіе, потому что Рейнъ и крѣпости, лежащія по берегамъ его и вблизи отъ нихъ, почитались со времени Лудовика XIV неодолимою обороною Франціи. Вся Европа полагаала, что война въ недрахъ сей Державы будетъ сопряжена съ неумовѣрными трудностями; думали, что народъ Французскій, приобыкшій къ кровопролитію и исполненный воинскимъ духомъ, упорно станетъ защищать каждый шагъ родной земли. Противнаго мнѣнія былъ Императоръ Александръ. Не взирая ни на какія возраженія, Онъ настоялъ въ необходимости идти впередъ и нанести послѣдній ударъ тому, кто дерзнулъ нарушить спокойствіе нашего отечества. Счастіе увѣнчало отважное предпріятіе, и на томъ мѣстѣ, гдѣ менѣе нежели за два года

густые ряды нашихъ войскъ, при радостныхъ восклицаніяхъ ура! водружали на лѣвомъ берегу Рейна Русскія знамена, я стоялъ мирнымъ гражданиномъ, и смотрѣлъ на быстрыя волны рѣки, доколѣ не угасли огни, зажженные для празднованія прибытія Государя. Можетъ быть, на самомъ этомъ мѣстѣ, безсмертный поэтъ, находившійся тогда въ рядахъ нашихъ, почувствовавъ первое вдохновеніе воспѣть переходъ Русскихъ черезъ Рейнъ, взывалъ:

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны свѣговъ,

Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами!

27-го Сентября, рано поутру, мы выѣхали изъ Базеля въ Цюрихъ. Густой туманъ носился въ воздухѣ, но вскорѣ разсѣялся, и взору представилось множество селеній, виноградныхъ садовъ и тучныя стада, пасшіяся на богатыхъ лугахъ. Съ каждымъ шагомъ мѣста становились красивѣе. Мы проѣзжали двумя городами, Рейнфельденомъ и Брукомъ, и потомъ поднялись на высокую гору. Отсюда открылась цѣпь Альповъ. Тамъ Гриндельвальдъ, Штауббахъ, Шрекгорнъ, Гасли, Луцернское озеро, часовня Телля; далѣе, мнѣ мечтались крутизны Сень-Готарда. О мѣста незабвенныя, гдѣ протекло нѣсколько счастливыхъ недѣль моей молодости, гдѣ первые лучи солнца я встрѣчалъ на горахъ, возносящихся вершины

свои выше облаковъ, гдѣ цѣлые дни проводилъ я при шумѣ водопадовъ, посреди цвѣтущихъ долинъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на краю пропастей, и отдыхалъ въ шалашахъ Альпійскихъ пастуховъ! Часа три ѣхали мы по прелестной долинѣ, вдоль рѣки Аары, а потомъ приблизились къ живописнымъ берегамъ Лиматы, украшеннымъ непрерывною цѣпью красивыхъ домиковъ. Государь нѣсколько разъ останавливалъ коляску Свою, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ крестьянскіе дома. Въ шестомъ часу я пріѣхалъ въ Цюрихъ, и остановился въ трактиръ Меча, приготовленномъ для Императора. Изъ оконъ моей горницы видно было Цюрихское озеро, окруженное богатѣйшими селеніями. Вершины Альповъ начинали алѣть отъ заходящаго солнца; молодой мѣсяцъ сіялъ на небѣ; природа погружалась въ вечернюю тишину. Вдругъ барабанный бой и радостные крики народа возвѣстили прибытіе Государя. Нашъ домъ наполнился чиновниками Республики, спѣшившими представиться Его Величеству. Послѣ представленія Государь поѣхалъ на балъ, данный городомъ, по случаю Его прибытія. Здѣсь находился также Русскій Посланникъ — явленіе новое, потому что прежде Парижскаго мира, Россія не содержала посольства при Гельветическомъ Союзѣ;

учрежденіе здѣсь миссіи было однимъ изъ доказательствъ распространенія политическаго вліянія нашего на дѣла Европы. Швейцарки были на балѣ не совѣмъ ловки: живя въ тѣсномъ семейномъ кругѣ, онѣ не привыкли къ многолюднымъ собраніямъ. Любопытство ихъ было сильно возбуждено присутствіемъ Государя; онѣ слѣдили за каждымъ движеніемъ Его, за каждымъ взглядомъ.

На другой день поутру, Государь посѣщалъ могилу Геснера, а мнѣ вельно было ѣхать впередъ, въ Констанцъ. Поднимаясь на гору, лежащую близъ Цюриха, я смотрѣлъ долго съ восхищеніемъ на Цюрихское озеро и тысячи излучистыхъ тропинокъ, извинаящихся около селеній. Проведя нѣсколько лѣтъ въ разсыянности воинской жизни и посреди Царскихъ дворцевъ, мнѣ казалось, что я уже отжилъ для красотъ природы, и что онѣ не принесутъ мнѣ болѣе, какъ во дни юности, истиннаго наслажденія; но взглядъ на Лимату и Альпы пробудилъ усыпленные чувства: грудь заволновалась, какъ прежде. Швейцарская граница кончится, и Баденская начинается близъ самаго Констанца, города стариннаго, нѣкогда знаменитаго, но теперь пустыннаго. Я взошелъ на колокольню соборной церкви, откуда видно на нѣсколько верстъ теченіе Рейна,

все пространство Боденскаго озера, множество городовъ, замковъ, селеній и цѣпь Альпійскихъ горъ, съ которыми я прощался, можетъ быть, навсегда. После того я остановился на берегу озера, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ, какъ мелькали паруса, и рыбацкія лодки разсѣкали тихія волны. Обремененный дѣлами, я только украдкою могъ наслаждаться природою. Государь, по приѣздѣ въ Констанць, отправился на островъ Мейнау, лежащій отъ города верстахъ въ трехъ, а я пошелъ въ свою комнату, и перечитывалъ маршрутъ по Швейцаріи, писанный рукою Лагарпа. Ежели этотъ листъ бумаги, думалъ я, не затеряется, то потомство приметъ его съ такими же чувствами, съ какими смотрѣли бъ мы теперь на описаніе путешествія, составленное Аристотелемъ для Александра Македонскаго. Лагарпъ предлагалъ ѣхать изъ Дижона въ Женеву, потомъ въ Лозанну, а оттуда въ Бернъ и кантонъ Арау, обязанный Государю своимъ политическимъ существованіемъ. Сперва Императоръ хотѣлъ слѣдовать маршруту Лагарпа, но отложилъ свое намѣреніе, потому что поѣздка въ Женеву замедлила бы прибытіе Его въ Берлинъ, куда Ему угодно было пріѣхать именно въ тотъ день, въ которой Онъ въ Парижѣ объявлялъ Прусскому Королю прибыть въ его столицу.

29-го Сентября мы въехали весь день около Констанцскаго озера, черезъ Губъ, Роршахъ, Рейнекъ и Брегенцъ въ Липдау. На дорогъ встрѣтили Государя воспитанники одного училища, одѣтые въ мундиры. Среди ихъ поставленъ былъ портретъ Государя на возвышеніи, куда вели нѣсколько ступеней, усѣянныхъ, такъ сказать, маленькими дѣвушками, цвѣтущими какъ розы; каждая указывала на изображеніе Императора. Переправясь черезъ Рейнъ, у Рейнека, мы въѣхали въ Тироль. Безъ искренняго уваженія нельзя было смотреть на Тирольцевъ, умѣвшихъ сохранить свою народность, вѣковые обычаи и нравы предковъ, въ бурное время, когда отечество ихъ и сосѣдственныя съ нимъ области стонали подъ чужеземнымъ игомъ. Здѣсь-то надобно слышать повторяемыя эхомъ высокихъ горъ Тирольскія пѣсни; хорами ихъ и радостными восклицаніями добрые и храбрые Тирольцы привѣтствовали Александра.

ГЛАВА XVII.

Дорога изъ Линдау въ Богемію.—Прѣбываніе Государя въ Вор-
ликъ.—Прага.—Празднованіе Лейпцигскаго сраженія.—Петерсваль-
де.—Берлинъ.—Казань.—Варшава.—Возвращеніе въ Россію.

Наше путешествіе по Швейцаріи кончилось въ Линдау. Здѣсь провели мы ночь безъ сна, потому что Государь не ложился почивать. Послѣ прибытія Своего въ Линдау и представленія Его Величеству тамошнихъ мѣстныхъ начальствъ, Государь сѣлъ за письменный столъ, и до утра занимался дѣлами. Въ теченіе ночи отправляли мы въ разныя стороны курьеровъ и эстафеты. На разсвѣтъ я получилъ приказаніе ѣхать безъ промедленія черезъ Ульмъ и Нюренбергъ въ Богемію, до мѣстечка Черговицъ, недалеко отъ Праги, и тамъ остановиться до

прибытія Его Величества. Въ Мергентгеймѣ ожидалъ Государя Вице-Король Италійскій Евгеній, въ другомъ городкѣ Великая Княгиня Анна Оеодоровна, а въ Ульмѣ Король Виртембергскій. Ёдучи за нѣсколько часовъ впереди Государя, я былъ осыпаемъ на каждой станціи вопросами объ Немѣ. Всѣ жаждали увидѣть избавителя Германіи, миротворца Европы, того, кто уничтожилъ Наполеона. Вездѣ были приготовлены для Государя объѣды, завтраки, пышныя встрѣчи, тріумфальныя ворота, оды, кантаты, иллюминаціи. Въ Нюренбергѣ случилось со мною забавное приключеніе. Я ѣхалъ въ придворной коляскѣ; на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ придворной ливреѣ, и Нѣмцы, съ часу на часъ ожидавшіе Императора, думали, что въ коляскѣ Государь. Едва я подъѣхалъ къ городскимъ воротамъ, ударили во всѣ колокола, раздались пушечныя выстрѣлы и громогласное ура! Толпы народа бѣжали за мною. Разувѣрять въ ихъ заблужденій словами было невозможно: отъ повсемѣстной тревоги и ужаснаго шума не слыхать было моихъ рѣчей. Сначала я махалъ руками, дѣлалъ разные знаки, но видя, что все безуспѣшно, долженъ былъ молчать. Въ такомъ тріумфѣ меня довели до дома, назначеннаго для Государя, гдѣ меня важно вышли встрѣчать министры, присланные

отъ Баварскаго Короля, и городскіе чиновники. Объявивъ имъ наскоро о происшедшемъ недоразумѣніи, я успѣшилъ скрыться отъ рукоплесканій и кликовъ восторженнаго народа.

Октября 3-го пріѣхалъ я въ назначенное мнѣ мѣсто, Черговиць. Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ Государь, и перемѣнивъ лошадей, отправился съ Княземъ Волконскимъ на нѣсколько дней въ Ворликъ, помѣстье Князя Шварценберга, котораго Онъ уважалъ, какъ полководца, и любилъ, какъ челоуѣка благороднѣйшихъ свойствъ. Въ Ворликъ было нѣсколько особъ, знакомыхъ Государю со времени Вѣнскаго Конгресса, и царствовала величайшая непривужденность. Однажды все общество гуляло по полямъ и встрѣтило крестьянина, пахавшаго землю. Государь сталъ на его мѣсто и провелъ сохою борозду. Случившійся въ Ворликъ живописецъ изобразилъ Государя въ такомъ видѣ на картинѣ, которую я видѣлъ въ послѣдствіи въ Вѣнѣ. Сельское явленіе сіе происходило именно въ тотъ день, когда Наполеона привезли въ мѣсто его вѣчнаго заточенія, на островъ Святой Елены! Такъ, неизмѣримый океанъ размежевалъ двухъ противниковъ, недавно бившихся на жизнь и смерть. Одного, какъ Прометей, приковывали къ скалѣ; Другой, осыщаемый

благословеніями современниковъ, съ торжествомъ возвращался въ дорогую Ему Россію.

Пока Государь былъ въ Черговицѣ, мнѣ велѣли ѣхать въ Прагу, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ предписаній. Давно не радовался я ни одному приказанію столько, какъ поѣздкѣ въ Прагу, потому что въ первый разъ, въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ, когда ни одна минута не принадлежала мнѣ, сдѣлался совершенно свободнымъ, и могъ по произволу располагать нѣсколькими днями. Въ полночь я отправился въ путь, и не могъ сомкнуть глазъ, не взирая на усталость; меня восхищало чувство кратковременной моей независимости. По прибытіи въ Прагу, я надѣлъ фракъ и пошелъ пѣшкомъ на островъ, называемый Маленькою Венеціею. Туманъ покрывалъ прекрасные берега Молдавы; народъ изрѣдка показывался на улицахъ, и колокольный звонъ только что начиналъ сзывать къ богослуженію. Я гулялъ по острову, гдѣ уже за семь лѣтъ передъ тѣмъ проводилъ пріятнѣйшіе вечера, гдѣ, на осьмнадцатомъ году отъ рода, бывъ стращикомъ на землѣ, думалъ о будущемъ своемъ назначеніи въ жизни, и возвращался, задумчивый, въ уединенное свое жилище, не предвидя всѣхъ готовимыхъ мнѣ судьбою превратностей! Не успѣлъ я прійти

съ гулянья, начали ко мнѣ съѣзжаться съ посѣщеніями мѣстныхъ начальства и предложили занять комнаты, приготовленныя для меня во дворцѣ. Послѣ я былъ у Главнокомандующаго, Фельдмаршала Графа Колловрата; отъ старости онъ едва могъ говорить. Въ помощь ему былъ данъ Генераль Графъ Кленау, осыпавшій меня учтивостями. «Были ль вы у гражданскихъ чиновниковъ,» спросилъ онъ, «и условились ли съ ними о всемъ нужномъ для пребывания Его Величества въ Прагъ?» Нѣтъ, отвѣчалъ я, и о томъ хотѣлъ съ вами переговорить. «Я съ моею стороны все сдѣлалъ,» отвѣчалъ онъ, «но васъ убѣдительно прошу, побывать у сихъ господъ. Какъ военный, скажу вамъ откровенно, что имъ и самому мнѣ это будетъ очень пріятно.» Слова Генерала удостовѣрили меня, что въ Австріи военныя власти подчинены въ мирное время гражданскимъ. Окончивъ посѣщенія, я поѣхалъ во дворецъ. Виды оттуда на Прагу прелестны. Во время пребывания Своего въ Прагъ, въ 1813-мъ году, Государь часто любовался ими и сравнивалъ ихъ съ видами, являющимися на Москву, смотря на нее съ Кремля. Я обѣдалъ у Генерала Кленау со многими Австрійскими офицерами, Они разсуждаютъ умно, но въ обращеніи цѣловки. Всѣ прелести

молодой дочери Графа не могли развеселить ихъ. За обѣдомъ былъ Адъютантъ Блюхера, Штранцъ; мы встрѣтились, какъ родные братья, потому только, что онъ былъ Пруссакъ, а я Русскій. Не существовало примѣра такого тѣснаго союза между двумя странами, какъ между Россіею и Пруссіею: когда офицеры сихъ двухъ Державъ гдѣ нибудь встрѣчались, они почитали другъ друга совершенно за своихъ.

Я не могу довольно нахвалиться ласковымъ пріемомъ Пражскихъ вельможъ и заботливостію, съ какою мѣстныя начальства дѣлали всякаго рода приготовленія для пребыванія Его Величества, въ надеждѣ, что Государь остановится на нѣсколько дней въ Прагѣ. Проживъ здѣсь-пять дней, я былъ безпрестанно приглашаемъ на обѣды, на вечера и въ театръ. Обращеніе дворянства такое же, какъ и въ другихъ столицахъ, но поваренное искусство не сдѣлало успѣховъ: подражая во многомъ Французамъ, почему также не брать примѣра съ Робера, Бовиле и Вери, до сихъ поръ не имѣющихъ себя равныхъ въ Европѣ? Черезъ три дня я получилъ изъ Ворлика повелѣніе ѣхать черезъ Кениггрецъ, Находъ и Глацъ, въ Силезію, въ замокъ Петерсвальде, близъ Рейхенбаха, и тамъ ожидать Государя. При самомъ спускѣ съ Исполницкихъ горъ,

отдѣляющихъ Богемію отъ благословенной Силезіи, увидѣлъ я весь горизонтъ, объятый заревомъ. Было 6-го Октября, день сраженія при Лейпцигѣ, празднуемый въ Германіи необыкновеннымъ образомъ. Лишь только вечеръ пасталъ, на вершинахъ холмовъ и горъ зажгли костры, нарочно для того приготовленные; они горѣли всю ночь, знаменуя время освобожденія Германіи; пламень пылалъ отъ Триеста до Гамбурга, и отъ Вислы до Рейна. Въ тотъ день Государь находился еще въ помѣстьяхъ Князя Шварценбергера, желая поздравить Фельдмаршала, въ кругу его семейства, съ побѣдою, за два года передъ тѣмъ одержанною подъ главнымъ его предводительствомъ. Онъ обнялъ Фельдмаршала въ присутствіи всѣхъ, и привѣтствовалъ въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ замокъ Петерсвальде, брата славнаго стихотворца, Графа Стольберга. Здѣсь Государь жилъ во время перемирія въ 1813-мъ году, склонилъ на Свою сторону Австрію, заключилъ многіе договоры и составилъ предположенія военныхъ дѣйствій, послужившія основаніемъ успѣховъ, одержанныхъ въ послѣдствіи: потому Петерсвальде есть для Германіи колыбель свободы, уготованной ей Александромъ. Изъ оконъ замка

открываются прелестные виды на поля Силезіи, полныя изобилія и жизни, на башни знакомаго намъ Рейхенбаха и на высокіе утесы Фирштенштейна, украшенные развалинами древняго зданія. Полтора года прошло съ того времени, какъ мы здѣсь жили, и все измѣнилось! Тогда только что отгремѣлъ Бауценскій громъ, Европа была въ колебаніи, народы опять готовились къ кровопролитной войнѣ, а теперь миръ, заключенный на прочныхъ основаніяхъ, подавалъ несомнѣнную надежду на долгое и ненарушимое спокойствіе Государствъ. Черезъ день мы выѣхали изъ Петерсвальде въ Берлинъ. Въ каждомъ городѣ и селеніи стояли триумфальныя ворота, сдѣланныя изъ ельника, съ надписями въ честь Государя и вензелемъ Его имени. У воротъ множество дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ, сыпали цвѣты при проѣздѣ Императора. Генералы Юркъ и Гюнербейнъ, присланные Королемъ Прусскимъ, сопровождали Государя до Берлина. О радушномъ приѣмѣ Пруссаковъ, и въ какой мѣрѣ они чувствовали оказанныя имъ Россіею благодѣянія, расскажу слѣдующій анекдотъ. Мы расположились для ночлега въ городѣ Мюнхенбергъ. Хозяинъ дома, въ которомъ мнѣ отвели квартиру, истощивъ все средства угощенія, наконецъ предложилъ

остановить ходъ стѣнныхъ часовъ, чтобъ ихъ стукъ не безпокоилъ меня во время сна. Въ Кроссенъ надѣялись, что Государь остановится тамъ для ночлега, и приготовили для Его Величества тотъ самый домъ и комнаты, гдѣ жилъ Фридрихъ Второй, и даже кровать великаго Монарха.

Октября 9-го мы въѣхали въ Берлинъ. Необозримое множество радостныхъ жителей вышло на встрѣчу Государю; Онъ былъ въ Прусскомъ мундирѣ. Король встрѣтилъ вѣрнаго, неизмѣннаго друга своего въ Фридрихсфельдѣ, откуда Монархи, въ открытой коляскѣ, отправились въ Берлинъ; по улицамъ разставлены были войска, и проходили потомъ церемониальнымъ маршемъ. Мы провели въ Берлинѣ около двухъ недель, ознаменованныхъ великимъ событіемъ, упрочившимъ на вѣки благоденствіе Россіи—обрученіемъ бывшаго тогда Великимъ Княземъ Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА съ Дщерію Короля. При Дворѣ были балы и обѣды. Тогда же вступилъ въ Берлинъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ. Шефомъ его былъ Прусскій Король. Въ Русскомъ мундирѣ, ѣхалъ онъ передъ первымъ взводомъ и салютовалъ Государя. Офицеры обѣдали во дворцѣ за Королевскимъ столомъ, а солдатъ угощала Прусская гвардія. Примѣчательнѣе всего, что въ тотъ день

караулы были заняты въ Берлинѣ Русскими солдатами. Лудовикъ XIV, возведя своего внука на Испанскій Престолъ, сказалъ: «Пиренейскія горы «болѣе не существуютъ!» Русскимъ можно было, въ подражаніе ему, но съ большимъ правомъ, сказать, что при Александрѣ Россія и Германія составляли одно семейство.

27-го Октября мы выѣхали изъ Берлина черезъ Франкфуртъ въ Калишъ. Государь оставлялъ чужіе края на три года, потому что Союзные Монархи условились собраться въ извѣстные сроки, для принятія мѣръ къ обезпеченію и сохраненію мира. Такъ называемые либеральныя писатели говорили, что Монархи теряли въ разъездахъ безцѣнное время, вмѣсто того, чтобы употреблять его съ большею пользою для внутренняго управленія Государствъ. Но, можно ли назвать утраченными, два или три мѣсяца—ибо Конгрессы Ахенскій, Лейбахскій и Веронскій продолжались не болѣе сего времени—когда Союзные Монархи, черезъ каждые три года, соединялись для совѣщаній о благѣ Европы? Не заключаетъ ли самое надежное ручательство мира въ личной дружбѣ Вѣнценосцевъ? Другіе утверждали, что Россія, надолго оградившей предѣлы свои отъ всякаго противъ нихъ непріязненнаго покушенія, надлежало

удалить себя отъ дѣлъ Европы. Такъ у насъ разсуждали пѣкоторые при началѣ Французской революціи, полагая, что она не коснется никогда нашего отечества. Екатерина была противнаго мнѣнія. Она говорила управлявшему тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Графу Маркову, отъ котораго я самъ слышалъ слова ея, что «революціонная война «легко можетъ дойти до Россіи.» Послѣдствія оправдали предвѣдѣніе Екатерины: революціонная война произвела пожаръ Московскій! Послѣ такого примѣра, совершившагося въ нашихъ глазахъ, Императору Александру тѣмъ меньше можно было устранять Себя отъ соучастія въ положеніи другихъ Державъ, что, спасши ихъ отъ военнаго деспотизма, и возстановя вѣковые, законные Престолаы, Онъ не хотѣлъ предать жребіи Европы на произволь мятежей: крамольники не умѣли бы возобновить свои преступные замыслы, если бы замѣтили, что Онъ болѣе не обращалъ вниманія на ихъ козни. Совершивъ подвигъ дивный, Александру надлежало упрочить грядущимъ поколѣніямъ дѣло великое и святое.

Грустно было мнѣ слышать, какъ, по мѣрѣ нашего удаленія отъ Одера, мало по малу исчезалъ Нѣмецкій языкъ. На немъ получилъ я первыя понятія

о прелестяхъ ученія. Если науки не всегда приносятъ существенную пользу, по крайней мѣрѣ всегда содѣлываютъ онѣ человека лучшимъ, и примиряютъ насъ съ жизнью, въ какомъ бы горестномъ положеніи мы ни находились. На другія сутки по выѣздѣ изъ Берлина, мы были уже въ новыхъ предѣлахъ Россіи, въ Калишѣ. Я посѣтилъ въ тотъ домъ, гдѣ въ 1813-мъ году жилъ Князь Кутузовъ. Сердце мое билось, когда я шелъ по лѣстницѣ; на ней встрѣчалъ я прежде именитѣйшихъ генераловъ, а теперь все было пусто и темно; только привратникъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду на верхъ? и узнавъ причину, сказалъ, что онъ и не слыхалъ о нашемъ героѣ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ Кутузовъ обыкновенно занимался дѣлами, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Александромъ о рѣшеніи участи Европы, и гдѣ удостоивалъ онъ меня своимъ разговоромъ, иногда и довѣренностію. Мною овладѣло благоговѣніе сильнѣе того, какое чувствовалъ я въ гробницѣ Сципіона и среди памятниковъ Римской славы. Слабый свѣтъ свѣчи придавалъ комнатѣ видъ мрачный; все безмолствовало. Вдругъ сдѣлался необыкновенный шумъ на улицахъ, возвѣщая прибытіе Государя. Ударили въ колокола, раздались пушечные выстрѣлы, и народъ громкими восклицаніями привѣтствовалъ новаго

Царя своего. Въ то время, какъ будто одинъ во всемъ мѣрѣ, стоялъ я, облокотясь на стулъ, гдѣ сидѣлъ великій человѣкъ. Еслибъ мы и не были свидѣтелями исполинскихъ дѣяній Кутузова, то и тогда, тѣ изъ насъ, кто были близки къ нему, сохранили бы навсегда въ памяти нашей время, когда, находясь на высшей степени почестей и славы, онъ очаровывалъ насъ прѣзрительнымъ и ласковымъ своимъ обращеніемъ, разумомъ всеобъемлющимъ. «Чѣмъ болѣе живу,» писалъ онъ не задолго до своей кончины къ одной изъ своихъ дочерей, «тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что слава—дымъ. Я всегда любилъ философствовать, но нынѣ, болѣе, нежели когда либо. Говорятъ, всякій возрастъ имѣетъ свои страсти; моя теперешняя страсть состоитъ въ безпредельной любви къ моимъ дѣтямъ. Я смѣюсь надъ собою, размышляя, съ какой точки зрѣнія я смотрю на званіе мое, на мою власть и почести, меня окружающія; я въ то время вспоминаю Катиньку, (*) когда она сравнивала меня съ Агамемномомъ; спрашиваю: былъ ли Агамемнонъ счастливъ?» Однажды, на самомъ этомъ мѣстѣ, я какъ будто предугадалъ близкую кончину Князя Михаила

(*) Одна изъ внуковъ Князя Михаила Ларионовича, Графиня Гизенгаузенъ.

Ларионовича. За нѣсколько дней передъ выступленіемъ нашимъ изъ Калиша, подалъ я ему для подписанія бумагу. Въмѣсто трехъ чертъ, чѣмъ онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ ихъ гораздо болѣе, и, смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: «Кажется, я ошибся.»—Вы написали «двѣ лишнія литеры;» отвѣчалъ я, «но я ихъ выскоблю.»—«Нѣтъ,» прервалъ онъ, «я эту бумагу самъ уничтожу, а ты вели приготовить другую: вѣдь Богъ знаетъ, что обо мнѣ подумаютъ.» Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и черезъ двѣ недѣли не стало того, для кого потомство будетъ справедливые современниковъ.

Переночевавъ въ Калишѣ, гдѣ Государь надѣлъ въ первый разъ Польскій мундиръ и звѣзду Бѣлаго Орла, мы отправились въ Варшаву, куда прибыли 31-го Октября, при громкихъ восклицаніяхъ народа. На улицахъ стояла Польская армія, только что вновь образованная; она простиралась уже до 24,000 человекъ. Оружіе, одежда, даже деньги для продовольствія сихъ войскъ, по совершенному истощенію Польши, отпускались тогда изъ Россіи. Нѣкто замѣтилъ во время смотра, что конница была малочисленна. Государь отвѣчалъ: «Неудивительно: Поляки съѣли лошадей своихъ въ Россіи.» Потомъ

Императоръ вступилъ во дворецъ, гдѣ принялъ ключи города и привѣтствовалъ рѣчью представлявшихся Ему почетнѣйшихъ жителей. Нѣкоторые изъ дворянъ были въ старинныхъ національныхъ кафтанахъ, подвязанные богатыми кушаками, въ разноцвѣтныхъ сапогахъ и съ длинными саблями, которыя, какъ я тогда думалъ, уже долго не обнажатся противъ двуглаваго орла. На многихъ Полякахъ былъ орденъ Почетнаго Легиона. Я желалъ, чтобы сей знакъ отличія временъ Наполеона замѣнился нашимъ Георгіевскимъ крестомъ, то есть, чтобы въ первую войну Россіи съ какою нибудь Державою, Поляки сражались съ нами за одно, смѣшали бы кровь свою съ нашего кровію, и тѣмъ изгладилась бы вражда, долгое время раздѣлявшая два единоплеменные Царства. Мы прожили въ Варшавѣ съ небольшимъ двѣ недѣли. Государь разсыпалъ щедроты на весь сословія народа. Поляки, находившіеся въ плѣну въ Россіи, и взятые въ сраженіяхъ въ Германіи и Франціи, были уже послѣ Парижскаго мира возвращены въ отечество и введены по прежнему во владѣніе своихъ имѣній, состоявшихъ въ казенномъ присмотрѣ. Тогда же спято было запрещеніе съ имѣній Поляковъ, до послѣдняго времени служившихъ въ войскахъ Варшавскаго Герцогства,

подъ знаменами Наполеона. Сей милости не были лишены даже уроженцы западныхъ губерній нашихъ. Помѣстья Князя Понятовскаго, убитаго подъ Лейпцигомъ, не только возвратили его наследникамъ, но имъ даже отдали доходы, поступившіе въ казну съ того времени, когда имѣніе его было взято подъ запрещеніе. Государь учредилъ штатъ для Варшавскаго Двора, назначилъ къ Себѣ нѣсколько адъютантовъ изъ Польскихъ офицеровъ, пожаловалъ нѣкоторыхъ дѣвицъ во Фрейлины, раздалъ Русскіе ордена, удостоивалъ личнымъ посѣщеніемъ знатнѣйшихъ вельможъ, но при всемъ томъ Поляки смотрѣли на насъ пасмурно. Возвративъ Польшу политическую независимость и самое имя, уже двадцать лѣтъ не существовавшее, Александръ, вѣря въ признательность, хотѣлъ упрочить завоеваніе благодареніями. Въ ночь, передъ нашимъ отъездомъ, Генералъ Заіончекъ былъ утвержденъ Намѣстникомъ Царства. Званіе сіе, до самой послѣдней минуты надѣялся получить Князь Чарторыйскій, участвовавшій въ составленіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ новой конституціи; но, обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, Чарторыйскій ходилъ въ ту ночь по дворцу, съ разстроеннымъ видомъ, какъ изступленный, и не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ

изъ насъ, Русскихъ, находившихся въ комнатахъ передъ кабинетомъ Государя, гдѣ Его Величество занимался до ранняго утра. Наконецъ настало 18-е Ноября, желанный день возвращенія въ Россію. На другія сутки мы были уже въ Бѣлостокъ, откуда, не остаиваясь, поѣхали прямо въ Петербургъ. Тѣмъ заключилось наше пятнадцати-мѣсячное путешествіе, исполненное огромныхъ историческихъ событій. Въ теченіе сего времени устроено новое бытіе Европы на Вѣнскомъ Конгрессѣ, уничтожено покушеніе Наполеона присвоить себѣ вновь верховную власть во Франціи, совершено обрученіе Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, и Россія вознесена на высочайшую степень славы Императоромъ Александромъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Парижа.—Геттингенъ.—Морское путешествіе.—
Возвращеніе Государя въ Петербургъ.—Праздникъ въ Павлов-
скѣ.—Отъѣздъ на конгрессъ въ Вѣну 1

ГЛАВА II.

Пріѣздъ Государя въ Вѣну.—Великія Книгини.—Принцъ де-
Линъ. — Эрцгерцогъ Карлъ. — Императрица Елисавета
Александровна.—Различныя требованія на Конгрессѣ.—Представ-
леніе Принцевъ.—Взглядъ на Конгрессъ.—Александръ въ дѣ-
лахъ Конгресса.—Слова Государя о границахъ Россіи.—Чино-
вики при Государѣ 11

ГЛАВА III.

Праздникъ въ Ауартевѣ.—Асперъ и Ваграмъ.—Шенбрунъ.—
Римскій Король. — Праздникъ въ Пратерѣ. — Обѣдъ въ домѣ
Графа Разумовскаго. 26

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Венгрію. — Славяне. — Иремъ.—Национальный Му-
зеумъ. — Офенъ и Пестъ. — Представленіе Венгерцевъ. — Разго-
воръ о Наполеонѣ.—Венгерскія женщины.—Гулянье на Марга-
ритиномъ острову.—Балъ у Графа Шандора.—Отъѣздъ въ Прес-
бургъ.—Стихотворенія 33

ГЛАВА V.

Увеселенія.—Катаніе въ саняхъ.—Карусель.—Театръ.—Импе-
раторъ Францъ.—Письмо къ нему Государя.—Кабинетъ его.—
Австрійская Императрица.—Угощеніе Вѣнскаго Двора.—Обѣды
у Государя.—Камеръ-балы.—Лагарпъ.—Умовеніе ногъ 46

ГЛАВА VI.

Побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы.—Первое военное совѣ-
щаніе.—Манифестъ Конгресса.—Военный совѣтъ.—Образованіе
трехъ армій.—Русскія войска.—Коммиссія о продовольствіи . 63

Г Л А В А VII.

Подарки Вѣнскому Двору. — Отъездъ изъ Вѣны. — Баварскій Дворъ. — Стутгартъ. — Лудвигсбургъ. — Гейльбронъ. — Гейдельбергъ.

79

Г Л А В А VIII.

Загородный домъ Государя въ Гейдельбергъ. — Прибытіе войскъ. — Военныя совѣщанія. — Операционный планъ Государя. — Письмо Его Величества къ Герцогу Веллингтону. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Извѣстіе о сраженіи при Липпц. — Побѣда при Ватерло. — Пріѣздъ Великихъ Князей. — Великая Княгиня Екатерина Павловна.

89

Г Л А В А IX.

Мангейнъ. — Письмо Государя къ Графу Барклаю де-Толли. — Парижскія новости. — Депутаты Временнаго Правительства. — Замячанія о походе. — Анекдотъ изъ Турецкой войны. — Переходъ чрезъ Вогезскія горы. — Партизаны. — Нансѣ. — Взятіе Парижа

107

Г Л А В А X.

Состояніе Франціи. — Донесеніе Чернышева. — Отъездъ Государя изъ Севъ-Дизъ въ Парижъ.

. 122

Г Л А В А XI.

Пріемная комната Государя. — Генералъ Сарразенъ. — Переговоры. — Смотры войскъ. — Замячанія Государя о конницѣ. — Входъ въ Парижъ Русскихъ войскъ. — Жераръ. — Рамель. — Лафаетъ. — Сегиюръ

134

Г Л А В А XII.

Состояніе Парижа. — Легкомысліе Французовъ. — Униженіе ихъ. — Военные. — Извѣстіе о взятіи Наполеона. — Судъ надъ Лабедойеромъ. — Чернь Парижская. — Предостерегательное письмо и твердость духа Государя. — Бурбоны. — Тюльерійскій дворъ.

. 154

Г Л А В А XIII.

Смотръ при Вертю 26-го Августа. — Второй смотръ. — Гвардейскій конно-егерскій полкъ. — Обѣдня въ лагерѣ. — Иностранцы, находившіеся въ Вертю. — Обѣденный столъ для Русскихъ. — Высочайшій приказъ

169

Г Л А В А XIV.

Возвращеніе изъ Вертю въ Парижъ.—Письма Французовъ.—
 Покупка Мальмезонской галлерей.—Страсть Французовъ въ ор-
 денахъ.—Аудіенціи.—Образъ жизни Государя.—Священный
 Союзъ.—Параллель между Александромъ и Наполеономъ. 187

Г Л А В А XV.

Подписаніе мира.—Отъездъ изъ Парижа въ Брюссель.—Гене-
 раль Фуль.—Поле Ватерлоскаго сраженія.—Отъездъ изъ Брюс-
 селя въ Швейцарію. . 204

Г Л А В А XVI.

Путешествіе по Швейцаріи 217

Г Л А В А XVII.

Дорога изъ Линдау въ Богемію. — Пробываніе Государя
 въ Ворликъ. — Прага. — Празднованіе Лейпцигскаго сраженія.—
 Петерсваальде.—Берлинь.—Калишъ.—Варшава.—Возвращеніе въ
 Россію 223

